

УДК 94 ББК 63.3(0) В46

Серия «Классическая мысль»

Подписано в печать с готовых диапозитивов 26.08.2003.

Формат 70х90/32- Печать офсетная. Усл. печ. л. 6,96. Тираж 5100 экз.

Заказ 2640.

Вильчек Э.

В46 История человечества: Значение Тихого и Индийского океанов. Индонезия / Э. Вильчек, Г. Шурц, К. Вейле. — СПб.: ООО «Издательство «Полигон», 2004. — 191, [1] с.: ил. — (Классическая мысль). ISBN 5-89173-230-0

Книга представляет собой обзор исторического значения Тихого и Индийского океанов и истории Индонезии до начала XX века. Методология автора строится на базе антропогеографии и этнографии, что представляет особенный интерес.

,-;.. Нзш^предназначено студентам гуманитарных факультетов **КМев** интересующимся историей.

УДК 94 ББК 63.3(0) : Научно-популярное издание

Э. Вильчек, Г. Шурц, К. Вейле

ИСТОРИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

Значение Тихого и Индийского океанов.

Индонезия

Главный редактор **ЯУ/ Волковский**. Редактор **А.А. Сапникова**.

Технический редактор **И.К. Куздяева**. Корректор **Ц.А. Щабранская**

Компьютерная верстка: **Ю.А. Федорова**. Компьютерная графика: **А.В. Аракчеев**

ЛР ИД № 03073 от 23.10.2000 г.

ООО «Издательство «Полигон»,

194044, С.-Петербург, Б. Сампсониевский пр., 38/40.

Тел.: 320-74-24; тел./факс: 320-74-23. E-mail: polygon@rol.ru

Издание осуществлено при техническом содействии ООО «Издательство АСТ»

© ООО «Издательство «Полигон», 2003

При участии ООО «Харвест». Лицензия ЛВ Ж* 32 от 27.08.02. РБ, 220013, Минск, ул. Кульман, д. 1, корп. 3, эт. 4, к. 42.

Историческое значение Тихого океана

ИСТОРИЧЕСКАЯ СЦЕНА

В НАСТОЯЩЕЕ время ничто не обозначает яснее всемирно-исторического значения Мирового океана, чем везде усиленно проявляющееся явление бесконечно разнообразных взаимоотношений, связывающих океан во всех его частях с обитателями отдельных материковых масс. С севера на юг, с востока на запад протягиваются густой сетью с одного материка на другой дороги, на которых величественно проявляется политическая, умственная и коммерческая жизнь человечества. Какое бесконечное расширение в сравнении с древним или даже доколумбовским культурным кругом, ограничивавшимся Средиземным морем и морями, окружавшими Европу! И тем не менее даже в те отдаленные времена и другие части Мирового океана играли свою роль в истории человечества; каждый океан по-своему являлся представителем отношений живущих около него и на нем народов, но стянуть их в рамки всемирной истории предоставлено было лишь нашему времени.

И Тихий океан играет заметную роль в ходе человеческой истории. Ее нельзя сравнить ни по глубине, ни по размерам с ролью, сыгранной Средиземным морем, что видно уже из положения этого водного бассейна между тремя материками, обитатели которых почти неудержимо направлялись к названному морю; Тихий океан и Средиземное море и в историческом отношении — величины, не сравнимые между собой. Но и по отношению к другим океанам Тихий океан своим положением и формой

не наделяется условиями, благоприятными для его исторического значения. Правда, и на Атлантическом океане, в его южной половине, помещается оживленная внутри, но мертвая снаружи Африка, а в восточной части его — такая же лишенная истории Южная Америка; и у Индийского океана есть свой Австралийский материк, масса суши, историческая роль которой в действительности начинается лишь со вторичного ее открытия Джеймсом Куком. Но зато Атлантический океан, наряду с преимуществом своей узкой каналаобразной формы, обладает бесконечной выгодой соседства культурной Европы, способность расширения которой оказывается достаточной, чтобы охватить весь земной шар; у Индийского океана есть непрерывный мост народов его густо населенного Индонезийского архипелага и обращенных в сторону Восточной Африки южноазиатских полуостровов.

Ничего подобного мы не находим на Тихом океане. Ни с первым, ни со вторым из названных выше океанов его нельзя сравнить ни по величине, ни по форме, ни по положению; только богатство островов в некоторых его частях указывает на родство с западным соседом. Его видимым выдающимся свойством остается величина. Этот океан занимает приблизительно три четверти земной поверхности и составляет почти половину всего мирового океана. Сообразно этому распространению и другим естественным и географическим свойствам его историческое значение отличается крупными чертами, между тем как, будучи распределено по всему его колоссальному пространству, оно лишено интенсивности.

Форму океана Фридрих Ратцель удачно характеризует указанием широко расходящихся пограничных линий; между азиатским и американским берегами лежат пути, в три раза превосходящие длину Атлантического океана. Тихий океан широко раскрывается к югу; в этом отверстии лежат Австралия и Океания, и это придает Тихому океану своеобразную черту — третье побережье, лежащее почти исключительно в южном полушарии, наряду с самым богатым развитием островов, какое мы только можем найти на земле. Как сужение к северу, так и островной мост на юге более всего характеризуют форму и поверхность океана и служат прежде всего путями, по которым движется история Тихого океана; они представляют связующее начало, а простирающаяся между ними водная пустыня южной части — разъединяющее начало этого океана.

Подобно форме, своеобразно и положение Тихого океана. Атлантический океан в своем общем протяжении сохраняет характер продольного канала между Старым и Новым Светом; Индийский океан походит на громадную бухту, которая с юга проникает в неуклюжую массу Старого Света. Тихий океан — несравненно более обширный, направленный к северу клин, который, при крайне разнообразном строении берегов, разделяет обе наибольшие массы суши, Америку и Азию. На этом океане преобладают, по-видимому, разъединяющие свойства, что, до известной степени, согласно с действительностью. Правда, на поверхности земли немного точек, в которых материки так близко подходили бы друг к другу, как в месте наибольшего сближения обеих пограничных линий северной части Тихого океана, в узком Беринговом проливе. Но-чем может быть доказано историческое значение этого пролива, который в вопросе о родине первоначального населения Америки всегда будет играть крайне важную роль, хотя сама эта загадка едва ли когда-нибудь найдет свое решение?

Насколько указывают доступные нам источники, Берингов пролив никогда не имел большего исторического значения, чем какой-либо другой арктический против, ограниченный двумя обитаемыми берегами; помимо продолжительного, но все-таки временного занятия Аляски русскими, он всегда служил лишь незначительным путем торгового сообщения. Даже и южнее, там, где Берингово море между Камчаткой, Аляской и Алеутскими островами образует внутреннее море, которое по своей форме не уступает в каком бы то ни было отношении ни одному из внутренних или средиземных морей своей пригодностью для

общений

между народами, даже и этой части Тихого океана не принадлежит никакая историческая роль. Здесь, на ледяном севере, отсутствуют все подготовительные условия, какие в течение истории человечества встречаются сотнями в других менее удобных по форме, но более приятных в климатическом отношении частях земной поверхности. Эти северные берега слишком безнадежно негостеприимны, чтобы они могли способствовать распространению человечества именно в этом месте; высокий север со своими ледяными и снеговыми полями, своей недостаточной растительностью и свой скудной животной жизнью дает человеку лишь жалкий приют, препятствующий его размножению и затрудняющий его распространение. Как только он приходит в движение, внутреннее прирожденное стремление влечет его к югу, в более легкие жизненные условия, в смутно грезящиеся ему более счастливые места. Тогда мост, как бы он ни был удобен, остается без употребления: недостает человеческих масс, которые могли бы проходить по нему. Но чем дальше к югу, в умеренных и тропических климатах, берега становятся более обитаемыми, тем более разделяющая водная поверхность расширяется до бесконечности, тем более исчезает противоположность между идеальными и реальными горизонтами.

И образование берегов обеих больших материковых масс далеко не повсюду способствует привлечению их населения к морю. В высшей степени это можно сказать об Америке. От высокого севера до южной оконечности ее тянется вдоль вытянутого в длину двойного материка у самого Тихого океана крутая горная стена, образующая между берегами и внутренней страной трудно проходимую границу, перерезываемая на северном материке только немногими, а на южном вовсе не перерезываемая реками. Сторона Тихого океана для исторической Америки есть задняя сторона; лицевая сторона ее обращена к Атлантическому океану. Несравненно благоприятнее является западный берег океана. Реки, текущие из глубины Азии к морю и связывающие ее с океаном, многочисленны, велики и могучи.

Плоскость соприкосновения материка и океана увеличивается еще рядом островных групп, окаймляющих в виде гирлянды восточный край Азии и доставляющих населению материка первую точку опоры при выходе в море. С одной стороны, привлекая к океану, эти гряды островов, с другой стороны, составляют преграду: они захватывают народные массы, выступающие с материка, и задерживают их на долгое время. Это будет понятно для нас, если мы примем во внимание, что переселение с помощью первобытного судоходства первых переселенцев лишь в небольшом количестве и лишь постепенно уводит от края рек. Выход в океан, таким образом, интенсивно поощряется краевыми островами, но экстенсивно он ими замедляется и затрудняется; это препятствие должно быть сперва насыщено медленно прибывающим новым населением прежде, чем это последнее, как новая волна, может передвинуться далее через океан. Легко понять, какие промежутки времени требовались для того, чтобы насытить богатый островной мир Восточной Азии, постепенно, по каплям, поступавшим притоком и сообщить последнему толчок к дальнейшему распространению по необозримой водной поверхности. Если уже на материке народные массы приводятся в движение чаще всего настоятельной необходимостью, когда родная почва не может более прокармливать своих размножившихся обитателей, то это еще в высшей степени имеет значение для морских берегов и островов: препятствия, создаваемые водой* трудно преодолимы для переселения отдельных лиц и групп, но они уже безусловно непобедимы для массового переселения. Только самая горькая нужда может заставить людей, не стоящих еще на высшей культурной ступени, оставить надежную твердую почву и пуститься без определенной цели по водяной пустыне, грозящей гибелью. И, без сомнения, должны были пройти продолжительные периоды, прежде чем такая нужда наступила на островах Восточной Азии.

Предположение это поддерживается и другим соображением. Согласно заслуживающему полнейшего внимания мнению Дарвина, острова Полинезии заселились лишь за несколько столетий до открытия их европейцами; напротив, предания мифической истории Японии образование тамошнего населения относят к столь давним временам, что перед ними отступает самая смелая фантазия. И хотя миллион лет, которые с гордостью видит позади себя сын дальнего архипелага, не выдерживают критики, но, с другой стороны, под шелухой национального тщеславия таится зерно истины. Во всяком случае, этот контраст представляет своего рода масштаб древности исторической роли Тихого океана.

ПЕРИОД ДО МАГЕЛЛАНА

Когда человек впервые завладел берегами Тихого океана — вопрос, на который историк не обязан отвечать нам, так как это важное событие произошло, без сомнения, ещё в доисторические времена. Быть может, когда-нибудь на него в состоянии будут ответить геолог, антрополог и палеонтолог, но при нынешнем своем состоянии наука дать этого ответа еще не может. Точно так же ждет своего решения вопрос о человеческой расе, которая тогда впервые появилась на берегах океана, не говоря уже о каком-либо определенном народе. Палеонтологические данные придают большую вероятность предположению, что Америка впервые получила свое наследие извне; это переселение, вследствие близкого соседства с Северной Азией, легче всего могло последовать оттуда, и тамошний монгольский тип должен был распространиться по Америке. Это обстоятельство впервые выдвигает перед нами доисторическое значение Тихого океана, который способствовал постепенному отливу избытка населения Восточной Азии в Америку, — и прежде всего в своем самом узком, в самом северном месте. При дальнейшем движении переселенцев к югу расширяющийся океан препятствует обратному отливу народной волны к исходной точке; он крепко держит ее на вновь занятом

материке и дает последнему возможность залечат; ней в течение долгих промежутков времени свое ние, способствующее образованию нового типа.

Можно держаться самого невыгодного мнения о притянутых расовых делениях человечества, можно установить три, пять и более таких делений, но нельзя оспаривать то, что ответ на вопрос о происхождении человеческого рода все более и более приводит к единству, из которого видимое разнообразие произошло путем дифференцирования. Точно так же при общем монгольском происхождении древних азиатов и новых американцев здесь могла развиться красная американская раса, а остальная часть того же племени под специфическим влиянием Азии превратилась в монголов. В духе этого воззрения проявляет себя сперва связующее, а затем разъединяющее влияние Тихого океана, как первичное влияние, обуславливающее разделение монголоидного главного ствола, обособленное образование желтой и красной человеческих рас. Таким же образом можно приписывать Индийскому океану образование малайской расы, хотя и в этом случае Тихому океану принадлежит определенная роль, насколько дело касается особой ветви полинезийцев. Оба океана совместно приводят на континент Австралии, заселенной первоначально негроидной расой, переселенцев малайского и полинезийского происхождения, из смешения которых с первой выработался новый, резко обособленный тип австралийца. Этот тип распространился затем к востоку по некоторой части островных групп Тихого океана, по Меланезии.

Пека еще остается вопросом принадлежит ли первое появление на Тихом океане монголоидам северно-умеренного или негроидам экваториального пояса. Во всяком случае мы должны признать, что еще в доисторическое время края Тихого океана, так же как его необозримый островной мир, были обитаемы четырьмя различными расами — желтой и красной, бурой и черной. Недоставало только белой. В течение неопределенно долгих промежутков времени судьбы только что названных четырех главных типов человечества идут рядом, нигде особенно не перекрещиваясь и не влияя друг на друга. Каждый из них более или менее следует независимому, обособленному ходу развития в пределах собственной области; взаимное соприкосновение затрудняется для них громадным протяжением разъединяющих водных поверхностей. Вступление их в круг исторического наблюдения также оказывается весьма разнообразным. В то время, как плотно теснящиеся,двигающие идвигаемые массы населения тихоокеанского берега Азии рано достигли высокой культуры и выдвинулись в числе первых на освещенную сцену истории, уединенный материк Америки остается замкнутым миром, который долгое время представляется окутанным тьмой и историку ставит такие же трудные задачи, как и антропологу; даже ключ к пониманию несомненно исторических признаков потерян и до сих пор еще не найден. Поэтому Америка является весьма поздним камнем трудно уловимой формы в здании всемирной истории. Еще более это можно сказать о менее изолированной, но по своим физическим и климатическим особенностям менее благоприятной для человеческого развития Австралии. Ее скудное население до соприкосновения с белыми жило в каменном веке, т. е. отстало на целые тысячелетия от обитателей старых материков; несмотря на соседство стремящихся вперед малайцев, оно довольствуется совершенно пассивной, лишь воспринимательной ролью. Таким образом, с исторической точки зрения, австралиец является довольно бесплодной ветвью человечества; он должен отступать перед другими на второй план, хотя бы за его расой и признавалось преимущество старшинства.

Вообще из обитателей Тихого океана прежде всего обращают на себя наше внимание те, которые раньше других, по доброй воле или по принуждению, воспользовались морем для переселения, или, иначе сказать, народы-мореплаватели. Начало судоходства повсюду покрыто глубоким мраком, и было бы бесцельным, если бы мы старались определить, в каком месте земной поверх-

10

ности оно было применено впервые. Во всяком случае, по всей вероятности, мы можем причислить тихоокеанские берега Азии к тем, где судоходство появилось ранее всего. Мы находим там густо заселенные берега, к которым могущественные речные системы открывают легкий доступ изнутри страны и которые поэтому открыты постоянному напору теснящихся друг за другом масс, между тем как со стороны моря лежащая недалеко кайма островов также манит к переселению. Кроме того, и краевые моря там не настолько обширны, чтобы могла устрашать мысль о плавании по ним. Вместе с тем главная ось азиатского материка лежит в восточно-западном направлении, и толчок, испытываемый в этом направлении странствующими народными массами, должен был приводить их прямо к морю.

По причинам противоположного свойства из обитателей Америки не могло выработаться мореплавателей, по крайней мере по Тихому океану. Здесь продольная ось материка идет от севера к югу. Она так велика, что толчок надвигающихся масс не вызывал для масс, предшествовавших им, необходимого перемещения к берегам, да и переселявшиеся массы были менее многочисленны. В то же время выход к Тихому океану загромождался громадной стеной Кордильер, имеющей лишь несколько перерывов, удобных для прохода; наконец, Тихий океан на громадных расстояниях от американского берега почти совершенно лишен островов, вследствие чего у береговых жителей едва ли могла возникнуть мысль о суше, лежащей в стороне моря. Правда, оба великие тихоокеанские морские течения, северное и южное экваториальные течения, а также пассаты в такой же степени облегчают переезд по морю с востока на запад, т. е. из Америки в Азию, в какой они действительно совершаются при нынешней высшей ступени морских отношений; но при низком уровне древнеамериканского судоходства указанные выше обстоятельства брали верх и препятствовали свободному выходу в океан.

Вполне противоположную картину представляет западный океан. Здесь от роскошных берегов Юго-Восточ-
11

ной Азии и окаймленных рифами берегов Новой Гренландии к плотному рою островов тянется лучший в мире мост для передвижения народов через Меланезию и Микронезию до последних затерявшихся островов Полинезии. Даже для плохих мореходов, какими были бурые сыны южного моря, возможно было почти беспрепятственно пользоваться этой тропинкой. Таким образом, независимо от антропологических и этнографических предположений, все более и более приобретает силы воззрение, что постепенное завладение островного мира Тихого океана человечеством могло совершаться сперва только с запада. Поэтому данное море вначале является носителем культуры по направлению с запада на восток. С течением времени, после того как в Америке быстро распространяющаяся белая раса стала господствующей, это положение изменилось. Тихий океан мог свободно проявить тогда свои качества, благоприятные для судоходства в противоположном направлении. С тех пор он сделался распространителем культуры с востока на запад. В этом повороте стремления к этнографическому и культурному распространению, так же как и в предшествующем столкновении диаметрально различных двигательных направлений, заключается дальнейший значительный и единственный в истории момент исторического положения Тихого океана. Он составляет последнее звено цепи, замыкающей преобладание белой расы на всем земном шаре, расы, которая сознательно и бессознательно всего настойчивее и успешнее работает над объединением человеческого рода, этой последней высшей целью развития человечества.

Запад

Так как воздействие моря на антропологию и историю исключительно проявляется и познается через посредство судоходства, то в силу самой природы вещей мы должны видеть в судоходстве главный фактор этого влияния. Многим расам и народам, по-видимому, врож-
12

денно близкое отношение к воде, тогда как оно отсутствует у других, живущих в других местах при совершенно одинаковых условиях. И тихоокеанские берега Восточной Азии представляют немало примеров этого рода; рассмотрение их вводит нас уже в историческую эпоху.

В виде незначительных остатков на Хоккайдо, Сахалине и Курильских островах живет темный по своему происхождению народ айносов (айнов), в настоящее время все более стесняемый окружающими его народами и, несомненно, предназначенный к гибели. Некогда айносы более плотными массами распространялись по длинному протяжению берега к югу от устья Амура, но сильным толчком наступавших монголов были отброшены за краевые моря на острова и завладели по преимуществу японским архипелагом. По своему характеру это переселение обуславливается судоходством. Этим последним, по-видимому, исключительно ограничивалась культурная способность айносов; природа мореплавателя, по-видимому, живет в нем в крови. Хотя первоначально многочисленный народ влачил свое существование в течение тысячелетий, но он всегда оставался в состоянии полного или полуварварства, над которым возвышалось только искусство судостроения, говорящего в его пользу. Если мы примем во внимание, что, за исключением современных японцев, понятие прогресса не вполне доступно и другим, более культурным народам Восточной Азии, то для прошлого айносов, стоящих несравненно ниже их, открывается перспектива, в которой судно, занимающее высокое место в техническом и мореходном отношениях, уже давно достигло ступени, на которой мы ознакомились с ним.

Такая же естественная, прирожденная способность к мореплаванию обнаруживается у расы, которая, правда, первоначально принадлежала к береговой области Индийского океана, но уже в древнее время появилась на тихоокеанских берегах Азии и оказала большое влияние на этнографию и историю Тихого океана, — у малайцев.

13

Влияние их должно было быть тем более глубоким и прочным, что соприкосновение с морем малайской расы, стоявшей гораздо выше в физическом и умственном отношении, представляло гораздо более благоприятные основы, чем историческая основа айносов. Будучи, без сомнения, такого же континентального происхождения, как и все отделы человечества, и будучи точно так же придвинуты к морю неопределимым распространением монгольской расы, малайцы, в своей, вероятно, первичной родине, Индокитае, нашли не менее трех удобных и заманчивых островных мостов, из которых каждый, в конце концов, приводил к Тихому океану. Эти три моста тянутся в восточных направлениях: столбы северо-восточного мы находим в Филиппинах, Формозе и островах Лиу-Киу, юго-восточного, ведущего в Австралию, — в Суматре, Яве и Тиморе; третий, тянущийся чисто в восточном направлении, идет через Борнео и Молуккские острова к Новой Гвинее и оттуда выдвигается далее в океан, теряясь в бесконечных островах Микронезии и Полинезии.

Малайцы пользовались всеми этими мостами и, заселив самые богатые и счастливые архипелаги земной поверхности, сделались настоящими островитянами и, что еще важнее в историческом отношении, характерными мореплавателями. Прежде всего это можно сказать о той части бурой расы, которая избрала средний из трех путей и, следуя ему, ступила на совершенно девственную почву. У них вполне могла развиваться свойственная островам стойкая и охраняющая сила; здесь расовая особенность обитателей, вследствие затруднения доступа посторонней примеси, могла остаться совершенно неприкосновенной. Здесь дальнейшее развитие, исходившее лишь из самого себя и при чисто океанском влиянии обстановки и

образе жизни, могло и должно было принять направление, которое привело к образованию расового типа, исключительно принадлежащего Тихому океану. Это раса полинезийцев, которая таким способом возникла из океана. Вначале уступая натиску двигавшихся за ними масс, а впоследствии распространившись во внут-

14

ренную часть южного моря, благодаря более тесному и естественному знакомству с ним они превратились в совершенно своеобразную расу.

Существенно иной была судьба тех отраслей малайцев, странствование которых направилось по двум другим путям. На юго-восточном пути пространственная величина захваченных прежде всего Зондских островов могла воспринять значительные массы переселенцев, вследствие чего они могли сохранить первоначальных малайский характер. Те, кто достиг до Австралийского материка, нашли, напротив, там и в Меланезии первичное население, принадлежащее к черной расе, с которым они смешались, дав, таким образом, начало типу австралийца и папуаса, типу, которому также свойственна значительная врожденная способность к мореплаванию, но который во всем остальном стоит на низшей ступени человечества. На третьем, северо-восточном, пути переселения особенно привлекательным является, вероятно, его конечный пункт, Японский архипелаг. Как показывает существование прежних айноских названий мест, исследованное Базилом Голль Чемберленом, даже на юге империи Япония некогда была сплошь населена названным чернокожим волосатым племенем, но дело не могло оставаться в таком виде. Свободное распространение народов, принадлежащих к монгольской расе, обитавших во всей внутренней Азии, имело своим последствием толчки по всем направлениям, которые послужили причиной почти всех народных передвижений Старого Света, из которых восточные, вероятно, относятся к более давним периодам, чем западные. Вытеснение айносов через Японское море на острова не создало еще на тихоокеанском берегу достаточного простора для новых пришельцев, среди которых начинают выступать тунгусский и китайский элементы. И это новое население вскоре, уступая давлению, начало уходить, вслед за вытесненными айносами, через краевое море и селиться на Японских островах. Весьма вероятно, что здесь присоединились к нему

15

и крайние части малайского переселения, которые, ел- | дуя по северо-восточному пути, проникли через острова Лиу-Киу до Японии. Благодаря существованию трех факторов, химический процесс гармонического слияния различных элементов должен был происходить здесь с особенной силой; хотя айнос, стоявший на низшей ступени, был при этом отчасти выделен механически, т. е. искоренен или оттеснен далее к северу, но все-таки от него оставалось еще достаточно, чтобы оказать влияние своей примесью на выше стоявших монголов и малайцев. Окончательный результат этого процесса представляет крайне интересный и своеобразный народ, который мы называем японцами. Образование его в темную доисторическую эпоху доказывается древним преданием японцев, которые не хотят слышать о происхождении от китайцев и считают себя коренным народом, прямыми потомками туземных богов. Хотя это предание не может иметь настоящей научной ценности, но следует отметить, что оно нигде и никогда не могло произойти путем произвольного вымысла и сознательного обмана и что для его происхождения требовалось продолжительное время исторических сумерек. В настоящем случае уже почтенный возраст достоверной истории Японского государства, так же как и происхождение народа, указываемое антропологическим исследованием, говорит о его глубокой древности.

Из отдельных составных частей, из которых развилась национальность японского народа, преобладающей, естественно, должна была быть та, которая превосходила другие в культурном отношении, т. е. монгольский элемент. На самом деле желтая раса, наряду с белой, была, по-видимому, единственной, которая могла сама собой подняться на высшие культурные ступени и, что еще важнее, удержаться на них. Но примесь других элементов была все-таки достаточно сильной, чтобы придать японскому народу характер, отличный от континентальных монголов, и сохранить у него приращенную малайцам способность к мореплаванию.

Таким образом, Япо-

16

ния в истории Тихого океана занимает одно из первых и самых важных мест, и тем в большей степени, что она представляет первое упорядоченное государственное образование, принадлежащее к области этого океана. До выступления белых Япония представляла также единственную в этой области страну, которая, по исследованию Кузуноки, находилась в отношениях с отдаленным противоположным берегом Америки, и не только с северным берегом, но, согласно преданию, и с Мексикой и Перу. Как бы то ни было, Япония, если даже ее прежнее морское владычество относится к области легенд, и она ограничивала свои прежние морские отношения с восточным берегом Азии, теснее связана с Тихим океаном, чем какая бы то ни было другая часть северной окраины этого океана.

Этот факт необычайно выделяется на историческом фоне при виде положения, занимаемого на Тихом океане материком, соседним с Японией. По времени, прочное закрепление монголов на тихоокеанских берегах Восточной Азии несомненно древнее, чем государственное и национальное обособление Японии; но как незначительно океаническо-историческое значение первого, вообще, важного для всеобщей истории члена человечества по отношению к населению Японского архипелага! Это конечное сопротивление с морем древнее уже потому, что оно является причиной, одним из следствий которой было происхождение Японии; но всемирно-историческое значение его должно было отступить на второй план, так как желтая раса, сама

по себе, в своей беспримерной чистоте, долгое время видела в море непреодолимое препятствие для дальнейшего распространения. Характерно, что у желтой расы, у которой рано развились оседлость и земледелие, прочные общественные и государственные формы и, как последствия того, высокая культура, дух мореплавания и способность к нему развиты были мало, хотя естественные условия ее местообитания никогда не были помехой к приобретению этих качеств. Этот недостаток ка-

17

жется тем удивительнее, что всем другим расам, происшедшим из великого общего ствола монголоидов, эта способность свойственна в высокой степени, хотя с другой стороны, за исключением немногих членов красной американской расы, они лишь немного могли подняться выше ступени диких народов. В желтой расе континентальный характер воплотился в самой резко выраженной форме. Хотя она обнимает около двух пятых всего человечества, до новейшего времени она является как бы прикованной к материку Азии и связанной с землей, на которой она живет; только в последние десятилетия она могла добиться своего распространения по близлежащим островным группам и здесь уже утрачивает свои характерные признаки. Но там, где она сохраняет за собой твердую, истари привычную для нее почву материка, она представляет типы беспримерной крепости и стойкости, неподвижные пограничные камни в пестром потоке человечества, разливающегося по всей земле.

Из этих явлений самым характерным и, по всей численности, самым важным, может быть назван китайский народ. И этот народ не мог избежать общего закона, в силу которого полная чистота исключает примесь чуждой крови. Тем не менее, чистые китайцы представляют такую крепкую, заслуживающую внимания уже по своей численности и господствующую в культурном отношении массу, что их выступление на тихоокеанский берег должно было иметь решающее значение, тем более, что оно способствовало укреплению колеблющихся форм бродившей там народной жизни и вводило их в рамки государственности. Однако, потребовалось продолжительное время, прежде чем, первоначальное раздробление и мелкие государства китайцев сплотились в мощное «Срединное царство».

С национально-государственным появлением континентального Китая и островной Японии в области Тихого океана наступает значительный поворотный пункт, когда доисторическое или расообразовательное влияние океана начинает уступать место историческому влиянию

18

или отдельным народам, сделавшимся историческим индивидуальностями, поворотный пункт, когда внешние рамки народной истории, хронологическое установление событий принимает осязательную форму. Как ни различна в своих основах во многих отношениях организация обоих государств, но, с другой стороны, она представляет много сходства именно в их отношениях к океану.

Китайское царство видело за собой уже почтенный ряд веков, когда ему удалось выступить впервые в качестве тихоокеанской морской державы; оно утвердилось на Тихом океане лишь при восстановителе единства Китая Ши Хоанге, в конце III столетия до н. э. Но до положения владыки морей Китай никогда не мог подняться, с одной стороны, из-за недостатка желания и способности к мореплаванию, а с другой — вследствие политики своих правителей, стремление которых уже и в то время было направлено к тому, чтобы по возможности оградить свое царство от всяких отношений с внешним миром. Уже в то время Китай достиг такого громадного распространения и насчитывал такое многочисленное население, что он почти составлял особый мир и мог обойтись без иноземцев. В то же время у боязливого и мягкого китайца отсутствовал воинственный дух, который понуждал бы его к приключениям и завоеваниям; при этом и обилие и разнообразие отечественных произведений делали излишним ввоз чужих товаров и уничтожали одну из главных побудительных причин для оживления внешней торговли. Напротив, внутренняя торговля процветала уже тогда, поддерживаемая широко разветвленной сетью естественных водных путей, которая еще раньше была увеличена искусственными водяными сообщениями; даже в прибрежных странах торговля пользовалась больше внутренними артериями, чем морем. В связи с этим национальное судоходство развивалось более в сообщениях по рекам и каналам, чем в мореплавании, и такое его направление намеренно поддерживалось правительством. Наконец, нельзя не признать и того обстоя-

19

тельства, что берега Китая омывались не открытым океаном, а внутренними морями, переезды по которым по причине страшных бурь предъявляют более высокие требования в мореходном отношении, чем плавание по океану. Другим физическим моментом является направление морских течений,двигающихся с севера на юг, но не к открытому океану, а к Зондскому морю. Таким образом, как этнографические, так и политические условия не вполне благоприятствовали развитию оживленной морской торговли; морская сила нации, между тем, вырастает из морской торговли и остается в неразрывных взаимоотношениях с ней, а «стремления Китая всегда направлены были более в глубину Азии, чем к морю и к дальним берегам» (Ф. Ратцель).

Но, вместе с тем, мы должны остерегаться отвергать всякие морские отношения у китайцев или ставить эти отношения слишком низко. Правда, исследованиями Густава Шлегеля опровергнуто столь долго и ожесточенно оспаривавшееся тождество Фузана с Америкой вообще, и со Средней Америкой в частности; но если таким образом рушится горделивый мост, перекинутый смелыми ориенталистами с берегов Желтого моря на берега Тегуантепекского залива, то остается в своей силе факт, что китайцы в торговле и отношениях Юго-Восточной Азии долгое время, в течение почти тысячи лет или с немногими перерывами,

занимали руководящее положение. Их деятельность в западной части этой области, на Индийском океане, принесла немалые плоды. Но уже на Тихом океане китайцы заходят далеко на юг. Магеллан нашел китайские товары на Филиппинских островах, и даже на Марианских были признаки отношений с Китаем. Европейцы при своем прибытии на Зондские острова видели живущих там китайцев, дуновение культуры которых, по-видимому, доносилось даже до Северной Австралии.

Япония своим океаническим положением воспользовалась с большей выгодой, чем Китай, впрочем, оно было гораздо более благоприятное. Ее четыре больших глав-

20

ных острова обращены своим восточным берегом к открытому океану, и только западный недалеко отстоит от Азиатского материка. И на востоке, в пограничном океане, бесконечным кольцом вечно движущееся море развертывает мощный поток Курисио, идущий от Японии к северо-западным берегам Америки и возвращающийся в восточноазиатское море в виде северного экваториального течения. Эти течения тянутся в виде рек по обширному океану, представляя естественные пути для судоходства, и благодаря случаю и практике действительно служили для этой цели еще задолго до того, как они были установлены наукой.

Поддерживаемая своим островным характером, своим богатым расчленением и длинной береговой линией, а также своим избытком превосходных гаваней и, наконец, склонностью своего населения к мореплаванию в силу этнографических причин, Япония уже давно должна была обратить свои взгляды на океан. Подобно китайскому Фузангу, предполагаемые отношения Японии с Америкой часто служили предметом тщательных, но бесплодных изысканий. При существовании условий, способствующих морским отношениям, мы с достаточной достоверностью можем допустить, что подобные отношения происходили и в историческое время; но требует еще убедительного доказательства соображение, будто они когда-нибудь могли произойти вследствие того, что море против воли прибывало к тем или другим берегам. Напротив, отношения Японии с прибрежными странами своего материка давно уже были весьма тесными и, несомненно, более значительными, чем у китайцев: Япония вела торговлю с Китаем и Коконгиной, с Филиппинами, Явой и Камбоджей, а когда голландцы вступили в Индокитай, они нашли уже там японское население в Аннаме. Естественнее, чем эти захваты в дальних странах, выражалось влияние Японии на материке в ближайшей к ней местности, в Корее. Так как Китай при монголах и при династии Мин запрещал своим подданным дальние морские поездки с торговыми целями, то эти поездки вы-

21

родились в пиратство, которое Ф. Ратцель удачно сравнивает с норманнским разбойничеством раннего Средневековья, и японские разбойники-контрабандисты высоко поднимались по судоходным рекам Китая. Наоборот, для Японии соприкосновение с Кореей все более и более становилось первостепенным культурным фактором. Для обитателей архипелага оказалось возможным более близкое знакомство с целым рядом чисто китайских культурных форм, которые в последующее время совершенно преобразовали Японию в умственный и материальный отношении и придали ей характер уменьшенного издания Среднего царства. Как в культурном, так и в политическом отношении Корея представляет входную дверь Японии на материк. Подобно тому, как летом 1894 г. японский воин прежде всего вступил на корейскую почву, так более полутора тысячи лет тому назад часто оспаривавшийся полуостров в течение нескольких веков находился под властью островитян; уступка его Китаю немало содействовала замкнутости Японии от внешнего мира. Испуганная неудачей нападения на мощного материкового великана и опасаясь дальнейшей потери территории, Япония все более и более сосредотачивалась в своем островном положении, закрыла свои гавани для иноземцев и стала тщательно наблюдать за отношениями с другими странами. Эта боязливость заходила так далеко, что законодательными распоряжениями намеренно был вызван регресс процветавшего до тех пор судостроения, чтобы судами нельзя было пользоваться для более далеких морских поездок и чтобы население почувствовало страх к морю.

Вместе с тем обособление и замкнутость, часто практиковавшиеся в Китае, начали проявляться и в Японии, направляя ее возбужденное и деятельное население к неподвижной, парализующей всякий прогресс односторонности, столь характерной для Восточной Азии; эта замкнутость оказала историческое влияние на всю Восточную Азию, «затмив взгляд этого материка на Тихий океан и за его пределы и перенеся буддийское самосозер-

22

цание в область политики» (Ф. Ратцель). Вследствие своего островного положения и своей склонности к расширению Япония стояла на пути освобождения из этого круга и проявления господства на море, которое обеспечивало бы за ней преобладание в мире Тихого океана. Но внезапная, добровольная замкнутость вернула ее почти к континентальному положению. Естественным последствием этой замкнутости было то, что Япония долгое время оставалась вне движения истории человечества, находясь скорее в состоянии сна. Из этого сна она впервые, против воли, была пробуждена самым деятельным ферментом населенной земной поверхности, белыми, и с таким результатом, который ясно выразился во второй половине XIX столетия.

Океания

Таким образом, попытки Китая и Японии воспользоваться морскими преимуществами своего географического положения нашли отчасти непреодолимую преграду вследствие физических, этнографических и политических условий; оба эти государства, выработав в крайней степени систему политического изолирования, сосредоточились в самих себе и надолго отказались добровольно от дея-

тельного участия в истории человечества. Тем временем другая часть человечества распространилась постепенно по всему островному миру средней части Тихого океана и выдвинула свои передовые посты до его крайних обитаемых мест. Мы говорим о завладении океанийских островов той частью племени малайцев, из которой впоследствии, и в силу раздробления на мелкие и еще более мелкие части, образовалась раса океанийцев (полинезийцев и микронезийцев). Это событие (или, лучше сказать, сумма бесчисленных событий, распределенных в длинных промежутках времени) слишком своеобразно, чтобы его можно было поставить рядом с историческими явлениями береговой зоны Тихого океана; как оно ни значительно и в антропологическом, и в этнологическом отношении,

23

но оно долго, очень долго оставалось вне всякой связи с общей тканью истории человечества. Дело касается здесь его обособленного члена, который исчезает для великого целого, который, не зная остального мира и неизвестней этому миру, ведет отдельное существование и теряется в жизни природы; только позднейшее вступление в человечество придает вновь этому члену ретроспективный исторический интерес. То обстоятельство, что круг распространения океанийцев обнимает область громадного протяжения, весьма видную часть земной поверхности, здесь не имеет значения; оно оставляет без изменения факт, что раздробление и островная замкнутость превратили даровитых и способных к культуре малайцев в океанийцев, вернувшихся к первобытному состоянию, и, таким образом, сделали всю эту громадную, в обычном смысле, область областью регресса.

Если, тем не менее, даже океанийцы выказывают по отношению к мореходству почти изумительный талант, выражающий и исчерпывающий собой всю их культурную способность, то это вполне согласуется с воззрением, которое видит в мореходстве известную сторону первобытного состояния человека, т. е. у некоторых народов видит почти свойства земноводных. Впрочем, мореходство полинезийцев само по себе, за исключением Австралийского материка, нигде не выходило из пределов своего круга и поэтому оставалось без всякого влияния во всемирно-историческом отношении; обратное действие на общий исходный пункт замечается так же мало, как и на сравнительно близкие восточноазиатские культурные народы. Заслуженной оценке его способствовало лишь позднее знакомство с белыми.

Что касается времени, когда началось постепенное заселение островного мира Тихого океана, то Ф. Мюллер относит его приблизительно к 1000 г. до н. э.; по мнению новейших антропологов, заселение закончилось лишь за несколько столетий до открытия Полинезии белыми, причем обитатели этих островов оказались расой, резко отличавшейся от малайцев. Таким образом, при

24

океанийско-островном влиянии оказалось достаточно сравнительно короткого промежутка времени, не более двух тысячелетий, для образования нового расового типа; это явление, насколько его можно считать достоверным, бросает яркий свет на крайне важное значение, принадлежащее Тихому океану во всемирной истории.

Следует, впрочем, настоятельно указать на то, что какие бы притязания ни выказывали океанийцы на этнологическое единство вследствие общности многих признаков, в антропологическом отношении они представляют большие различия; темнокожий, курчаво- или шер-стистоволосый меланезиец резко отличается от более светлого, желтовато-бурого с гладкими или кудрявыми волосами поли- и микронезийца. Общим у них является лишь то, что, несмотря на умственную даровитость, они остались, по большей части, дикими народами, у которых никогда не возникало мысли о взаимной связи и об образовании государства. Крайняя раздробленность и островная обособленность отдельных частей племени, местообитания, расположенные исключительно в тропическом поясе и обеспечивающие пропитание без всякого труда благодаря кокосовой пальме, хлебному дереву и обилию слизняков и рыбы, климат, мало или почти не требующий жилища и одежды, и, наконец, прирожденное стремление к странствованиям — все это должно было создавать подвижность и обеспеченность, препятствовавшие развитию высшей культуры в духе оседлых материковых народов. Тем не менее океанийцы, которым металлы были мало, а железо вовсе не было известно, выказывали в изготовлении орудий поразительное умение, соединенное с чувством изящного, в особенности в судостроении. О высоком уровне мореходства, говорит, в конце концов, и распространение этой расы по всей громадной ширине океана. С другой стороны, нельзя отрицать, что не поддающаяся определению, но, во всяком случае, значительная часть этого распространения обязана неспособности океанийцев успешно справляться всеми опасностями громадного океана.

25

В действительности Тихий океан вводит своих обитателей в движение в этой отдаленной части истории человечества в значительной степени в виде произвольных странствований. Противоположно воззрению, которое выводит океанийцев с островов Юго-Восточной Азии, Уильям Эллис высказывает убеждение, что исходным пунктом населения архипелагов Тихого океана была Америка. Он отрицает возможность исхода океанийцев с запада, так как к нему направляются господствующие ветры и течения и, кроме того, у океанийцев и первичных обитателей Америки оказывается немало сходных этнографических признаков. Правда, влияние ветров и течений в небольших областях часто бывает значительным, но на обширной поверхности Тихого океана распространение человека не всегда определялось ими. Напротив, как результат многовековых наблюдений, мы видим, что отдаленные передвижения, как добровольные, так и невольные, происходили в больших размерах в направлении, обратном господствующим ветрам и течениям. Вместе с

тем, мы должны иметь в виду, что неожиданно налетающие бури в такой же степени могут отклонить с его пути даже самого искусного моряка, как и постоянные, но подчиняющиеся человеческой воле правильные воздушные и водные течения. Поэтому непроизвольные плавания в Тихом океане не только не составляют исключения, но являются правилом; они заставляют двигаться по всем направлениям по океану, а также и за пределами его, и образуют связующее начало между островами и соседними материками.

Насколько это явление, которое в течение тысячелетий повело к образованию плотной сети от одной части суши к другой, важно для этнографа, оно важно и для истории океанийцев, которая исчерпывается их взаимоотношениями и вытекающим отсюда слиянием. Правда, в большинстве случаев невольные странствования предшествовали передвижениям по известному плану, которые, с одной стороны, вели к прочному заселению новых островов, а с другой — имели последствием намеренное

26

основание колоний в давно занятых областях. Этот ряд последних, больших передвижений и заселений, по справедливому замечанию Ф. Ратцеля, представляет единственный несомненный факт на ступени культурного развития, принадлежащей к каменному веку. Тем не менее он с трудом поддается нашему пониманию, так как у нас нет возможности сравнения с другими проявлениями подобного рода.

Пространство, вызванное к жизни этой колонизационной деятельностью, значительно превосходит царство Александра Великого или римских императоров. В области завладения пространством это величайший подвиг до открытия Америки.

В тесной связи с богатым оживлением, поприщем которого издавна был Тихий океан, находится факт, что он нигде не дал времени и места для самостоятельного развития культуры. Ни громадная Новая Гвинея со своим редким, ленивым населением, ни отдаленная Новая Зеландия не могли подняться на ступень очага культуры, не говоря уже о бесчисленных других мелких островах. Они могли развиться самостоятельно при особенно благоприятных изолирующих обстоятельствах лишь отдельные элементы культурного достояния; во всем остальном Тихий океан представляет только вариации одной и той же основной темы. В ней постоянно ощущается недостаток настоящего образования государств; лишь на Гавайских островах, во время открытия белыми, оказались три государства, которые впоследствии соединились в одно под властью туземного короля Камеамеи. Все прочие сообщества, даже с монархом во главе, ограничивались одним островом, и поэтому незначительным распространением и силой; все более крупные острова, как Новая Гвинея и Новая Зеландия, не обнаружили даже малейшего следа объединенной государственной организации.

Поэтому о какой-либо собственной истории Океании до ее открытия не может быть и речи. Тем не менее океанийцы не могут быть отнесены к народам, «не имеющим истории», так как предание играет у них видную роль. У них есть стремление и их хронологии, основой кото-

27

рых служит «поколение»; из-за недостатков письменных знаков они пользуются в виде мнемотехнических вспомогательных средств для имен и промежутков времени деревяшками с зарубками, так называемыми историческими палочками. Как можно ожидать, подобные предания часто далеко углубляются в прошлое.

На Нукагиве, в Маркизском архипелаге, можно услышать о 88 живших там поколениях, что составляет приблизительно два с половиной тысячелетия; на Раротонге довольствуются 30, а мариосы в Новой Зеландии — 20 поколениями. Напротив, гавайский король Камеамеа приписывал себе по прямой линии 67 предков. Без сомнения, подобные легенды не могут иметь притязания на историческую ценность, но они все-таки свидетельствуют о глубоко укоренившемся местном чувстве, возникновению которого должен был предшествовать продолжительный период оседлости и вместе с тем известная степень культуры. Во всем остальном, согласно общему мнению, культурный уровень Полинезии в сравнении с прежними временами, во время ее открытия, оказался понизившимся.

Америка

Было бы очень трудно дать решительный ответ на вопрос: оказал ли Американский материк со своей восточной стороны какое-либо влияние на строй народной жизни на Тихом океане. Согласно господствующему воззрению, при распространении монголоидов по континентам северного полушария Америка только воспринимала его, т. е. распространение шло из Азии в Америку; мы едва ли можем допустить обратный поток в противоположном направлении. С другой стороны, некоторые островные группы Тихого океана, как своей флорой и фауной, так и этнологическим достоянием своих обитателей, представляют много аналогий с Северо-Западной Америкой, и сама собой напрашивается мысль о причинной связи этих явлений.

Впрочем, существуют и такие мнения, согласно кото-

28

рым полинезийское население Тихого океана исходит из Северной Америки, а также и такие, которые вместо однократного движения в известном направлении допускают многократные перемещения в ту и другую сторону, или, говоря словами Ратцеля, «вместо искусственной теории однократного населения и простого происхождения устанавливают смешение и наслоение народов». Но подобное влияние Америки, во всяком случае, не проявляется в историческую эпоху. Поэтому, с нашей точки зрения, мы имеем право видеть в Америке воспринимающую, но не деятельную или исходную сторону.

Мы уже говорили выше о препятствиях для взаимоотношений между западным берегом Америки и Тихим океаном. Если даже вовлечение Америки в ойкумену последовало оттуда, то затем эти ворота закрылись на-

долго, даже навсегда, если считать поездки китайцев и японцев к противоположным берегам простым предположением. Местная американская культура приняла совершенно континентальное направление и не сумела справиться с морем даже там, где естественные условия более всего привлекали к нему, а именно в большом американском Средиземном море — Мексиканском заливе и Карибском море. Исключение в этом случае составляли только дикие народы Крайнего Севера и Крайнего Юга; но над ними слишком тяготели ослабляющие условия Арктического и Антарктического пояса, для того чтобы эти народы могли приобрести историческое значение. Древнейшие американские полу культурные народы, оставившие последующему миру величественные памятники, но не оставившие даже своих имен, обитали внутри Северного материка. Высококультурные, знакомые с письменами майя Юкатана почти не распространялись дальше ближайших Антильских островов; позднейшие культурные народы, выступление которых отчасти может быть установлено хронологически, каковы толтеки с VI и ацтеки с XIII столетия по Р. Х., почти исключительно были связаны с плоскогорьями

29

Мексики и Средней Америки. Даже позднейшее перуанское царство инков, которое на некотором протяжении омывалось волнами Тихого океана, сохраняло свой континентальный характер. На самом деле, хотя перуанские летописи отмечают береговые поездки и даже более дальние морские экспедиции с целью завоевания или открытия, хотя Писарро встречал и торговые суда, но мы не имеем никаких исторических данных о движении в сторону водяной пустыни, лишенной там островов. Американской расе недоставало таинственного врожденного стремления, которое малайскую расу вело добровольно к поискам неизвестных горизонтов, представляющих море не естественной границей или непреодолимым препятствием, а заманчивым путем к беспредельному распространению.

Заключение

Окидывая одним взглядом историческое развитие громадных областей Тихого океана, мы можем отметить такой промежуток времени, когда его историческое преобразовательное влияние оставалось без всякого действия на человечество, такого времени, которое вполне можно назвать континентальным. Краевые области и острова тогда были уже заселены, но все свои силы они обращали исключительно на внутреннее устройство и по возможности замыкались друг от друга; даже понятие об их существовании исчезает из памяти людей, если отдельные части этого мира лежат в значительном отдалении одна от другой. Народы, по большей части, сразу занимали свои места обитания и только старались удержать их за собой. В то же время у них исчезает, как у береговых обитателей, стремление к дальнейшему распространению, и, насколько это распространение совершается во внутренней части океана, оно ограничивается сравнительно небольшими областями и не оказывает никакого влияния на ход мировых событий. С того времени, как флоты Китая и Японии перестали показываться на Тихом

30

океане, он вновь сделался тихоокеанской водной пустыней, в середине которой развивается, правда, замкнутая народная жизнь, но она не распространяется лучеобразно ни в каком направлении и, наконец, сосредотачивается в самой себе. Большой восточный край, напротив, пребывает в немом, бездеятельном покое в виде пограничного вала между двумя различными мирами, оставаясь безучастным к тому и к другому; это самостоятельный мир, величественная континентальность которого поглощает собственные продукты прежде, чем они достигнут зрелости.

Культурные народы Восточной Азии в государственном, общественном и умственном отношениях все более и более впадали в неподвижный, расслабляющий формализм. Государства Америки с самого начала намеренно отворачивались от моря, вели борьбу с отчасти скудной природой и рано старались уничтожить друг друга; в то же время они, подобно диким народам Полинезии и Австралии, утратили связь с остальным человечеством и превратились в особенные, вырождающиеся отдельные образования. Пока совершались эти процессы, центр тяжести настоящего развития человечества далеко передвинулся к западу, в морской бассейн, около которого группируются материки Старого Света, в Средиземное море. Его беспримерно существенная, всемирно-историческая роль будет выяснена в другом месте; он была не только колыбелью, но и юношеской ареной для той части человеческого рода, которая переросла все другие, не численностью, а неистощимой творческой силой. От него исходит непосредственно с помощью именно белой расы пробуждение к новой жизни погруженного в исторической полусон Тихого океана. Тихий океан, будучи сам по себе громадным миром, никогда не пытался познакомиться со своими соседями; Берингов пролив, мыс Горн и южный мыс Тасмании были для его мореплавателей внешними границами, до которых они редко достигали и дальше которых никогда не заходили. Таким образом, ввести его в общее мировое

31

сообщение можно было только извне. Это было предназначено белым, которые в древнее время и в Средние века нерешительно и медленно, а на рассвете нового времени все более и более быстрыми и смелыми шагами искали пути к нему.

НОВОЕ ВРЕМЯ

Первый толчок к обширному распространению белой расы путем судоходства, несомненно, последовал из Средиземного моря. Благосостояние, которого достигли его морские нации благодаря выгодной торговле с Востоком, возбудило и в западных, атлантических европейцах стремление к соперничеству с ними и к отысканию неизвестных морских путей на дальний Восток. Этот последний был доступен европейцам

только морским путем! Мысль о поездках поперек исполинского азиатского материка оказалась неосуществимой; невозможность ее была достаточно ясно доказана продолжительным опытом от Александра Великого до Фридриха Барбароссы и Людовика Святого. В то же время и Азия время от времени изливала свои опустошительные потоки народов, по направлению к западу, как это показал монгольский поток, наводнивший в XIII столетии Восточную Европу. Небольшая, сравнительно малолюдная Европа не могла одолеть на суше громадные пространства и многочисленные народные массы Азии. Таким образом, как скоро открылась необходимость отношений с Востоком, этой цели мог служить только морской путь.

Исследование Тихого океана романскими народами

История географических открытий не относится к нашему вопросу; нам достаточно указать, что ближайшая цель при поисках прямого морского пути из Западной Европы в Индию состояла в том, чтобы отыскать вновь исчезнувшие с умственного горизонта страны Ка-

32

тай и Ципаигу, которые предполагались в соседстве Индии и существование которых доказал Марко Поло. Позднейшие, дальнейшие цели выделились постепенно из поразительного, превосходившего всякие ожидания пространства найденных стран. По самой природе вещей первые попытки, предпринимавшиеся главным образом португальцами, направлены были к Востоку; достойный наибольшего внимания успех этих попыток обнаружился в 1486 г., когда Бартоломей Диас объехал мыс Доброй Надежды. Но почти одновременно все более и более укоренявшееся убеждение в шарообразной форме земли повело к преследованию той же цели в западном направлении. Когда, выполняя эту задачу, Христофор Колумб в 1492 г., открыл для Испании Багамские острова вместе с Антильскими, а Джiovанни Габотто в 1494 г., для Англии — Севере-Американский материк, тот и другой думали, что они отыскивали восточный берег Азии, и оба умерли в этом убеждении. И Педру Алвариш Кабрал, который в 1500 г. направлялся восточным путем в Индию и западным течением был отнесен к берегам Бразилии, не оценил этого открытия, принятого им за какой-то малопривлекательный остров, и поспешил, изменив курс, вернуться к берегам Африки. Незадолго перед тем, в 1497—1498 гг., Васко да Гама удалось, обогнув мыс Доброй Надежды, первым из европейских мореплавателей достигнуть Индии и завязать там выгодные отношения для его отечества, Португалии; этот практический успех заставил португальцев обратить исключительное внимание на путь, открытый Васко да Гамой.

Иначе отнеслись к делу испанцы, которые, следуя далее по пути, проторенному Колумбом, вскоре убедились, что земли, открытие на западе, не могли принадлежать к Азии. Охваченные страстной жадой золота, найденного при первом открытии, они направились по следам желтого металла, указывающих на запад, и вскоре от туземцев Средней Америки получили сведения о существовании «Другого моря», на берегах которого золото будто бы встречалось в изобилии. В поисках его Нуньес

2 За к. 2640

33

де Бальбоа перешел через Кордильеры Панамского перешейка и с высоты их, первый из европейцев, 25 сентября 1513 г. увидел Тихий океан, который он назвал Южным морем и берегом которого он тогда же завладел от имени короля Испании. Этот момент обозначает важный отдел всемирной истории. С тех пор новооткрытая масса суши были признана частью большого самостоятельного материка. Затем узнали о существовании величайшего океана земли и воспользовались этим открытием. Находившиеся тогда в Новом Свете культурные государства были разрушены и истреблены почти одним ударом, и человеку Западного полушария был указан этим новый путь развития. Наконец, и культурные государства Старого Света были совершенно преобразованы в своих политических основах.

Открытие Тихого океана европейцами оказало в ближайшее время двоякое действие. Во-первых, оно привело к общему признанию действительной формы и величины земли, признанию, которое имело почти неисчислимые последствия в областях торговли, культуры и политики; затем, более непосредственным образом, оно содействовало невероятно быстрому завоеванию тихоокеанских берегов Америки испанцами. Жалкая беспомощность, с которой пали местные, плотнонаселенные культурные государства Средней и Южной Америки под ударами нескольких сотен европейских авантюристов, как это случилось с ацтекской Мексикой перед кучкой спутников Кортеса и с перуанским царством инков перед отрядом Писарро, остается одним из самых необъяснимых явлений истории.

Открытие, что вытянутый в длину Американский материк отделяет Атлантический океан от другого, еще неисследованного моря, повело к ревностным попыткам определить связь того и другого океана. Прежде всего было в интересах испанцев, которых португальцы опередили в достижении Индии восточным путем, не останавливаться перед препятствием, неожиданно оказавшимся на западном пути. В скором времени убедились, что

34

Средняя Америка, с которой ознакомились раньше всего, не содержит пролива, соединяющего океаны; поэтому появилось решение искать этот пролив в другом месте. Это сделано было на юге, когда проехали вниз у восточных берегов Бразилии. Диас де Солис в 1515 г. достиг устья Ла-Платы, но там был застигнут смертью.

Напротив, португальцу Фердинанду Магеллану, состоявшему на испанской службе, удалось найти назван-

ный его именем пролив между Южно-Американским материком и Огненной Землей и пройти через него в Тихий океан, в который он мог тотчас же вступить с полной смелостью. После более чем трехмесячного плавания Магеллан достиг Разбойничьих островов, а затем и Филиппинских; если ему и не суждено было насладиться торжеством победителя, возвращавшегося на родину, то ему бесспорно принадлежит слава первого кругосветного мореплавателя и первого европейца, переплывшего Тихий океан по всей его ширине. Спутники Магеллана после смерти своего вождя продолжали путешествие и прибыли на Молуккские острова, где на острове Тидоре они встретили уже португальцев, которые сильно удивились, увидев белых, появившихся с востока. Таким образом, передовые отряды, прибывшие по обоим направлениям, здесь впервые подали друг другу руки. Здесь впервые сомкнулось кольцо исследований, охвативших землю; этого результата европейская энергия и проницательность достигли в столько же десятилетий, сколько тысячелетий было бы нужно для той же цели туземным обитателям Тихого океана. Отсюда в течение короткого времени последовало ознакомление с Тихим океаном и с тихоокеанским берегом Америки; еще до конца XVI в. была открыта Калифорния. И уже в 1527 г. началось правильное морское сообщение между мексиканскими берегами и отдаленными Молукками.

Тем временем и португальцы проникли из Индийского океана далее к востоку, но на это движение следует смотреть с совершенно иной точки зрения, чем на покорение Америки испанцами. Португальцы выступа-

35

ли в Индии не как конкистадоры, да это едва ли было бы возможно при более высокой и древней ее культуре, при более упорядоченном государственном управлении и при большей плотности и численности ее населения. Кроме того, у них не было и честолюбивого стремления подчинить своей власти вновь открытые страны и присоединять их в виде провинций к своему отдаленному небольшому королевству; они довольствовались учреждением на берегах морских факторий и приобретением с целью их защиты и укрепления отдельных береговых пунктов, так же как и содержанием исправного, всегда готового военного флота. Вообще история португальских колоний ограничивается главным образом областью Индийского океана. Но этот последний настолько является преддверием более обширного соседнего океана, что португальцы распространялись из него все дальше и дальше к востоку до тех поселений, которые они основали на берегах Китая и Японии, случайно достигнув ее в 1543 г.

Япония была открыта для внешнего мира в течение ровно ста лет; этот период был небольшим в истории островного царства, но он явился фактом, сопровождавшимся значительными последствиями для группировки и положения морских сил Европы. С большим рвением и любопытством Япония в середине XVI в. отворила свои двери для западной культуры и христианского учения; но после того как она в течение трех поколений была невольной свидетельницей соперничества между португальцами и появившимися там в 1600 г. голландцами, соперничества, не стеснявшегося выбором средств борьбы, она пришла к единственно правильному на ее взгляд решению и просто захлопнула дверь перед носом чужеземцев, выведивших ее из терпения. Правда, этот шаг, совершенно противоречащий ее характеру, более чем на два столетия вывел ее из территории Тихого океана и лишил всякого влияния на ход вещей по берегам и на самом океане. Этим было решено дело для царства микадо, но не для европейцев.

36

Исследование Тихого океана германцами

Не может не казаться поразительным явление, что безграничное приращение сил и богатства европейцев в веке открытий оказалось полезным не столько самим открывателям, сколько другим. Открытия, сделанные с 1486 г. до середины XVI в., за исключением открытий обоих Каботов, совершались вполне в пользу португальцев и испанцев. Оба эти королевства неожиданно оказались обладателями громадных масс суши, из которых они извлекали сказочные богатства и сокровища; эти страны вместе с их населением, по крайней мере, в Америке, были послушными, лишенными собственной воли орудиями завоевателей. И тем не менее эти приобретения не шли в прок даже в смысле увеличения политического могущества. Так, Португалия, которая в течение XVI в. истощала свои национальные силы в героической борьбе в далекой Индии, в конце этого периода (в 1580 г.) досталась испанскому соседу вместе со всеми своими приобретениями. Когда она в 1640 г. сбросила испанское иго и вернула себе национальную самостоятельность, важнейшие ее владения на востоке оказались утраченными, и она опять заняла положение незначительного, мелкого государства; даже оставшееся за ней обладание громадной колонией Бразилией не могло поддержать ее на прежней высоте. Испания, со своей стороны, также не воспользовалась представившимся ей случаем: глубокая неурядица внутри и неразумная эксплуатация колоний извне не дали образоваться в ней сильному подъему, и она продолжала сама подрывать свои устои. Колонии, туземное население которых находилось под постоянным гнетом, ценились только как золотые рудники, по большей части, в прямом смысле этого слова. Они отвлекали от государства множество подданных, которые ради страсти к наживе и приключениям стремились в колонии и терялись в их беспредельных пространствах, и в конце концов создали только пункты для нападения врагов Испании, не будучи сами в силах отражать их. Вмес-

37

те с тем, почти непонятным для нас образом, именно в то время, когда флаг Испании развевался на всех морях, ее морское могущество решительно регрессировало.

Наоборот, плоды доставались тем, которые принимали участие в соревновании открытий без головоломной

поспешности и без стремления к быстрому и легкому обогащению, а с дальновидной осмотрительностью и с неустанным трудолюбием, а именно англичанам и голландцам. Голландцы, небольшой народ, подчиненный испанской монархии, смело восстали против политического и религиозного гнета испанцев и, несмотря на громадное несоответствие сил, успешно сопротивлялись им, благодаря, главным образом, своему превосходству в морском отношении. Они перенесли театр войны отчасти и на Индийский океан, укрепившись в испано-американских владениях, уничтожили, как это было в 1600 г., в Японии португальское влияние в самых важных пунктах и постепенно сосредоточили в своих руках почти всю индийскую торговлю. Но еще внушительнее была деятельность англичан.

Англия в эпоху открытия Америки утратила свои континентальные владения, не исключая и Кале, и увидела себя ограниченной обладанием своим островом; даже господство над Ирландией в это время наполовину ускользнуло от нее, и Шотландия составляла самостоятельное королевство. Внеевропейских владений у Англии не было. Ее положение в Европе, сравнительно с прежним, пошатнулось; за пределами Европы она было равно нулю. Тогда произошли открытие морского пути в Индию и открытие Америки, и это опять заставило способный и энергичный народ направить свои взоры вдаль; проницательные государи из дома Тюдоров, который тогда только что достиг престола, надолго поддерживали в своих подданных это стремление. Как будто по мановению волшебного жезла врожденная способность островного народа дошла до высшего процветания и проявилась с неудержимой силой на море; но она не была направлена, как у испанцев, лишь к исканию золота, или, как у португаль-

38

цев, к выгодной торговле ценными пряностями, а к более высокой, дальновидной и спокойной цели. С того времени, как существование Тихого океана стало известным, англичане обратили на него свое внимание. Они спокойно предоставили дальнейшие открытия и завоевания в Вест- и Ост-Индии испанцам и португальцам, пока не вступая с ними там в какое-либо соперничество. Напротив, они старались найти неизвестную для тех и других, но удобную для них самих дорогу в Тихий океан, укрепиться в нем и сделать попытки распространения и развития своих сил в противоположном направлении.

Новые пути

Стремления англичан находят видимое выражение в исторически крайне важном, производившемся с твердой настойчивостью искании северо-западного пути. Казалось не подлежащим сомнению, что новая часть света ограничивается морем как с севера, так и с юга; поэтому должен был существовать северный пролив, ведущий из Атлантического океана в Тихий. Дело заключалось в отыскании этого пролива, ближайшего к Англии. Если это стремление на первых порах не привело к желаемому результату (и в последствии не представило практически применимого результата), то оно, тем не менее, оказало чрезвычайно глубокое влияние. Им было достигнуто разъяснение истинного характера материка, не только важное в географическом отношении, но и в политическом, так как вследствие многочисленных предприятий северная часть материка попала в руки Англии, которая сумела воспользоваться ею гораздо лучше, чем Испания Средней и Южной Америкой.

Первое известие об успехах Колумба уже в 1494 г. дало повод к поездке состоявшего на английской службе генуэзца Джованни Габото вместе с его сыном Себастьяном; они и тогда уже надеялись достигнуть страны Катай, или Китая, и островов Пряностей кратчайшим путем, а именно через северо-западный проход, но они от-

39

крыли берег материка Америки и завладели им для Англии. Второе путешествие, предпринятое в 1497 г., расширило открытия первого, а также и третье, предпринятое одним Себастьяном Каботом в 1498 г. Но настоящие тщательные поиски желаемого прохода начинаются только в 1517 г., когда Кабот-младший открыл Гудзонов пролив и проник, быть может, через Девисов пролив до полярного круга.

Первый приступ к решению задачи был непродолжителен, так как вскоре начало Реформации поглотило все интересы английского народа. Лишь после смерти коронованного теолога Генриха VIII (1547 г.) продолжается заморское движение, и даже шире и оживленнее, чем в первый раз. Оно характеризуется тем, что исходит не только от государства, но, еще в большей мере, от отдельных лиц и корпораций, и что правительство благоприятствует ему и поощряет его, хотя не организует и не направляет его; до королевы Елизаветы (1558—1603 гг.) в Англии не было даже королевского военного флота. Отдельные вельможи, богатые частные лица и купеческие гильдии снаряжали на свой счет целые флоты, которые, смотря по обстоятельствам, вели торговлю, отправлялись с целью открытий или за свой страх предпринимали экспедиции, похитившие на морские разбои.

Предпочтительно в целью открытий в начале этого нового периода выступила из Англии экспедиция, которая, противоположно совершавшимся в начале столетия попыткам отыскания северо-западного прохода, должна была искать ближайшего пути в Китай в восточном направлении и даже вдоль северных берегов Европы; другими словами, она должна была решить задачу северо-восточного прохода, от пользования которым тогдашний английский торговый флот ожидал нового подъема торговли, пришедшей в упадок. 10 мая 1533 г. сэр Хью Уил-лоби вышел из Лондона, но его экспедиция так же мало достигла цели, как и позднейшие поездки англичан, которые в этой области должны были уступить лавры более счастливым голландцам и русским. Поэтому они вновь

44)

вернулись к идее северо-западного прохода. За экспедицией Фробишера в 1576 г., последовали многие другие — В. Ралея, Девиса, Гудсона, Бейлота, Баффина и прочие. По естественным причинам они не достигли намеченной цели, но тем не менее имели громадное значение, так как в высшей степени содействовали колонизации Северной Америки, начатой Ралеем в 1581 г. Это не была колонизация в духе испанских конкистадоров или португальских торговцев пряностями, но медленное, постепенное, спокойное, обдуманное переселение трудолюбивых, энергичных северных европейцев, которые стремились не к быстрому приобретению сокровищ, а к устойчивой жизни, основанной на упорном труде; приобретая, иногда и насильственным путем от туземных охотничьих народов, и обрабатывая девственную почву, они тесно срастались с ней и, таким образом, полагали твердую основу для государственного образования, полного собой стойкой энергии, развивавшегося с поразительной быстротой.

Одновременно со смелыми исследованиями Северной Америки из Англии исходил целый ряд храбрых моряков и искателей приключений: главным их делом было причинять возможно больший вред испанцам, которых они ненавидели по причинам политическим и религиозным, и старались при этом обогатиться за их счет. Наряду с именами В. Ралея, Гаукинса, Кевендиша и Говарда, особым блеском окружено имя Френсиса Дрейка. В лице Дрейка герой соединен с открывателем. Смелость его заходила так далеко, что он уже не довольствовался нападениями на атлантические владения Испании: Вест-Индские острова и берега Мексиканского залива были так часто тревожимы британскими корсарами, что испанцы находились там настороже. Напротив, на берегах Чили и Перу они должны были чувствовать себя в безопасном и недоступном положении. Основываясь на этом, Дрейк, при нравственной и материальной поддержке королевы, в конце 1577 г. вышел из Англии с пятью снаряженными им самим кораблями, прошел через Магелланов пролив

41

и начал, не встречая сопротивления, частную войну против испанцев на Тихом океане. Он провел ее с успехом и выступил в обратный путь с громадной добычей. Он воспользовался ею, чтобы на обратном пути попытаться разрешить задачу северо-западного прохода из Тихого океана, т. е. в противоположном направлении. Он поднялся вдоль западного берега Америки до 48° с.ш., но затем, не видя нигде искомого пролива, решил проехать поперек океана и вернулся, после остановки на Молукках, объехав вокруг мыса Доброй Надежды, в Англию.

Это военное кругосветное путешествие, хотя и наполовину частное предприятие, обозначает собой первый сознательный и целесообразный шаг к мировой политике и обладанию морями со стороны Англии; поразительные успехи этой политики не только совершенно преобразовали отношения между европейскими державами, но впоследствии, хотя и совершенно ненамеренно, выдвинули и Америку на первый план в качестве нового, могущественного члена мировой жизни. Далее, этим было положено основание преобладанию белой расы на всем земном шаре. Но уже совершенно особое значение имела экспедиция Дрейка для Тихого океана и его всемирно-исторического положения, так как он был выдвинут разом в центр общественных интересов и сделался ареной борьбы за господство на море. На этом поприще в поразительной степени выказались внутренняя пустота и слабость, по-видимому, колоссальной испанской мировой державы: по удачным следам Френсиса Дрейка, естественно, последовали многие английские и даже голландские хищнические предприятия, которые более или менее безнаказанно грабили испанские владения и нападали на испанские корабли в Тихом океане. И хотя окончательный исход морской войны между Англией и Испанией в 1588 (уничтожение Армады) и в 1597 гг. совершился в европейских водах, но можно утверждать, что этот исход был, безусловно, подготовлен предшествовавшими событиями на Тихом океане; можно сказать, что Англия именно там нашла ключ к своему морскому владычеству.

42

Исследование Австралии

В 1600 г. начинает выступать из мрака, окутывавшего ее до тех пор, третья часть света, омываемая Тихим океаном, Австралия. Но ее малопривлекательные свойства, неблагоприятный климат, малочисленное и низко стоящее население, а также недостаток ценных произведений и трудность доступа вследствие барьерных рифов послужили причиной того, что открытие ее в первое время мало обратило на себя внимания и не имело непосредственных практических последствий. Только потеря самой ценной части своих колоний в Северной Америке, которые с тех пор выступают на сцену всемирной истории как самостоятельное государство, именуемое Соединенными Штатами Америки, и необходимость иметь место для ссылки преступников, направлявшихся сперва в названную часть света, понудили Англию, почти через два столетия после первого открытия, в 1788 г. приступить к серьезному завладению Австралией. Это произвольное заселение вскоре должно было уступить место добровольному, как только ознакомились ближе с ценностью страны, остававшейся до тех пор в пренебрежении; многочисленные переселенцы устремились туда и представили доказательство того, что Англия, завладев Австралией, сделала чрезвычайно ценное приобретение. Благодаря почти исключительной английской на^цциональности эмигрантов эта часть света получила весьма однообразное население, а Англия — колонию, оставшуюся в самых тесных отношениях с метрополией. Прежде всего, там не было элементов, создавших из североамериканцев политическую, даже почти национальную противоположность Англии. Соответственно тому, население Австралии сделало из самой южной части света почти повторение старой Англии на противоположной стороне земного шара, производную от нее страну, которая с не меньшей гордостью, чем

ее прообраз, являлась местной представительницей «Rule Britannia» на Тихом океане. Туземная первичная
43

раса австралийцев здесь еще менее принималась во внимание, чем индейцы в Северной Америке; в политическом отношении она вообще не идет в счет, так как ее скудные остатки вытеснены в негостеприимную внутреннюю часть материка.

Под скромным названием «колоний», начиная от первого заселения на Австралийском материке, образовались пять самостоятельных английских штатов: Новый Южный Уэльс, Виктория, Куинсленд, Южная Австралия и Западная Австралия, к которым присоединены были еще два островных штата — Тасмания и Новая Зеландия. Все эти штаты имеют свое правительство, свой парламент и все другие признаки самостоятельности; с метрополией, помимо признания королевской верховной власти, они соединены лишь национальной связью и общностью интересов, и именно потому представляют самые крепкие опоры ее. Наиболее цветущие из этих штатов, Новый Южный Уэльс и Виктория, омываются водами Тихого океана; вместе с островными штатами Тасманией и Новой Зеландией с многочисленными группами Полинезии они представляют такие прочные и многочисленные опорные пункты для английского мореплавания, такие превосходные станции для английской торговли, такие прочные рынки для английской промышленности, что они имеют чрезвычайно важное значение в современном Мировом положении Великобритании. Кроме того, внутренние штаты Австралии, не только вследствие найденных в 1851 г. важных залежей золота, но еще более благодаря громадному распространению разведения овец, рогатого скота и лошадей, каменному углю и хлебу оказались богатыми странами вывоза, которые, при своем самоуправлении, не налагали никаких расходов на метрополию. Таким образом, они образуют главную силу все еще господствующего над морями Альбиона и своей географической связью с островным миром вводят в круг английской политики самый большой, обширный и космополитический из всех океанов земли. Это положение еще усилилось с тех пор, как они составили

44

из себя. 31 марта 1897 г. союз штатов «Commonwealth of Australia», высшей целью которого считается поддержание идеи мировой власти Англии на наивысшей точке. Начавшийся со времени открытий Кука захват Тихого океана англичанами не ограничился материком Австралии, но распространился на многочисленные пункты Меланезии, Микронезии и Полинезии.

Раздел области Тихого океана

Замечательно, что испанцы во всех многочисленных поездках из мексиканских гаваней к Молуккским и Филиппинским островам, а также с 1565 г. и в обратном направлении, открыли поразительно мало островных групп из всего бесчисленного количества их. Даже немногие открытые ими архипелаги, Маршалские, Бонинские и Соломоновы острова не были признаны ими достойными заселения или завладения; только группы Марианских, Каролинских островов и архипелаг Палау были с течением времени заняты ими, чтобы служить опорными пунктами для колоний на Филиппинских островах. Владения на Тихом океане представляли еще меньше интереса для португальцев и голландцев; они оставляли этот океан вне пределов своей торговой политики и вообще не основывали там никаких поселений. И лишь после поездок англичан и французов в последней трети ХУНТ в. и путешествий Кука, Бугенвиля, Лаперуза, д'Антрекаста и др. были открыты мириады островов, еще не занятых европейцами и поэтому никому не принадлежавших. Без сомнения, экипажи экспедиционных кораблей не могли выделять из себя команд для продолжительного занятия островов; но за ними вскоре последовали соотечественники — искатели приключений и исследователи, купцы и миссионеры. Острова Тихого океана, относительно обитателей, продуктов и климата которых распространялись благоприятные известия, вскоре сделались притягательными пунктами для переселения. Таким образом, белая раса, главным образом, в лице англичан и французов, а позд-

45

нее и североамериканцев и немцев, распространилась по островному миру Тихого океана. В особенности англичане, которые завладели уже Австралийским материком, шли впереди других; кроме Тасмании и Новой Зеландии, они утвердились в Полинезии и в Меланезии и сумели в течение XIX столетия завладеть значительной частью океанических островов. И французы упрочили за собой многие из островов Полинезии и, кроме того, Новую Каледонию. Позднее вступили на тот же путь североамериканцы, и, наконец, с 1885 г. Германская империя, проявив энергичную колониальную политику, завладела некоторыми областями Меланезии и Микронезии. Мы должны упомянуть здесь и о той европейской державе, которая хотя и не принимала участие в разделе тихоокеанского островного мира, но, уже давно энергично пробиваясь к океану, вступила на тот путь, который помог ей сделаться одним из могущественнейших факторов новейшей истории человечества; мы говорим о России. Справедливо сознавая, что сущность ее силы заключается в континентальности, громадное славянское царство понемногу оставляло поверхность самого океана: оно уступило американцам за известную сумму Аляску и Алеутские острова и выменяло Курильские острова на остров Сахалин, но оно сумело блестящим образом распространить зону своего соприкосновения с океаном к югу, что было особенно важно. Закованные льдом Охотское и Берингово моря имели свою ценность, но их нельзя сравнивать с береговой полосой, которая, как, например, берег Приморской области и Ляодуна с его господствующим на море положением, может сделать империю царя владычицей всей Восточной Азии.

Судьба океанийцев и задачи, поставленные переселенцам

Подобно вступлению России в береговой пояс Тихого океана, занятие его обширных пространств белыми также должно быть рассматриваемо с высшей точки зрения. На самом деле это более чем политическое событие: это все-

46

мирно-исторический факт величайшего значения, энергичный шаг вперед по тому пути, на котором непроизвольной и полусознательной, но, по мнению многих, неизбежной целью является воссоединение раздробленного человечества. Едва ли где-нибудь на земной поверхности выравнивающая сила белой расы оказалась так деятельно, как в Океании, хотя и в ущерб туземному населению. Океанийская раса, во всех отношениях склонявшаяся к упадку еще до соприкосновения с европейцами, оказала перед белыми незначительную способность сопротивления. Туземное население пало жертвой не насильственного вытеснения или угнетения, как в Северной Америке, но своеобразного разложения. Океанийцы вообще оказались весьма доступными влиянию белых, относились к ним с симпатией, воспринимали их нравы и учреждения, их образ жизни и мыслей, но их собственные основы оказывались при этом поколебленными. Там, где приток белых элементов был достаточно значителен, с большой быстротой образовывались смешанные народы, для которых влияние белых являлось решающим; так например, в Новой Зеландии чистые маорисы приближаются к вымиранию, а Сандвичевы острова — не что иное, как придаток Северо-Американского Союза. А там, где приток оказывался не настолько сильным, чтобы вызвать быстрое антропологическое превращение, характеру туземцев приносился большой вред вследствие поверхностного соприкосновения с европейской культурой или, лучше сказать, с ее теневыми сторонами. Те, которые, в виде обнаженных дикарей, некогда вели существование амфибий, частью на суше, частью на море, вырождаются в виде цивилизованных христиан и преждевременно умирают. В остающиеся пробелы, переходя через расовое смешение, все решительнее проникают белые и вместе с ними их высшая культура, стремящаяся к объединению человечества. Это положение вещей не должно радовать нас, но оно, по крайней мере, имеет то преимущество перед прежним, что из развалин отжившего мира возникает новая жизнь.

47

Белая раса, хотя за ней и остается решающее значение, не одна заполняет пробелы разрушенной жизни тихоокеанских народов: рядом с ней ту же задачу осуществляет желтая раса. Правда, китайцы исходят из совершенно других точек зрения, чем европейцы и североамериканцы, и действие, оказываемое ими, также совершенно иное, но оно направляется, по крайней мере, в известной части, в том же русле. Не страсть приключениям и не жажда наживы, не политические и не научные интересы гонят китайцев в даль, а только тяжесть жизненных условий в государстве, страдающем от перенаселения. Сообразно естественным законам, отлив избытка народной массы совершается в стороны наименьшего сопротивления; так как Япония" до последнего времени была закрыта для всех чужеземцев, обе Индии сами терпят от излишка населения, и в скором времени большие острова Индийского океана будут насыщены китайским элементом, то поток направляется в Австралию и Америку и в островной мир Тихого океана, лежащего между названными материками. В особенности первые, при большой неравномерности пространства и населения, казались склонными к восприятию посторонних элементов.

Однако желтое переселение не нашло там хорошего приема. Это не должно удивлять нас. Прежде всего, между белой и желтой расой существует непреодолимая пропасть: ни белый, ни китаец не чувствуют безусловного своего превосходства над другим, между тем как и тот и другой ощущают это по отношению к другим расам и нациям; они признают и опасаются друг в друге опасных соперников и, при полном различии умственного характера, не находят нейтральной области для соглашения. Страх без уважения есть признак их взаимных отношений, причем является еще отвращение к характеру другого, препятствующее непосредственному смешению рас и исключаящее этим самое действенное средство к уравниванию их противоположностей. Кроме того, китаец является для белого крайне опасным экономическим сопер-

48

ником; как неутомимый, непритязательный и притом смысленный работник он стоит выше его, понижает стоимость работы белого и портит ему цены. Австралия и Америка, пытаясь всеми средствами препятствовать переселению китайцев, поступают таким образом столько же из субъективного самосохранения, сколько по прирожденному инстинкту. Но при этом надо иметь в виду, что и китаец должен бы иметь притязание на то и на другое, если бы он мог. Белая раса в этом случае просто отстаивает себя в тяжелой борьбе за существование. При глубоком различии обнаруживающих сил в соприкосновении круга распространения белой и желтой расы у Тихого океана и на нем самом окончательное решение вопроса лежит еще в далеком будущем.

Напротив, мы ясно видим, что островной мир, заключающийся в Тихом океане, еще не окончил свою историческую образовательную роль "и призван сыграть ее должным образом только в будущем. Островные группы Полинезии, Микронезии и Меланезии, на которых возникают теперь новые смешанные народы из белых и океанийцев, по-видимому, склонны воспринять часть китайской иммиграции, насколько она не направляется прямо к золотоносным местностям Австралии и Северной Америки, и поглотить ее при неизбежном и значительном островном раздроблении. Они, без сомнения, доставят китайскому элементу случай непосредственно воздействовать на совершающееся в настоящее время этнографическое превращение, т. е. придать образуемому смешанному народу примесь своей крови известную часть

своих физических и духовных особенностей. Таким образом, может и должно быть создано связующее звено, предназначенное сблизить друг с другом резко противоположные массы и постепенно сгладить их углы, ядро, на которое сперва в отдельных случаях и тонким слоем, затем все чаще и плотнее будут осаживаться антропологические слои желтого и белого, бурого и черного цвета, чтобы впоследствии различным образом перемешаться друг с другом. Правда, подобные переходные

49

образования, в особенности во время своего возникновения, могут иметь только спорную ценность; но в этнографии и в истории за ними должно быть признано большое значение уже потому, что они представляют естественный противовес распадению больших однообразных масс. Кроме того, при подобных новообразованиях, по большей части, та или другая составные части выдвигаются вперед и под конец приводят к известному очищению типа. Условия отношений настоящего времени чрезвычайно благоприятны этому процессу, гораздо более, чем переселения народов прошлого времени или военные массовые натиски, но еще более способствуют ему новейшие океанические отношения, которые своим частым, правильным и почти безопасным судоходством приводят в соприкосновение различные этнографические элементы в состоянии тончайшего разделения и доставляют им в многочисленных мелких областях случаи к самому тесному смешению.

~ Участие **Америки**

Содействовать постепенному делу объединения, по-видимому, предназначено было прежде всего восточному краю Тихоокеанского бассейна, а именно Америке. Взрыв негодования янки против этого воззрения также мало может задержать ход мировой истории, как в настоящее время брызжащий юношеской силой эгоизм Соединенных Штатов мало может иметь притязаний на постоянное господство. Америка — такая часть света, которая долгое время была обитаема одной расой, и затем разом явилась сборным местом всех рас. Трудно найти более решительное доказательство силы влияния океана и всемирно-исторического значения мореплавания.

Положение, занимаемое различными расами Америки по отношению друг к другу, весьма не одинаково. Оседлые, земледельческие и по-своему цивилизованные индейцы, образовавшие государства в Средней и Южной Америке, без сомнения, не могли избежать влияния бе-

50

лых в такой степени, как бродячие охотничьи народы Северной Америки и дикие народы юга. Первые испытали на себе следы покорения и, вследствие того, доставили богатый материал для образования смешанных народов. Охотничьи и дикие народы, напротив, устранились от всякого соприкосновения с белыми, кроме враждебного, подверглись при неравной борьбе с ними почти полному уничтожению и вынуждены были предоставить им места своего обитания. Белые, со своей стороны, в особенности в тропическом поясе, не хотели и не могли возложить на собственные плечи тяжелое бремя физической работы и взвалили его на покоренных. Там, где эти последние не оказывались достаточно многочисленными или достаточно сильными для выполнения тяжелой работы, какой от них требовали, пришлось подумать о помощи со стороны. Рабство негров в Америке составляет один из печальнейших эпизодов в блестящей истории белой расы; если XIX в. мог отойти на покой с сознанием, что это недостойное учреждение в Новом Свете повсюду уничтожено, и, таким образом, грехи отцов до известной степени искуплены, то нет ни малейшего основания приписывать возмущенной совести горделивое чувство по поводу этого культурного факта более отдаленного времени.

При нынешних условиях Америка представляет концентрическую цель, к которой устремляются избытки населения из всех частей света. Она не может противиться этому, так как пространственные условия для восприятия их свойственны ей еще в достаточной степени. «В этом правильном тигле перемешиваются между собой все человеческие расы; возвраты к первоначальному типу не должны обманывать нас в этом отношении, — говорит Ф. Ратцель и прибавляет: — Если за ними остается большинство, смешанные народы имеют большое преимущество пред чистыми расами». Во время открытия европейцами Америка была населена одной человеческой расой, о численности которой мы не имеем никаких сведений; несомненно, численность это была не велика: густонасе-

51

ленные индейские государства Средней и Южной Америки представляли только оазисы в безлюдных пустынях. В настоящее время Америка из своих 100 миллионов обитателей насчитывает около 60 миллионов, принадлежащих к белой расе, 10 миллионов — к черной, 9 — к красной, 0,2 — желтой расе, а чистые негры составляют не более четвертой части этого числа. Так как сумма смешанных народов несколько увеличивается, то мы должны принять, что примерно четвертая часть всего населения Америки состоит из смешанных рас. Каждая чистая раса может доставить материал для смешанного народа, но не наоборот; далее, каждый смешанный народ постепенным размельчением соседних рас умножается за их счет, и поэтому Америка должна явиться поприщем большого расового слияния.

Участие восточноазиатских культурных народов

Между тем, как восточный край Тихоокеанского бассейна представляется в полном чреватом событиями брожении, западный край также начинает просыпаться к новой деятельности. Не говоря уже о выступлении величайшей континентальной державы на азиатский берег Тихого океана, не говоря о создании в Австралии превосходного опорного пункта для величайшей морской державы, не говоря также о крайне

важных колониальных стремлениях Франции и Северной Америки и, в особенности, Германской империи, всего значительнее нам кажется отношение старых, коренных культурных народов Восточной Азии к всемирно-историческому факту успешного вступления белых в Тихий океан. В Японии около середины XIX в. произошел поразительно быстрый переворот; ей пришлось, уступая насилию извне, открыть свои пределы для чужеземцев" и вместе с тем испытать падение старинной феодальной системы, во главе которой стоял шогун. Она разом сделала большой шаг вперед и оказалась доступнее влиянию белой расы, чем за 300 лет перед тем, хотя и не в этической области, а в обла-

52

сти материального прогресса и формы правления. Пылкое стремление усвоить все учреждения белых и даже внешность их одежды и образ жизни охватило с тех пор японцев или, по крайней мере, высшие их круги. Они оказались способными учениками, что выяснилось в 1894 г., когда они в энергичной наступательной войне на море и на суше одержали полную победу над Китаем, бесконечно превосходившим их пространством и численностью населения. Эта война разом ввела Японию в ряд морских держав, даже великих держав, явившись в Европе и в Америке очевидным доказательством того, что Япония располагает весьма пригодным материалом и умеет энергично поддерживать свои политические притязания. Иное отношение выказывает Китай. Там, несмотря на большее число точек соприкосновения, выказывается еще мало понимания и еще меньше желания идти навстречу Европе. Китайский народ слишком переполнен сознанием собственного превосходства; он слишком привержен к своим тысячелетним, почти не измененным воззрениям и обычаям и слишком тесно сросся с ними, чтобы легко, подобно подвижным японцам, пойти по новому направлению. Напротив, он противопоставляет нападению белых механическое сопротивление громадного избытка и плотности населения, и это еще не все: он встречает его с своей стороны распространением, которое, видимо, имеет мирный характер, но тем не менее, вследствие своей неизбежности, представляется крайне угрожающим. Это невольный натиск больших масс, приведенных в движение понуждающими силами природы, напирющий на острие разумной силы, одаренной сильной волей и стремлением к завоеваниям. Волны китайской иммиграции распространяются кругообразно по всем направлениям и всего далее в сторону наименьшего сопротивления, т. е. через Тихий океан. Именно здесь мы видим сцену, на которой должен разыгаться первый акт неизбежной, страшной с расовой точки зрения и опасной борьбы между белой и жел-тѣй ветвями человечества.

53

Начало китайского распространения совпадает с тем временем, когда белая раса начала растягивать по всей поверхности земли свою сеть, частью в форме этнографического расширения, частью в форме политического и умственного главенства, но отсюда не следует, что то и другое находятся во взаимной связи между собой. Результат совпадения остается во всех случаях одинаковым; он заключается в том, что центр тяжести интересов человечества, а следовательно, и всемирной истории, видимо, перемещается от пользовавшегося до сих пор привилегиями полушария в другое. Какая бы великая роль в истории государств и народов ни предназначалась материкам Старого Света, если только высшей задачей всемирной истории является единство человеческого рода, то решение этой задачи надо искать на Тихом океане. В осознании этого лежит ключ к пониманию исторического значения Тихого океана.

Заключение

Окидывая все одним взглядом, мы видим, что Тихий океан является разделяющим, дифференцирующим элементом, который удерживает отдельные части или ветви человечества на известных местах и дает им случай резко вырабатывать и сохранять типические особенности. С тех пор как эта задача выполнена, океан медленным, постепенным извращением своей цели разрушает собственное творение и стремится к противоположному, являясь связующим началом, т. е. ясным отражением вечного круговорота природы. Тот же взгляд показывает нам, как желтые и красные, бурые и черные народы заселяют берега и острова океана, растягиваются и распространяются, вытесняют или терпят друг друга, но приходят вскоре к известному состоянию покоя, от которого освобождаются благодаря своей большой численности и способности к размножению только желтые народы, между тем как остальные вырождаются во всех направлениях. Мы видим, наконец, после долгих веков покоя, после состояния исторической

54

дремоты белых, врывающихся одновременно с двух сторон в океан и, противоположно всем прежним условиям, наподобие вихря опрокидывающим все кругом. В течение немногих столетий — краткого промежутка времени в мировой истории — коренной океаниец, индеец Америки и австралиец или загнаны в какой-нибудь ничтожный угол, где они идут навстречу своей гибели, или растворены в пришлое население, т. е. от продолжительного смешения превращены в бастардов, в которых, по крайней мере, умственно, преобладает белый элемент. Только белая раса, недоступная в своей замкнутой многочисленности, успешно сопротивляется общему перевороту, сохраняет свои прежние владения и даже совершает этнографические приобретения.

Поэтому в настоящее время мы видим на Тихом океане только два важных элемента, как естественных противников, стоящих друг против друга в готовности к борьбе: древнюю местную, желтую, и вновь пришедшую, белую, расы. У обеих есть искусные и удачные представители: у желтой расы — японцы и китайцы, у белой — англичане и североамериканцы, к которым со стороны нападения с океана присоединяются французы и немцы, а на материке — русские, готовые и склонные к фланговой атаке. После продолжавшейся несколько десятилетий перестрелки в конце XIX в. борьба вступила в серьезную фазу. Как часто бывает в истории, и здесь спор враждующих братьев послужил поводом к вмешательству третьей стороны; хотя положение японцев после победоносно проведенной междоусобной войны кажется окрепшим в ближайшем будущем, но не надо забывать, что

плоды борьбы достались не победителю, а европейским державам, и прежде всего России. Это еще более расширило фронт атаки для великорасовой борьбы: рядом с пассивным, открытым для всех нападений Китаем Япония, доведенная до живейшей подвижности и энергии, в высшей степени готова к борьбе, которая не будет уже братской, и, по внутренней сущности, не будет иметь политического характера, но которая должна

, 55

решить — закончит ли белая раса прочным захватом северной части Тихого океана свою задачу покорения всей земли или, будучи уже близко к цели, в первый раз в своей истории должна будет уступить более сильному. И хотя в этой борьбе китаец как политический союзник, без сомнения, окажется мало пригодным, но как соратник в экономической и этнографической области может оказать неоценимую помощь Японии. На самом деле, не заботясь о судьбе родины, поток китайского населения будет изливаться в береговые страны и острова Тихого океана с неудержимой силой, пока эти страны не насытятся желтым элементом. Тогда наступит тот покой, в котором различные элементы населения всего легче и теснее могут смешаться друг с другом.

Историческое значение Индийского океана

*История торговли есть история
международных сношений и географии,
а обе вместе составляют историю
цивилизации человеческого рода.*

О. Пишель

ПОЛОЖЕНИЕ И ОЧЕРТАНИЕ ИНДИЙСКОГО ОКЕАНА

Из ВСЕХ частей могучего, опоясывающего землю океана едва ли найдется, наряду с Средиземным морем, другая его часть, по своему положению и очертанию более приспособленная к всемирной исторической роли, чем Индийский океан. Средиземное море, столь важное в истории человечества, вдается в громадный материк Старого Света с запада и глубоко изрезывает его; Индийский же океан вдается в тот же материк с юга в виде колоссальной полукруглой бухты, имея по обеим сторонам Африку и Австралию, а с севера — громаду Азии. Таким образом, по количеству омываемых частей света Индийский океан не уступает ни Атлантическому, ни Тихому океану, ни Средиземному морю на севере, которые все примыкают к трем частям света. Помимо других причин, историческая роль океанов обуславливается менее количеством омываемых земель, чем их взаимным положением; в этом отношении замечается удивительное соответствие между Атлантическим и Тихим океанами. Оба имеют с одной стороны протянувшуюся вдоль Америки, тогда как другую сторону составляют Азия и Австралия для Тихого океана и Ев-

57

ропа и Африка для Атлантического. Вокруг Тихого океана расположились три части света, историческое значение которых очень важно.

Главнейшая особенность исторической роли океанов заключается в том факте, что ее центр тяжести лежал вплоть до настоящего времени в западной части, ограниченной двумя частями света; Атлантический океан призван более какого-либо другого океана вывести человечество из замкнутого бассейна Средиземного моря на всемирный океан, расширить тесный круг древнего мира во всемирную историческую арену. И в Средиземном море исторический центр тяжести не совпадает с геометрическим, но, в противоположность обоим океанам, он всегда передвигался вдоль главной оси этого бассейна, важного для всей западной культуры; в известные периоды замечается очевидное стремление этого центра переместиться на восток: стоит припомнить повторявшиеся возвратные движения, возникавшие на Атлантическом океане при столкновении южной и северной волны с восточно-западной. Помимо государств, лежавших в восточной части Средиземного моря, таких как Египет и греко-македонская монархия, все остальные, начиная с Древнего Рима до норманнов и крестоносцев, Венеции и Генуи, вплоть до монархий нового времени, возникших на западных окраинах Средиземного моря, обращали свои взоры на Восток; кажущееся исключение составляют карфагеняне, утвердившиеся на западе, но и древние финикияне, от которых они происходят, искали по крайней мере часть своих задач на отдаленном Востоке.

Это настойчивое стремление средиземных народов на Восток не есть что-либо случайное или непонятное: исполинская Азия, сосредоточившая чуть ли не все историческое значение Тихого океана -на своем восточном побережье, и в западной части взяла на свои широкие плечи значительную долю исторической роли Средиземного моря. Как носитель культуры Азия слишком стара, а таинственный мрак ее безграничных пространств и количество ее сокровищ имели слишком большую притя-

58

гательную силу, чтобы это могло быть иначе; отсюда вполне естественен и понятен огромный исторический перевес Азии и в области Индийского океана; этот перевес понятен даже, если мы не станем принимать во внимание отношение Индийского океана к другим морям, и является неизбежным, если мы представим себе, с одной стороны, обмен сношений Индии со Средиземным морем и востоком Азии, а с другой стороны — Европы с Восточной Азией; для этих последних нет более естественного и удобного пути, чем Индийский океан, и в особенности его северная часть, которая является прямым носителем истории океана, насколько вопрос касается внешних сношений. В очертаниях Индийского океана замечается большое разнообразие и расчленение; только западная сторона у восточных берегов Африки массивна и бедна островами, за

исключением громадного Мадагаскара и нескольких групп прибрежных островов. Зато восточное и северное побережье сильно изрезаны, каждое в своем роде. На восточной стороне лежит материк, который еще долгие годы влачил бы в одиноком покое мертвое существование, если бы новейшее время не пробудило его к исторической жизни. На севере непосредственно к нему примыкает область, не имеющая себе равной по разнообразию форм, — архипелаг Индонезии. С древнейших времен и доныне он служит естественным мостом для народов на восток. И северное побережье в своем расчленении представляется единственным по массивности; Южная Азия, как и вся эта часть света, поражает громадностью размеров; три не имеющих себе равных по величине полуострова выдвигаются в океан, который вдается в материк огромными, достигающими величины морей заливами. На первый взгляд кажется, что крупные размеры изломов береговой линии исключают возможность торговых сношений, но не следует упускать из виду того, что север Индийского океана своими двумя самыми важными в географическом и историческом отношении заливами — Красным морем и Персидским заливом — сильно приближается к культурному

59

центру запада, к Средиземному морю, он как бы протягивает к нему два щупальца и становится восточным продолжением Средиземного моря.

Геометрическая ось Индийского океана, подобно оси других двух океанов, проходит в меридианальном направлении, которое в истории человечества никогда и нигде не играло заметной роли; область же обоих северных заливов представляет как бы призму, в которую лучи истории проникли из Средиземного моря с запада и, преломившись на юго-восток, продолжали за пределами Аравийского моря свое движение к востоку и обратно; таким образом, историческая ось Индийского океана проходит параллельно направлениям исторического движения двух соседних миров — среднеазиатско-европейского и индонезийско-океанического, а вместе с тем параллельно и всемирно-историческому движению; этим заранее обеспечено историческое значение океана.

Индийский океан в физическом отношении, по справедливому замечанию Ф. Ратцеля, есть наполовину море. Атлантический и Тихий океаны ограничены материками только с востока и запада, на севере и на юге они беспрепятственно переходят в полярные широты, поэтому на их беспредельном пространстве могут свободно проявляться все явления в атмосфере и гидросфере. Не таков Индийский океан: он простирается во всю ширину только в антарктические широты, на севере же он заперт, подобно внутреннему морю; отсюда неполнота и односторонность океано-географических явлений и переход к характеру внутреннего моря, который становится все ощутимее по направлению к северу.

В историческом отношении Индийский океан стоит выше: уступая как относительно крошечному Средиземному морю, так и Атлантическому океану, может быть, даже и Тихому, он далеко превосходит в историческом отношении все второстепенные моря Западной Европы и Восточной Азии. Хотя он лежит именно в тех широтах, где на всем земном шаре начинается область самой оживленной исторической деятельности, он заперт исполин-

60

ской преградой Азии на севере и потому лишен широких трансокеанских сношений, какими пользуются оба его могучих соседа; зато, с другой стороны, благодаря своему положению на южной окраине Старого Света, у берегов искони плодородных стран, с удобной для сношений береговой линией, он представляет арену, которая только временно нарушавшимся своим историческим единством дополняет то, чего ей недостает в широте размаха. И в других двух океанах область наиболее оживленной исторической деятельности распределена неравномерно: в Атлантическом океане она необыкновенно велика в северной половине и ничтожна в южной; в Тихом океане исторический центр тяжести лежит также в северном полушарии, но то, что в обоих океанах раскинулось на громадном пространстве, в Индийском океане теснится на узкой полосе, располагаясь в общем вдоль берегов.

Непрерывное протяжение Тихого океана, и в еще большей мере Атлантического, делало их до позднейшего времени неодолимой преградой для сообщения, и только благодаря широкому усовершенствованию способов передвижения они могли удовлетворить стремление человека к международным сношениям.

Индийский океан с своей односторонней замкнутостью не служил препятствием для сношений, а два его материка — Австралия и Африка (по крайней мере, южная ее часть) — никогда не чувствовали потребности завязать между собой сношения; для стран, лежащих на севере, представлялось более удобным или совсем его обойти, или пройти вдоль берегов от полуострова до полуострова. Таким образом, Индийский океан представляет целую систему исторических движений, чем резко отличается от других морей.

Насколько линии этой системы относятся к океану, они, как хорды, отрезают от параллелей целый ряд сегментов, периферические точки пересечения которых совпадают с главными историческими центрами излучения. Целый пучок лучей исходит из Восточной Африки — одна из линий идет в Аравию и к Красному морю, другая — к Индии, третья — вкось через экватор от Мадагаскара

61

к Зондскому архипелагу, четвертая линия соединяет Цейлон с Индонезией, пятая — Зондский архипелаг с Австралией. Однако важнее всех этих линий та большая артерия, которая прорезает океан почти параллельно экватору между Красным морем и Зондским и, таким образом, пересекает все остальные линии. На ней сильнее всего бьется пульс исторической жизни Индийского океана; она служит путем не только внутренних океанских сношений в древности, но и новейшего всемирного движения народного потока.

Линии исторического движения, пересекающие земли, омываемые Индийским океаном, представляют также сравнительно простую систему, но далеко не такую, как океанские. Их главные оси идут по касательным, как во всей Восточной Африке, Аравии и архипелаге, где, например, все народные движения шли вдоль берегов, только на обоих полуостровах Индии и Индокитая они проходили по радиусам; между ними проходит множество второстепенных осей в самых разнообразных направлениях, что и следует ожидать при том разнообразном строении, какое представляют берега Индийского океана.

Для направления по касательным оба глубоких залива — Красное море и Персидский залив — не представляют препятствий, какие можно было ожидать: оба, располагая узкими и удобными выходами, облегчали переход не только отдельным народам, но и целым расам; кроме того, благодаря удобному вертикальному расчленению их легко обойти с севера. На юге неудобному горизонтальному расчленению соответствует такое же неудобное вертикальное строение берегов; Африка в этом отношении не уступает Австралии: обе страны представляют собой массы без естественных путей во внутрь; север, за исключением Аравии, находится в более благоприятных условиях: хотя громадный Деканский полуостров не доступен с моря, зато его основание, прилегающее к нему на севере, собственно Индия, имеет в Ганге и Инде с их речными системами лучшие в мире дороги для международных сношений с западом и востоком. Если бы этим областям выпало на долю счастье иметь

62

в лице своих обитателей энергичный и способный к мореплаванию народ, ничто не помешало бы Индии стать неограниченной властительницей культурного мира Индийского и Тихого океанов. Здесь мы подходим к выдающемуся моменту в истории Индийского океана вообще: условия для исторического величия налицо, но народы только временно и не везде воспользовались ими, отсюда такая бедность исторического элемента в Индийском океане по сравнению с занесенным извне культурным достоянием, и в этом отношении в течение тысячелетий условия все ухудшаются. В то время как два другие океана из ничтожества выросли в настоящих исполинов в историческом значении, он едва мог с честью поддержать прежнюю роль; в то время как белая раса, эта историческая закваска человечества, повсюду подчинила себе природу и людей или способствовала их энергичному взаимодействию, в Индийском океане ее вторжение увенчалось только слабым успехом: народы здесь были слишком неподвижны и косны.

Из древней истории

Древняя история Индийского океана окутана тем же непроницаемым мраком, как и первые века существования других мест на земной поверхности, важных в историческом отношении. То обстоятельство, что в омываемых им странах многие исследователи полагали родину первобытных рас, даже колыбель человечества, манило погрузиться в глубины истории, переходящие за обыкновенные границы, где историческая почва тотчас теряется. Проявление жизни океана выражается впервые в ясных чертах, когда темнокожее население южных побережий Азии под каким-то давлением из Внутренней Азии устремилось к морю. Если этот вытесненный народ раньше уже не жил на Цейлоне, то дальше этого легко достижимого острова он не двинулся на юг, так как пускаться вдаль по безостровному океану он не мог; наоборот, на юго-востоке и юго-западе он мог беспрепятственно рас-

63

пространиться безгранично далеко, потому что ни путь в юго-западную часть Старого Света, ни мост из островов к Тихому океану не могли служить преградой даже для неопытных мореходов. И действительно, темнокожая раса прошла обоими этими путями при отступлении своем перед североазиатским потоком; незначительные следы ее пребывания находятся еще теперь на Цейлоне и в Южной Индии; далее ее следы встречаются на Малак-ке и менее достоверные — в Аравии; значительно яснее они обнаруживаются в Зондском архипелаге до Филиппин и Меланезии и еще далее на восток; больше всего мы находим ее в Африке, где она составляет главнейшую часть населения.

Эти морские переселения темнокожих народов — едва ли послужили к развитию у них мореплавания: переход на Цейлон совершился сам собой; путь на восток, весь усеянный островами, не требовал особого искусства, а пересекли ли эти первобытные предки нынешних негров океан по Персидскому заливу и Красному морю или совсем обошли его — кто может это решить?

Если даже путь в новую родину совершен неграми морем, то эти несколько миль морского перехода через узкие проливы так же мало могли сделать из них моряков, как прежнее пребывание на побережьях Южной Азии мало влекло их в открытое море. И на новой далекой родине негр остался чужд морю. Что было причиной тому? Безграничность ли африканских пространств, где он затерялся, или негритянская раса вообще лишена способности к мореплаванию? Скорее последнее, так как нигде и ни в какие эпохи она не проявляла в этой области ничего выдающегося. В Африке негры ограничились занятием Мадагаскара и близлежащих островов; в Индонезии и Меланезии даже смешение с малайцами не повело их дальше плаванья вдоль берегов. С ними мы* мало будем иметь дела: в области Индийского океана они так же пассивны, как и на Атлантическом, где мы встретимся с ними позднее. Тем не менее для истории их поселения не лишены важности, хотя негры имеют мало склонности к проявлению

64 -

нию внешней деятельности, негр стремится к берегам и, когда достигнет их — успокаивается. Несмотря на незначительное историческое значение черной расы, распространение ее по побережьям Индийского океана есть событие великой важности: оно создало предварительные условия для того сложного смешения и

проникновения, результат которого мы видим в нынешнем разнообразно окрашенном населении Индонезии и Океании. Но темнокожие народы никогда не были достаточно сильны, чтобы оказать сколько-нибудь заметное сопротивление следующей волне народного движения; к тому же архипелаг не представляет берегов, о которые могла бы разбиться народная волна, он похож скорее на сильно разорванный риф, через который морской пролив проникает, не встречая особого сопротивления и там же оставляет часть принесенных с собой элементов. Так и малайская волна, вытесненная с юго-востока Азии на океан, не прошла бесследно для встреченной ею негроидной расы и в свою очередь перенесла на восток во всю ширь Тихого океана следы своего столкновения с ней. Результаты этого столкновения разнообразны, смотря по месту и продолжительности взаимного влияния. Меланезийцы и полинезийцы представляют собой два конца цепи: первые — результат тесного слияния обеих рас, вторые имеют самый слабый негроидный отпечаток. Промежуточные ступени многочисленны и разнообразны: микронезийцы, альфуры, негроиды представляют только резко очерченные группы в этой смеси; отчасти сюда же относятся и австралийцы, потому что рядом с полинезийским влиянием нельзя отрицать и меланезийского.

Выработку всех этих народных типов поделили между собой, в зависимости от условий, Индийский и Тихий океаны. Принимая обычное деление малайской расы на восточную и западную ветвь, можно сказать, что она не вышла за пределы обоих океанов, но в то время как восточная ветвь, заняв безграничную область Тихого океана, считала свою историческую задачу исчерпанной и, несмотря на выдающиеся способности к мореплаванию,

65

едва коснулась всемирно-исторического движения, западные малайцы, природные и опытные моряки, утвердившись на родной почве в Индонезии, не только распространились до Цейлона и Мадагаскара, но и во всех местах расселения сыграли более важную роль, чем их восточные соплеменники и, пожалуй, все остальные жители в области Индийского океана.

Только на полуострове Малакке они — истые дети океана, и если им не удалось стать его безграничными властителями, то причины лежат не в их характере или недостатке дарования, а в разделении их на мелкие владения и в положении Малайского архипелага в точке столкновения двух могучих культур — китайской и индийской. Китайское влияние ограничилось только "политической и торговой областями, зато индийское в свое время было всеобъемлющим. Оно завладело с необычной силой всей духовной и культурной жизнью западного архипелага, и хотя ему ир удалось всецело подчинить подвижных от природы малайцев игу религиозного мировоззрения и приковать их к месту, как индусов, тем не менее под сильным влиянием индийской созерцательности энергия островитян пострадала более, чем это предполагают.

Определить начало переселения негроидных и малайских народов, а вместе с ним начало исторической роли Индийского океана невозможно, да и не важно. Гораздо важнее вопрос о причинах этого переселения; первый толчок обоим дан был движением среднеазиатских народов к югу. Весьма вероятно, что монгольские племена, эти всегдашние нарушители мира в Азии, двинулись первыми; для Индокитая это даже достоверно, потому что в теперешних индокитайцах с их бесчисленными подразделениями мы находим сильно смешанных потомков того народного потока, который, заняв юго-восток Азии, вызвал отступление малайцев на близлежащий океан; новые пришельцы последовали за ними к океану, чтобы властвовать на нем, но, подобно другим народам своего племени, не сыграли роли в истории ни Тихого, ни Индийского океана; даже с местной

66

примесью малайской крови индокитаец не поднялся выше ступени морского разбойника.

О древнем периоде истории северо-западной части океана еще труднее получить сколько-нибудь достоверные сведения. Если даже считать достоверным переселение негров в Африку из северных областей Индийского океана, а причиной его толчок с севера, то все-таки остается неизвестным, когда и кем дан этот толчок. Достоверно одно, что протекло много много-много веков после того, как последняя негрская волна пересекла Красное море с северо-востока на юго-запад, потому что по этому же пути прошла вся масса хамитского племени, последняя отрасль которого — древние египтяне — уже за тысячелетия до нашей эры были высококультурным народом. Таким образом, скромная роль Индийского океана в этом отделе всемирной истории скрыта так глубоко, что составить о ней какое-либо суждение пока невозможно: она уходит в глубь доисторических времен. Протекло много веков, прежде чем те же хамиты, завершившие странствование с Востока на Запад, снова возобновили его, но в обратном направлении.

ЭПОХА ДО ПОЯВЛЕНИЯ ИСЛАМА

Исторический облик океанов так же различен, как и их морфологическое строение. Основной чертой в истории Тихого океана являются антропологически-этнографические явления: его историческая задача всегда состояла в смешении рас для выработки новых типов, а не в развитии и поддержании торговых и политических сношений; они отступают на задний план и в Атлантическом океане. Что касается сношений между Старым и Новым Светом, Америка долгое время была только новым убежищем для народов Европы и Африки: волна за волной выливались они — одни добровольно, другие по принуждению — для заполнения громадных пустых пространств

67

и для собственного облегчения. И теперь еще Америка играет ту же роль, хотя ее политическое и торговое значение при беспримерно быстром росте достигли в течение немногих веков колоссальных размеров.

Ничего подобного мы не видим в Индийском океане: и он посылал могучую волну народов на восток и запад, но те, которые пошли на запад, остались чужды ему и удалились от него, а те, которые пошли на восток, уклонились от его влияния, хотя и он был создателем новых типов; но в архипелаге и в Австралии он должен был разделить эту задачу со своим великим соседом, а там, на берегах Восточной Африки и Мадагаскара, результаты ее не соответствовали ни величине, ни значению океана. Политическая деятельность его также никогда не была обширна.

В Малайском архипелаге, на Мадагаскаре и на побережьях Восточной и Южной Аравии, где живут многочисленные племена, не существовало сильных государств, а где таковые были, как во всей Южной Азии от Евфрата до Брахмапутры, там не замечалось ни способностей, ни стремления к мореплаванию. Таким образом, деятельной и живой силой Индийского океана является только торговля; деятельность его на этом поприще и есть основная черта его исторической жизни; хотя в течение тысячелетий она менялась во многих подробностях, общий характер ее оставался тот же. Во все исторические эпохи какие бы народы ни пускались на воды Индийского океана, ими руководили прежде всего торгово-политические цели. Поэтому историческая роль Индийского океана должна рассматриваться с точки зрения истории торговли. Подобная точка зрения кажется ограниченной, в действительности же с ней открываются такие обширные горизонты и представляется такая картина появления и исчезновения народов, каких не найдешь на обширных страницах истории двух других океанов. Для Индийского океана история торговли сливается с историей цивилизации.

Нельзя уяснить себе историческое значение Индийского океана, не вспомнив о важной роли, которую призваны были играть в рамках его истории Красное море и Пер-

68

сидский залив. Оба этих северо-западных рукава океана были естественным проходом с запада на восток и естественным звеном между странами Запада и Востока. Красное море, непосредственно прилегающее к Средиземному морю, облегчало и поддерживало эту связь в еще большей мере, чем доступ в Месопотамскую низменность с юга, значение которого было бы нам яснее, если бы мы имели точные сведения о торговле эламитов. Оно не только давно сделалось ареной торговли, но и посредником для международных сношений в те времена, когда Тихий и Атлантический океаны были только мертвыми водными пустынями. Если и был в истории человечества такой период, когда Красное море покоилось сном тихой морской бухты, то восстановление его связи с Средиземным морем в 1859—1869 гг. сразу вернуло ему его прежнюю роль; факт красноречиво свидетельствующий о его исторической важности. В настоящее время оно не служит исключительным носителем мировой торговли, но и теперь еще сношения культурного запада с открытым на большое протяжение востоком совершаются почти исключительно по его оживленным водам.

До появления китайцев

Древние египтяне. Торговые сношения в северо-западной части Индийского океана начинаются уже в глубокой древности. Египтяне, склонные к замкнутости, не содержали постоянного флота, но пытались не раз завязать сношения с Южной Аравией и полуостровом Сомали, откуда получали дорогие пряности, потреблявшиеся в большом количестве. Последний король 11-й династии Сеанхкара поручил Хену снаряжение экспедиции из Копта в «Пунт»; та же задача предстояла флоту царицы Гатчепсут (1490 до н. э.) во время плавания на юг. Можно предположить, что египтяне были первыми достоверными мореплавателями на Красном море и в прилегающих к нему частях Индийского океана. Их отдельные попытки и даже флот при Рамзесе III (1200—

69

1168 гг. до н. э.) не могли служить указанием для их преемников — карфагенян, но они заслуживают внимания как доказательство склонности к мореплаванию у народа в общем континентального.

Индия. Магнитом, издавна притягивавшим к себе с временно только ослабевавшей силой все, что вступало на простор океана, была Индия.

Индия и Индийский океан — это два нераздельные понятия; доказательство — само имя; тем не менее их связь имеет лишь ограниченное значение. По своему географическому положению, полуостров Индостан более всех других прибрежий Индийского океана призван владычествовать над прилегающими морями; тем не менее он ни разу в течение всей своей истории не достиг первенствующего положения, по крайней мере по собственному побуждению. Причины такого исторического бездействия не лежат ни в размерах полуострова, мешавших густому населению свободно развернуть свои дремлющие силы, ни в малой изрезанности береговой линии; виной всему исключительно одни этнографические условия Индии. Арийцы, спустившиеся с высоких плоскогорий Ирана в жаркие равнины Индии, столкнулись с иной природой и пали ее жертвами. Приспособившись с течением времени к новым условиям, они заплатили естественную дань тропическому климату; испытав внутреннее перерождение с преобладающим религиозным направлением, они ни разу не почувствовали потребности проявить во внешней деятельности свои умственные дарования и силы своей подавляющей массы. Если в ведических гимнах и законах Ману и упоминается о плаваниях арийцев на запад к острову Диос-корид (Сокотре) и об употреблении камфары при дворах индийских принцев времени Будды, что служит указанием на торговлю с Китаем, это еще ничего не доказывает; постоянных морских сношений у индийских арийцев не существовало. Индия никогда не стремилась в окружающий ее мир, наоборот, она сама стала целью его стремлений с суши

70

и с моря. Ее отношения к морю односторонние; бесчисленные лучи, идущие от нее по всем направлениям, исходят не от нее, они стремятся к ней извне с востока, запада и юга; из своих бесчисленных сокровищ она уделила миру наибольшее количество, по сравнению с другими странами земли, но за ними нужно было прийти к ней.

Финикияне, евреи и Нехо II Египетский. Первые прямые попытки морских сношений Запада с Индией были сделаны финикиянами. Если даже считать сомнительными указания Геродота и Страбона на их первые поселения у Персидского залива и на торговые пункты в Тилосе и Арадосе, все таки их торговые поездки в северо-западной части Индийского океана начались уже за 2000 лет до н. э., так как в царствование Соломона и Хирама путь в Офир из Эци-онгбера и Элафа был не только хорошо известен, но и установлено было правильное сообщение между этими пунктами. Легкость, с которой финикияне достигли монополии на Средиземном море, должна была побудить их стать твердой ногой и на других доступных им морях, тем более что это новое поле деятельности с его чуждыми и потому особенно желательными для тогдашнего культурного мира сокровищами обещало им такие выгоды, каких не могло дать давно знакомое Средиземное море. Правда, попытки их приобрести господствующее положение на Красном море не увенчались успехом. Отделенные от Красного моря и Персидского залива узкой полосой земли, они были связаны договорами с местными жителями, и если при этом в них была включена и доля участия правителей, как было при Соломоне и его преемниках, им приходилось волей-неволей мириться с этим; но последнему условию они могли подчиниться спокойно, так как превосходство их на море всегда обеспечивало за ними успех. С исторической точки зрения интереснее попытки евреев проникнуть к Индийскому океану; хотя в ту раннюю эпоху и до вавилонского пленения они не были еще торговым народом и едва окрепли политически, тем не менее при дальновидном царе Давиде они сознательно утвердились

71

в северной части Красного моря (Эдом). Их успехи при Соломоне благодаря его союзу с царем Тира Хирамом являются естественным последствием политики Давида. Какую цену евреи придавали доступу к Индийскому океану, лучше всего доказывают энергичные попытки целого ряда и позднейших властителей удержать его за собой. Так как Иудейское царство было отрезано от моря, первой заботой его царей было восстановить много раз уже разрушенный Элаф, покорить идумеян и овладеть бухтой Акабы. Побежденные и униженные египетским царем Шешон-ком I, в царствование Ровоама, иудеи снова распространили свои владения при Иосафате (с 860 г. до н. э.); он восстанавливает Элаф и снаряжает новый флот; при Иораме идумеяне возвращают себе независимость, но Уссия (Азария) в первой половине VIII столетия в третий раз покоряет их и снова в третий раз восстанавливает Элаф. При Ахазе (ок. 730 г. до н. э.) навсегда меркнет звезда евреев на Индийском океане, и идумеяне водворяются надолго на родной земле.

Неудачей на Индийском океане завершается важный отдел в истории как еврейства, так и Индийского океана. В культурной и политической истории евреев этим заканчивается первая и единственная эпоха их сознательных и добровольных попыток придвинуться к океану; отступление их внутрь материка навсегда лишает их возможности завоевать себе во всемирной истории роль самостоятельной политической единицы. Для истории Индийского океана это вынужденное удаление еврейского народа означает конец периода, в котором в первый раз нация, лишенная способностей к мореплаванию, сознает и ценит свое всемирно-историческое значение. И это тем более знаменательно, что еврейская нация могла пробиться к морю только при самых затруднительных обстоятельствах и, чтобы удержаться на нем, обнаружила такую силу, которая приятно выделяется наряду с исторической косностью других народов.

Финикиян в этом отношении нельзя поставить наряду с евреями: этому народу, преследовавшему одни торго-

72

вые цели, без стремления к политической власти, не представлялось препятствий для проникновения в новые области. Никогда не действуя силой, они мастерски умели достигать цели помощью самих противников или соперников; как они раньше пользовались евреями, пока те владели заливом Акабой, так они ни на минуту не задумались перенести на египтян, хотя и не совсем охотно, свои торговые и политические симпатии; выдающимся результатом этого союза является знаменитое плавание вокруг Африки при Нехо II в 608 г. до н. э. — яркое доказательство неустрашимости и мореходных способностей финикиян; последствием его был, кроме того, военный флот, который египетский царь под влиянием финикиян содержал в Средиземном и Аравийском морях.

Внутренняя торговля в Индийском океане 600—30 гг.

до н. э. Торговля на Индийском океане никогда не выходила за пределы внутренней, хотя в последние шесть веков до начала нашей эры не прекращалась ни в Красном море, ни в Персидском заливе, ни в прилегающих к ним частях Индийского океана. В руках самых разнообразных народов она всегда оставалась торговлей мелкой, между промежуточными пунктами. Она не изменилась даже тогда, когда Дарий, сын Гистаспа, закончил постройку канала от дельты Нила к Красному морю, начатую Нехо II и вновь восстановленную Птолемеем Филадельфом (284—247 гг. до н. э.); Навуходоносор II основал с торговыми целями Тередон при устье Евфрата и улучшил фарватер Тигра и Евфрата устройством бесчисленных обходов, но и это не помогло, так как все, пущенное им в ход, затормозили цари из династии Ахеменидов. Когда вся Передняя Азия вплоть до Нила попала во власть всемирных монархий, сменявших одна другую, финикияне исчезли из

Индийского океана; южноаравийские государства (Гадремаут и др.) с своими ничтожными мореходными средствами не могли возместить этой потери для торговли, несмотря на все усилия.

Индийский поход Александра Великого, при всей своей исторической важности, не принес морской торговле

73

тех плодов, о которых мечтал завоеватель; даже египетская Александрия только по прошествии столетий стала тем, чем должна была уже быть при основании, т. е. центром средиземно-индийской торговли и складочным местом всей торговли тогдашнего мира. Короткий морской поход самого Александра в устье Инда, символ победы над океаном, знаменитая экспедиция Нearchа от Инда к устьям Тигра и Евфрата, попытки Александра восстановить забытый путь • из Персидского залива вокруг Аравии, его план обогнуть Африку, наконец, исправление речного фарватера до Вавилона и основание им при устье Тигра гавани Харакла, все это красноречиво свидетельствует о важном значении, которое Александр придавал Индийскому океану, и о роли, отведенной ему в его планах на будущее. Ранняя смерть Александра положила всему конец.

Тем не менее широко задуманная деятельность македонского царя не сразу утратила свою неотразимую силу; благодаря ее влиянию Индия и Индийский океан из полумрака восточной замкнутости вошли в круг лучезарной эллинской культуры. Хотя Вавилон с перенесением резиденции Селевкидов в Антиохию быстро пал под влиянием конкуренции вновь основанной Селевкии (Ктеси-фон), не став ни политическим, ни умственным, ни торговым центром тогдашнего мира, зато Индия, едва известная грекам до Александра, после его смерти вступила с Западом в сношения, не прерывавшиеся в течение целого тысячелетия.

Благодаря дальновидной политике Птолемеев, выразившейся в прорытии канала к Пелузийскому рукаву Нила, в устройстве гаваней на Красном море и обеспечении древнего пути к Понту, торговля с Индией вышла из прежней стадии мелкой и каботажной и стала непосредственной, представляя в своих еще скромных размерах переход к международной торговле в широких размерах.

Начало международных сношений в эпоху Римской империи. С объявлением Египта римской провинцией в 30 г. до н. э. на Индийском океане возникают новые условия

74

торговых сношений. Путь к сокровищам Индии открывался перед народом, материальные потребности которого выросли до исполинских размеров, несмотря на всю его политическую выдержку. С этого момента римляне широко пользуются новооткрытым путем. Однако и при изменившихся условиях сообщение с Востоком не вышло бы из прежних рамок, если бы благодаря муссонам не бросили прежнего плавания вдоль берегов. Открытие муссонов в половине I столетия н. э. приписывается греческому мореплавателю Хиппалу, по имени которого назван юго-западный муссон. Делая возможным дальние плавания, муссоны, кроме того, своей правильной сменой способствовали регулированию плавания, что представляло огромные удобства. С этих пор посольства из Индии в Рим не редкость, и Аравийское море оживилось как никогда. Теперь только Александрия выполнила задачу, возложенную на нее основателем; одно только обстоятельство озабочивало сердца римских правителей: эта оживленная торговля не увеличивала народного богатства. Уже тогда торговля с Индией обнаружила свойственную ей особенность: вывоз не соответствовал ввозу; Страбон и Плиний указывали на это, а при Тиберии сенат серьезно задумывается над тем, как задержать отлив римского золота на Восток.

От появления китайцев до Магомета

Заглянув в самую глубь достоверной истории человечества, видим, что Индийский океан не имел иной цели, как служить путем с Запада в желанную Индию; соответственно скромности средств и успехи были скромные; они становятся значительными только с прекращением плавания вдоль берегов: с этого момента меняется картина Индийского океана. Индия более не удовлетворяет стремления вдаль; западные мореплаватели проникают до Цейлона и Золотого Херсонеса (Малакки), и если мы последуем за теми, которые со второй половины I века н. э. плавали в Каттигару, то встретимся (по мнению Рихтгофена) у Тонки-на (южнее Ханзи) или у Кантона (по мнению других) с ки-

75

танцами, игравшими в продолжении долгих лет важную роль на Индийском океане. Император Антуан (М. Аврелий Антонин) из государства Та Теин отправил посольство на Дальний Восток в 166 г., и, помимо других римских экспедиций, одна индийская стремилась завязать с китайцами более тесные сношения, чем один только торговый обмен.

Китайцы. Стремление китайского народа к морю имеет свои особенности. Поскольку они касаются Индийского океана, они имеют ту особенность, что китайцы проникают на Запад только до столкновения с западными народами; они чувствуют потребность прийти с ними в соприкосновение, но смешения и взаимного проникновения избегают. В продолжении XIV—XVIII вв., наполненных движениями китайцев по Индийскому океану, последний был свидетелем зрелища, которое не повторилось ни на каком другом море. Где бы ни открывалась новая область для торговых сношений, китайское движение направляется именно в ту сторону, но не дальше. В полном противоречии с этим характером сношений Китая с Западом, замечаются колебания по всей ширине Индийского океана от берегов Малакки на восток и до Персидского залива, возможно, что и до Адена на западе: как только западные народы сокращают круг своих плаваний, китаец, верный своему торговому инстинкту, проникает далее на запад, но стоит только предприимчивым

морьям Западной Азии или Европы подвинуться на восток, как сын Серединной империи тотчас уступает им дорогу. Так было в первые века сношений Востока с Западом, и то же явление повторилось и в начале новой эры; эти движения вылились в настоящий ритм; они следуют с правильностью, дающей возможность определить, сообразно с ними, отношения китайцев к Индийскому океану.

По своему характеру китайцы не были способны пуститься в океан по собственному побуждению; но когда за-падноазиатские мореплаватели, самое позднее около 250 г., прекратили поездки в Каттигару, довольствуясь ближайшими конечными пунктами, страх прекращения торговли

76

заставил китайцев последовать за варварами на запад. В половине IV столетия нашей эры мы находим их в Пинанге на Малакке, в конце столетия они достигают Цейлона, единственной точки, лежащей за пределами знакомого океана, к которому их влечет более глубокий интерес: они видят в Цейлоне зародыш и ядро буддизма, имевшего важное значение для их собственной культуры. Неудовлетворенные достижением этой цели, они доходят в половине V столетия до Персидского залива и города Хиры на Евфрате; позднее мы встречаем их, если верить Эдризю, в Адене и других гаванях Красного моря. Поездки китайцев в Персию и Месопотамию прекращаются около 700 г., а с Цейлона, успевшего за это время стать складочным местом товаров Востока и Запада, они удалились в середине VIII столетия.

Народы западной части Индийского океана. В те семь столетий, которые были свидетелями сношений китайцев с западом Азии, произошли перемены в смысле участников этих сношений. Постоянным полюсом, как всегда в истории, являются китайцы; если не считать народа, известного позднее под именем малайцев и конкурировавшего с ними на Цейлоне, они являются бесспорными представителями торговли с Западом в продолжении всей этой эпохи. Наоборот, в западной области океана в ту же эпоху совершились важные перемены: греческих и римских купцов вытесняют народы, которые уже давно утвердились на берегах Индийского океана, но впервые обратились к мореплаванию. Прежде всего надо упомянуть индусов, которые в первый и единственный раз в течение всей своей истории, столь бедной внешними событиями, вступили на море. Каково бы ни было их участие в поездках на Малакку и архипелаг, они не остались равнодушными зрителями расцвета западной торговли у порога своих владений.

С тех пор как династия Сасанидов (227—651 гг.) твердой рукой стала направлять судьбы основанного ею государства, этой торговлей завладели персы. С дальновидностью государственных людей их властители увидели, что лучше всего можно было повредить враждебной

77

им Восточной Римской империи, перехватив ее прямую торговлю с Дальним Востоком. Чуждые, по нашим понятиям, морю, тогдашние персы тем не менее задумали захватить в свои руки всю торговлю Востока с Западом. Несмотря на все старания, это им не удалось, только одним из путей в Индию с Запада они завладели надолго и вполне — путем через Персидский залив. Ни индусам, ни подвижным жителям маленького, но важного для тогдашней торговли королевства Хиры не представлялось иного пути. Вместе с персидскими судами на Цейлон плавали индийские и арабские, забиравшие привезенные китайскими джонками шелк, гвоздику, алоэ и сандал и доставлявшие их прямо в Персидский залив.

Наоборот, на второй торговый путь к Западу — Красное море — персидское влияние не распространилось ни при Сасанидах, ни позднее, поэтому в нем дольше всего удержались следы некогда господствовавшего здесь римского влияния. До IV в. процветала знаменитая в древности Береника Троглодитика; и еще во времена Юстиниана греко-римские корабли плавали ежегодно из Клисмы и древнего Элафа в Индию. Мудрый император с самого начала своего царствования стремился по экономическим причинам поставить себя в полную как политическую, так и торговую зависимость от Персии. На сухом пути ему это отчасти удалось после многих неудачных попыток, и то только в 557 г., когда он благодаря хитрости монахов завел у себя шелководство, доставлявшее главный продукт торговли; но все попытки вырвать из рук персов монополию морской торговли в долине Евфрата остались безуспешными. Единственным выходом оставалось Красное море; скромные размеры торговых оборотов Клисмы и Элафа не могли удовлетворить потребностей пышного византийского двора и всего культурного мира вокруг Средиземного моря. Более благоприятные географические условия Юстиниан искал и нашел в эфиопах, жителях дружественного Аксумского государства, положение которого у входа в Индийский океан и Красное море как бы напрашивалось служить для промежуточной торговли.

78

Но и эта попытка не удалась. Хотя многочисленные купеческие суда греков плавали до Алулиса, а на кораблях эфиопов греки доходили до Индии, и темнокожие торговцы умели достойно поддержать свою роль посредников, тем не менее нанести удар персидской монополии им не удалось. Персы в течение веков слишком прочно утвердились в индийских гаванях, чтобы конкуренция непредприимчивого и недостаточно сильного народа могла их оттуда вытеснить. Даже бури, обрушившиеся на Персию в VII в. при появлении ислама, не могли поколебать их положения. Что же касается Индийского океана, то персы при каждом новом натиске или столкновении как будто черпали новые силы для дальнейшего распространения.

ОТ МАГОМЕТА ДО ВАСКО ДА ГАМЫ

Как биение исторического пульса народов замирает, когда над землей проносится событие всемирно-исторического значения, как история громадных материков не протекает без остановок и поворотов, так и история океанов не совершается без заминок, как можно было бы ожидать при ее подвижности и

эластичности. Наоборот, как от легкого перемещения молекул гидростатическое давление перемещается по всем направлениям, как волна землетрясения с быстротой молнии расходится по шире океана, так и события, имеющие общее значение, захватывают в круг своего влияния всю область океана. Чем для Атлантического океана было путешествие Колумба, а для Тихого открытия Магеллана и Бальбао, тем для Индийского океана является путешествие Васко да Гамы к Востоку, т. е. событием с знаменательнейшими последствиями для всей последующей эпохи. Но в то время как в истории первых двух океанов эти события были единичными по значению, открытие морского пути в Индию для Индийского океана не является единичным.

79

Предшественником этого события был ислам; он принадлежит всецело Индийскому океану. В своем беспримерно быстром и победоносном шествии ислам донес знамя пророка до Атлантического океана, а восточными излучениями своими коснулся и Тихого океана, но во всей полноте своей жизненной силы он развернулся только на берегах Индийского и, что еще важнее, только здесь охватил всю его поверхность. Нельзя предполагать, что арабы впервые пустились в море после Хиджры, этому противоречат морские переходы племени геез из Южной Аравии на плоскогорья Абиссинии, плавания из Хиры и Адена и другие факты. Но никогда до появления Магомета у них не замечалось и признаков стремления к заморской политике, которым отмечена история арабов во времена халифов и позднее. Народ этот, почти неизвестный раньше, став под влиянием ислама всемирным завоевателем на суше, вдруг сознал свои силы и на море. Через четыре года после смерти пророка новоперсидская монархия была разгромлена могучей рукой Омара. Казалось, Индийский океан под влиянием новых условий и войн того времени снова должен был впасть в то забытие, из которого он медленно просыпался в течение последних столетий, так как одновременно жертвами магометанского погрома стали и Малая Азия и Египет. После этого Индийский океан стал Арабским морем, и от Суэца и Массовы на западе до дельты Инда на востоке при Омейядах и Аббасидах волны его разбивались о берега царства халифов. Таким образом, вся торговля Востока с Западом, в то время «мировая», перешла в руки арабов.

В первый раз с тех пор как Индийский океан начал играть роль в достоверной истории человечества появление арабов заставляет его разделить арену деятельности: с единственной до тех пор восточно-западной осью выдвигается в северной части океана северо-южная, или движение арабов в Восточную Африку. Именно в этой области арабы дольше всего боролись против держав новой эпохи, и, по странному стечению обстоятельств,

80

здесь им суждено было выдержать последнюю борьбу с самой юной из колониальных держав старого света — с объединенной Германской империей.

Восток

Движение арабов на Восток во время халифата должно рассматриваться с точки зрения взаимных сношений между Востоком и Западом Азии. Владея многими лучшими гаванями на Индийском океане и центрами ост-индской торговли, арабы были поставлены в необходимость сосредоточить свои интересы на море и в особенности на восточной части океана. На этом пути легче всего было осуществить завоевание Индии, и уже в 637 г. мы находим арабский флот у западных ее берегов, но прежде нужно было отнять господство над океаном у персов, все еще сильных на море и после падения Сасанидов. Арабам не удалось ни завоевать Индию с моря, ни уничтожить персидскую конкуренцию, несмотря на основание Басры (636 г.) и Багдада (754 г.), свидетельствующее о дальновидности их политических и торгово-географических взглядов. В продолжение двух веков их флоты перерезают в мирном общении с персидскими купцами волны Индийского океана, в первое десятилетие халифата в тех же пределах, как при Сасанидах, то есть не далее Цейлона, а плавания китайцев в то время все еще оканчиваются Персидским заливом. Только с 700 г. персы и арабы пускаются через Бенгальский залив до берегов Китая благодаря усовершенствованию кораблестроения и, вероятно, знакомству с компасом. В соответствии с этим движением вперед, верные своему обычаю не идти дальше, чем было необходимо для поддержания торговых сношений, китайцы ограничивают постепенно свои плавания Цейлоном и в середине VIII в. покидают и этот остров и на целые 500 лет исчезают из области Индийского океана.

Ни персам, ни арабам не было суждено перешагнуть за пределы Индийского океана к могущественному восточному соседу. После истребления в 878 г. в Ганьфу

81

120 тысяч магометан, евреев, несториан и персов плаваниям к северо-востоку через Малакку был навсегда положен конец. Этим заканчивается период оживленнейшего движения, не имеющего себе подобного до наступления новой эры ни на одном из больших морей, за исключением Средиземного. Его размеры лучше всего определяются названием — Китайское море, которое арабский писатель той эпохи дает Персидскому заливу, исходной точке и конечному пункту всей тогдашней торговли с Востоком. Этот очаг культуры на Востоке представляется единственным, и если мы сопоставим с ним мрак, царивший во времена Каролингов над полуязыческой Европой, то становятся понятными слова Пешеля, который говорит, что очаги всей материальной и духовной культуры того столетия лежали к югу от 40° широты и восточнее всех меридианов Средиземного моря.

С удалением китайцев Индийский океан не опустел, потому что хотя арабы и персы в последующую эпоху и

не проникли в Тихий океан, они все же завязали торговлю с китайцами в гавани Каллах на Малаккском проливе, пока китайцы не возобновили прежних сношений с Цейлоном и гаванями Малабара. Это вторичное движение китайцев есть и последнее из их ритмичных движений на водах Индийского океана. Оно начинается во второй половине XIII в., когда при Кублай-хане сильно оживилось мореплавание: целые флотилии громадных джонок, как и в начале II в., поплыли к Западу. Кроме прежней цели, Цейлона, конечными пунктами стали быстро расцветавшие гавани — Ка-ликут и Ормузд. Преследуя главным образом торговые цели, китайцы занялись и предприятиями иного рода, чуждыми им раньше на водах Индийского океана: они стали сооружать научные экспедиции, проникали до Мадагаскара, а в середине XV в. властители Минской династии подчинили себе Цейлон; это было зенитом деятельности китайцев на Индийском океане, и уже в середине XV в. китайцы исчезают из Индийского океана, и на этот раз навсегда. Несколько раз возобновляемые в продолжении целого тысячелетия попытки китайцев поддержать постоян-

82

ные сношения с Западом оказались так бедны результатами не потому, что были односторонними торговыми сношениями, напротив, взаимный обмен материальной и духовной культуры был очень плодотворен, но скорее потому, что различие между расами в психологическом и физическом отношениях было слишком велико и исключало для обеих культур возможность настоящего взаимного проникновения и взаимодействия.

В продолжение всей этой эпохи Новая Голландия оставалась той же немой и мертвой страной, как и в доисторическую эпоху. Даже в той единственной ее части, где ей предоставлялась возможность завязать торговлю с прилегающим Зондским архипелагом на севере и северо-западе, она осталась чужда океану. Зато малайцы, не имеющие себе равных во всем Восточном полушарии по склонности и способности к мореплаванию, начинают выступать из мрака. Их ранние поездки в ту эпоху, когда китайцы впервые проникли на запад через Малаккский пролив, не были первыми в истории этого народа, но о них не существует точных сведений. Наоборот, можно ясно проследить, как Зондский архипелаг, в особенности Ява, вступил в сношения с Индией, и буддизм и брахманство проникли туда; но как бы ни было важно по своим последствиям введение обеих религий для духовного развития этой части Индонезии, оно не могло, в силу характера этих учений, побудить малайцев обратиться к тем задачам, к которым они были призваны благодаря своим морским талантам. Только с того дня, как малайцы, сознавая узость своей политической и экономической основы, вступили обратно на покинутый материк, они получили силу и возможность управлять судьбами своих родных морей. Основанием Сингапура царями Менангкабау в 1160г. положено начало их могуществу, которое распространилось в следующие века на большую часть Индонезии; оно достигло апогея в Малакке, основанной в 1252г. и бывшей несколько веков посредницей всей торговли Востока с Западом.

83

Неблагоприятные условия помешали малайцам развернуть свои способности в широких размерах, они пропустили удобный момент. Едва успели они созреть политически для широкой морской деятельности, как надвинулось событие, перевернувшее все прежние условия в Индийском океане: европейцы получили доступ к нему с запада и с востока. Малайцы не были вытеснены из восточной части океана, как персы и арабы, для этого они были слишком тесно с ним связаны, но вторжение новых белых повелителей низвело их мореплавание на низкую ступень морского разбоя, который и раньше пользовался почетом у малайцев, а теперь стал их единственным занятием. Этот вынужденный шаг лишил малайцев права на историческую роль в высшем значении этого слова.

Тем не менее малайцам суждено было совершить в пределах Индийского океана один акт высокого значения: занятие острова Мадагаскара. Строго говоря, это переселение их из первобытной родины, с островов Индийского архипелага, нужно считать доисторическим, хотя эпоха переселения колеблется между I и XII вв. Исторический мрак, царивший тогда над западной частью Индийского океана, едва ли остался вполне беспросветным, но результаты древних исследований на этом поприще утрачены: все, что было исследовано и изучено за долгий период, от объезда Африки при Нехо до основания Перипла на Красном море, было предано забвению и для истории человечества пропало бесследно.

Запад

Арабы. В это мрачное время западная окраина океана, однако, не разделяла судьбы заглохшей в бездействии восточной половины. Если греческие купцы не показывались более на море, то арабы, давно уже направлявшиеся из своих гаваней в Йемене к югу, и во II в. продолжали свои плаванья к восточному берегу Африки вплоть до экватора. До появления Магомета они ограничивались одними торговыми целями, но через 100 лет после Хидж-

84

ры слабая в начале связь с югом все крепнет. Где прежде были одни фактории, один за другим вырастают укрепленные города. Около них группируются царства, еще очень незначительные, но уже способные изменить и переработать кровь и обычаи, нравы и религию туземного населения. Макдишу и Барава, Малинди и Момбас, особенно же процветавший долгое время Кильва-Кизивани были ядром этих царств и своим 900-летним существованием послужили блестящим доказательством исторической мощи и выдержки арабов. Если вникнуть в причины, побудившие арабов обратить свои взоры на Восточную Африку и от простых торговых сношений перейти к политике завоеваний, то эти причины в общем окажутся теми же,

которые столетия тому назад заставили их предков завязать торговые сношения с югом. И без того короткое расстояние между обеими странами сокращается периодическими муссонами, которые, вне всякого сомнения, были известны обитателям северо-западной части океана гораздо раньше, чем римлянам. Дальнейшим и, может быть, самым притягательным поводом для политического захвата был характер жителей африканского побережья, которые ни на суше, ни на море не были в состоянии конкурировать с пришельцами. Наконец, последним поводом является идейное обстоятельство: понятие арабов об относительном положении Африки, и в связи с ним их представление об очертании Индийского океана вообще.

Последствия ошибочного представления Птолемеевой картины Вселенной. Судоходство в широких размерах возникло на Индийском океане раньше, чем на остальных океанах, тем не менее человечеству понадобился более долгий срок, чтобы получить правильное представление о его величине и очертаниях. Тихий океан вошел в круг исторических познаний в начале XVI столетия, но его исполинский треугольник был исследован немногим более 250 лет назад. Атлантический океан до открытия Колумбом Америки или высадки норманов на берега

85

Винландии* был безграничной, протянувшейся на запад водной пустыней с известным для истории только восточным берегом. Но там, где для познания Тихого океана понадобились столетия, для Атлантического протекли только десятилетия, и уже в начале XVI в. его удлинённая форма была известна в главных очертаниях. Не так было с Индийским океаном: морские нации древности пересекали его на большом протяжении, персы и арабы были знакомы с ним на всем пространстве с востока на запад, тем не менее новая история познакомилась с ним в таком изображении, которое представляет собой высшую степень искажения карты. Индийский океан изображали внутренним морем, узким и длинным каналом, примыкающим к Красному морю, как продолжение Средиземного моря на юге; северный берег этого удивительного бассейна составляет Южная Азия, а южный — восточное побережье Африки, которое далеко на востоке соединялось с Южной Азией.

Такого заблуждения придерживались Эратосфен и Гиппарх, даже Аристотель. Для всемирной истории оно получило значение со времени Птолемея, система которого царил в всей средневековой науке о земле. Арабы, непосредственные последователи учения великого географа, усвоили его без критики, принимая на веру и справедливое и ложное, и поэтому считали Индийский океан внутренним морем, хотя направление восточного берега Африки должно было быть им хорошо известно. Их уверенность в такой форме Индийского океана можно объяснить совпадением различных обстоятельств: Птолемей был для них авторитетом главным образом вследствие отсутствия у них картографических способностей; затем, как последователи Птолемеевой системы, они думали, что температура Южного полушария во время северной зимы, когда солнце приближается к земле, достигает точки, смертоносной для всего живо-

* Нынешние штаты Массачусетс и Род-Айленд.

86

го, потому они считали страны к югу от экватора непригодными для жизни, а море недоступным для судоходства и все более утверждались в заблуждении, что все знакомое им побережье до Софалы тянулось с востока на запад как раз против Южной Азии.

В изображении Птолемея Индийский океан получает двойное значение в истории человечества: одна часть его роли исчерпывается политическими завоеваниями арабов на восточном берегу Африки, которые можно объяснить понятным стремлением завоевателей иметь всегда верную точку опоры в метрополии, расположенной в виду колоний; другая половина его роли охватывает более обширное пространство и время; она заключается в Terra Australis, неизвестном южном материке. Представление о нем, заимствованное Птолемеем у греков и под именем эфиопской Австралии являющееся у него в виде южной части Индийского океана, возродилось у арабов под названием берега Сендж, и частью через них, частью непосредственно проникло в схоластическое землеведение и в конце беспокойной, но бедной результатами эпохи является загадкой, на разрешение которой Средние века не приобрели себе права. Занимающий нас целых два с половиной тысячелетия Индийский океан является только продолжением Красного моря и Персидского залива в виде узкого внутреннего моря с южным берегом, существующим только в воображении тогдашнего мира и представляющим неодолимую преграду для распространения этого моря на юг.

На самом деле за весь этот период времени Индийский океан совпадал с Птолемеевым морем, а если и переступает за его пределы, то на ограниченном пространстве и в известном направлении, как, например, в плаваниях арабов на юг. Открытие его больших частей задерживается для культурного мира, как было с путешествиями китайцев на юго-запад, или же путешествия эти лежат вне области достоверной истории, как переселение малайцев на Мадагаскар. Согласно своему характеру внутреннего моря средней величины, Индийский океан

87

не является разобщающим, как все большие водные пространства в эпохи низкой культуры. В ранние эпохи, когда история человечества ограничивалась массовыми переселениями, его обходили, позднее переплывали от гавани до гавани или в направлении муссонов. Параллели были почти единственными историческими осями в древности; и все движение по океану происходит в этом направлении, за исключением поездок в

Сендж и Софа-лу; так двигались финикийцы во II тысячелетии до н. э., греки и римляне, персы и арабы и, наконец, китайцы к Цейлону в середине XV в. Как бы односторонне ни было это движение, всегда преследовавшее торговые цели, за исключением плаваний китайцев на Цейлон с религиозными целями и одиноко стоящих воинственных предприятий арабов против Индии, оно оказалось важным для развития человеческой культуры.

При взаимном обмене плодами культуры Запад всегда получал, а Восток — давал, и в последнюю треть рассмотренного нами периода посредниками обмена были народы Передней Азии — персы и в особенности арабы. Когда они из ничтожества выросли во всемирную монархию в политическом и духовном отношении, прежние прямые сношения Средиземноморского культурного пояса с востоком и югом Азии совершенно прекратились. Как по отношению к ввозу редких пряностей, красильных и пищевых веществ, так и касательно индийской системы чисел и расширения сведений по математике, медицине, географии или астрономии неизменными маклерами всегда являются повелители Красного моря и Персидского залива. С VII или VIII столетия Индийский океан носит чисто азиатский отпечаток с легким африканским оттенком. С упрочением арабского влияния на Индийском океане для белой расы возникают на нем те же условия, как на Тихом океане перед появлением европейцев на его берегах. Как тот, так и другой исчезли с горизонта культурных наций, и их пришлось открывать заново. Что открытие обоих последовало одновременно с поднятием завесы и над Атлантическим океаном, было совпадением, обуслов-

88

ленным обстоятельствами, которые возникли среди восходящих народов Запада, но, соответственно внутреннему строю каждого из океанов, исторические явления этой зарождающейся эпохи для каждого сложились различно.

НОВОЕ ВРЕМЯ

Волны землетрясений и приливов, рассекающих Тихий океан, могут привести в колебательное движение воды и Атлантического, и Индийского океана; водяная частица, перемещающаяся от изменения веса, может, по той же причине, вылиться как в Тихий, так и в Индийский океан. Таким образом, опоясывающий землю океан физически есть одно целое, но с исторической точки зрения в нем нет единства, потому что каждый океан есть «функция своих берегов». Если даже маленькие внутренние или краевые моря имеют свой исторический отпечаток, то насколько же резко он должен выступать в громадных океанах, заселенных целыми расами. Фактически каждый из трех океанов в рамке истории человечества является индивидуальностью, или, вернее, он был ею: для нынешних поколений нет более разницы между океанами ни в физическом, ни в историческом смысле. Как волны одного океана сливаются с волнами другого, так и мировая торговля, а с ней и всемирная история непрерывно и беспрепятственно переносятся с одного океана на другой, хотя обе протекают каждая по избранному пути, но пути эти опоясывают весь земной шар; они пересекают океаны во всех желательных человеку направлениях, и в этом заключается основная черта истинного мирового общения.

От Веско да Гамы до начала британского владычества в **Индий** (1498—1757 гг.)

Протекло 400 лет с тех пор, как совершился этот переворот в самом существе океанов — не во взгляде человека на них, — период короткий по сравнению с прежними тыся-

89

челетиями. Тихому и Атлантическому океанам он принес бесконечно много, во всяком случае больше, чем Индийскому океану, тем не менее вся сумма их исторического значения не превышает значения Индийского океана. И для них с появлением европейцев начинается новая эра, но в прошлом им нечем было похвалиться. Что и было значительного в жизни Тихого океана, разыгралось на ничтожной по сравнению со всей его величиной северо-западной окраине или же находится за пределами достоверной истории, как, например, деятельность полинезийцев. Атлантический океан в большей своей части не проснулся еще для исторической жизни, только его бассейны: Средиземное, Немецкое (Северное) и Балтийское моря уже давно проявляют свою деятельность, выжидая благоприятные минуты, чтобы наводнить земной шар своими закаленными в продолжение столетий и тысячелетий силами. Индийский океан перед наступлением новой эры давно уже лишился исторического значения на всем протяжении: весь его юг лежал в полном запустении, а та узкая полоса северного побережья, о которой теперь идет речь, должна рассматриваться с другой точки зрения, чем соответствующие части двух соседних океанов. Средиземноморский, как и восточноазиатский культурный пояс, представляют два отдельных мира. Отделенные друг от друга целой третью земной поверхности, они постоянно выказывают сознательное или бессознательное стремление сблизиться, прийти в соприкосновение и взаимно проникнуться. Неподвижный азиатский исполин не был в состоянии осуществить это сближение: много обещавшие попытки Рима сблизиться с Китаем в 95 н. э. остались без результата. В эту трудную минуту Индийский океан выступил посредником и помощником, и таким образом историческая деятельность его исчерпывается стремлением связать Восток с Западом. Значение самостоятельного проникновения белой расы в пределы Индийского океана. В силу этого Индийский океан становится ареной самостоятельной истории. Не отличаясь ни величавым покоем восточноазиатской истории,

90

ни подвижностью средиземноморской, она тем не менее захватывает весь океан, насколько он входит в область всемирной истории. Под знаменем Магомета она проникает почти без перерывов от берега к берегу,

от восточного побережья Африки на крайнем западе до островов архипелага на дальнем востоке. В связи с этим появление белой расы, на культуру которой Индийский океан уж так давно благотворно влиял, имело для него совсем иное значение, чем для девственных вод Атлантического и Тихого океанов; последние при этом выиграли, тогда как Индийский океан много потерял. С этой точки зрения следует его рассматривать после появления Васко де Гама. На первый взгляд, судьба всех трех океанов кажется одинаковой: ни один из них не мог избежать белой расы, и Индийский океан разделил, и даже в большей мере, судьбу своего восточного соседа, но в результатах замечается огромная разница. Прежде всего, все три океана потеряли собственное историческое достояние: в Америке и в Австралии погасли очаги самостоятельной истории, но в конце концов потери обратились в выигрыш: то, что пришельцы внесли ценного в самое короткое время и в Соединенные Штаты и в Австралию, далеко перевешивает утраченное.

В Индийском океане обстоятельства сложились иначе: если взять внутритропическую Южную Африку, то на всем ее протяжении нет ни одной страны, которая служила бы целью массового переселения европейцев, и теперь число белых ступенчатается перед количеством туземцев, где бы мы их ни искали — на архипелаге, или в Индии, или на берегах Восточной Африки; 300 или 400 лет тому назад, при начале колонизационной деятельности, это обстоятельство, без сомнения, выступало еще ярче. Об уничтожении туземной культуры, которое пережила Америка, и о замене ее европейской при таких условиях не могло быть и речи; оно лежало вне пределов возможного, как, например, уничтожение восточно-азиатской культуры. Уничтожить можно было только политическое и экономическое значение противников, а таковыми европейцы и по сию

91

пору должны считать каждого из жителей Индийского океана. И то и другое удалось европейцам, так как сопротивление, оказанное им со стороны Бали и Атье, Мадагаскара и Арабской Восточной Африки, можно считать предсмертными судорогами умирающего. В соответствии с разнообразием народностей и борьба была различна, смотря по месту и времени; горсть торгашей могла сломить такого великана, хотя и глиняного, как Индия, между тем только упомянутые малайские народцы до сих пор сопротивляются чужому вторжению.

Борьба была тем легче, чем слабее была связь народа с океаном, и тем труднее, чем теснее была эта связь; однако это явление (будь оно причиной или только побочным обстоятельством) не поддается обобщению. Перуанцы и ацтеки были покорены еще легче, чем индусы, но Китай стоит непоколебимо по всем направлениям, несмотря на множество нападений. С другой стороны, сопротивление нигде не было так слабо, как у полинезийцев: их распространение по безграничному пространству океана исключало возможность борьбы; Индия и Индонезия, находившиеся в тех же условиях, поступили обратно, потому мы будем только справедливы, если вычеркнем Индийский океан из числа исторических величин первого разряда, по крайней мере по отношению к Индии. Обстоятельства, вызванные особым религиозным и политическим строем этой страны, были, с одной стороны, причиной быстрого ее падения, с другой — твердым оплотом. Но и в это тяжелое переходное время Индийский океан не был для Индии совершенно лишен значения: под влиянием оживленной арабо-египетской торговли в середине XV в. государства на малабарском берегу завели собственный флот, сыгравший значительную роль в отчаянной борьбе с португальцами, хотя и при помощи арабского военного флота. С уничтожением последнего корабля сопротивление индусов заметно ослабело,

Из охранителей Индийского океана самыми стойкими защитниками его исторического достояния являются арабы, так как малайцы в начале XVI в. слишком мало

92

еще укрепились на новой родине; к тому же они малочисленны и, разбросанные по обширному архипелагу, не могли оказать успешного сопротивления надвигавшемуся с востока и запада потоку европейцев. Если они и выдержали борьбу с ними в течение веков, то только благодаря своим морским способностям, которые дали им возможность наносить сильный вред европейцам морскими разбоями.

Иное дело арабы. Когда Васко да Гама в Калькутте вступил на почву Индии, арабы были настоящими повелителями Индийского океана в духовной или, в данном случае, религиозной области и единственными руководителями всего торгового движения, насколько оно связывало Индию с Западом. С этой торговлей было сопряжено сказочное процветание и падение Каира и Александрии, могущество Венеции, Генуи, Пизы, Флоренции, одним словом, весь блеск тогдашнего Средиземноморского мира. Влияние ее отозвалось даже на торговле всего европейского севера вплоть до Германии и Фландрии, направляя ее в известные границы. В период между 1200 и 1500 гг. весь Запад был в зависимости от торговли с Индией. Ожидание громадных прибылей побудило жителей цветущих городов принять деятельное участие в крестовых походах и даже позднее этого знаменательного периода не утратило решающего значения как источник благосостояния для отдельных лиц и целых народов. Взоры Европы были в то время пристальнее обращены на Восток, чем с начала XVI столетия на Запад. Отсюда та вряд ли нам понятная тревога, которая овладевала всеми нациями Запада каждый раз, когда узким воротам в Индийский океан — торговой дороге через Персидский залив и Красное море — грозила опасность сузиться или закрыться.

Борьба за первенство в Индийском океане. Уже в минуту высадки Васко да Гамы в Индии арабы поняли, какая опасность грозит их владычеству, и оказали более Упорное и энергичное сопротивление, чем непривычные к морю индусы. Даже османы, получившие наследство

93

Мамелюков с завоеванием Египта в 1517 г., держались того мнения, что Египет не имеет цены без свободного движения по Индийскому океану; они убедились в этом, правда, только на примере Генуи и Венеции, когда был перерезан жизненный нерв левантской торговли; поэтому попытки турок достигнуть той же свободы движений были менее энергичны, чем следовало желать в интересах средиземноморских государств.

Далеко не сломив господства португальцев, турки даже не в состоянии были прорвать блокаду Красного моря, поддерживаемую португальцами в продолжение десятилетий; это море обратилось в мертвый рукав, тем более что турки наложили свою тяжкую руку на его северный выход.

Политически Индийский океан в XVII, XVIII и большей части XIX в. не был проходным морем. Хотя португальцы вслед за голландцами проникли до Японии, восток Азии был слишком еще замкнут, чтобы там могла возникнуть та колониальная конкуренция европейцев, которая характеризует в настоящее время северо-западную часть Тихого океана.

Эту конкуренцию мы в ту эпоху встречаем на водах Индийского океана; в течение целого столетия португальцы привыкли считать его своим морем в силу папского декрета, имевшего смелость провозгласить «*mare clausum*» и поделить океан между двумя монархиями Пиренейского полуострова, но наступившая после Колумба эпоха смела этот принцип вместе со многими другими; как испанцам не удалось удержать за собой Тихий океан, так и португальцы не могли запереть Индийский для новых колониальных держав, которые, постигнув его значение, почти одновременно надвинулись на него густым роем. Наступает эпоха «*mare liberum*», когда океаны не имеют более повелителей. В колониальной истории между 1600 и 1850 гг. нет области, за исключением Американского средиземного моря, которая оспаривалась бы более упорно, чем побережья и острова Индийского океана. Мало того, что европейцы наперегонки спешили овладеть португальским наследством: с 1660 г.

94

на сцену выступают из Маската и арабы, чтобы вырвать после 80-летней борьбы восточное побережье Африки из рук ненавистных им европейцев.

Всемирно-историческое значение Индийского океана в бесчисленных стадиях этой борьбы выразилось различно: до середины XVIII в. торговые нации стремились с равным усердием, но не одинаковым успехом упрочить за собой место на его берегах и водах; отсюда ряд международных торговых компаний, среди которых мы находим даже представителей Германии в лице Остендской компании; были также попытки основать колоний в бухте Делагоа при Марии Терезии. Этой интернациональности океана был положен конец, когда политическое равновесие было нарушено в пользу Англии, под власть которой он и подпал на все последующее время. Это нарушение было вызвано событием, незначительным по существу, но имевшим решающее значение для всей истории океана и его побережий, а именно — основанием первых английских колоний в Индии. Если мы вспомним, что с 1498 г. до середины XVIII в. вся историческая деятельность европейцев исчерпывалась устройством одних только факторий и не могла способствовать ни экономическому росту колоний, ни достижению ими первенствующего значения, то победу Роберта Клайва при Плассей в 1757 г. следует считать началом новой эры как для Индии, так и для Индийского океана.

Индийский океан как часть Мирового океана. С открытием обоих морских путей в Индию исторический центр тяжести в Индийском океане значительно переместился. Как в Атлантическом океане, в силу его одностороннего протяжения, он переместился на запад, так в Индийском, в связи с путем вокруг Южной Африки, он подвинулся к востоку. В этом лежит начало новой системы линий, которая в наше время близится к завершению, — к более и более очевидному перемещению всемирно-исторического центра тяжести на Тихий океан. О северо-западе Индийского океана, который в продолжение 2½ тысячелетий был носителем его истории, при новых условиях нет

95

более и речи, он стал слишком отдаленным для движения, которое переносится в открытые моря и забывает, какими уголками оно раньше довольствовалось.

Изменившееся значение океанов лучше всего выражается в равномерности роли отдельных океанов в истории человечества, начиная с XVI столетия. В качестве нераздельного целого океан открыт во всех своих частях для морских наций новейшего времени и получает известную окраску только благодаря отсутствию или присутствию известного флага. Индийский океан XVI столетия носит исключительно португальский колорит, как Тихий океан в этот же период чисто испанский; но оба колорита не долго-временны; как последний бледнеет до полного исчезновения под влиянием англичан, голландцев, французов, русских, немцев, японцев и, наконец, североамериканцев, так на Индийском океане вмешательство первых трех наций, к которым позднее присоединились арабы, немцы и итальянцы, вильно способствовало тому, чтобы от португальской окраски остался лишь слабый оттенок. Это явление не настолько видоизменяет дело, чтобы Индийский океан все-таки еще имел право претендовать на историческую индивидуальность. Это право он приобретает, только если принять во внимание его общее историческое развитие в связи с положением его относительно Тихого океана, значение которого справедливо отмечено Ф. Ратцелем.

Одним из поразительных фактов эпохи Великих географических открытий является то, что Индийский океан чувствовал свою зависимость от Тихого океана прежде, чем тогдашний культурный мир узнал о существовании последнего, а узнал он о нем только в 1520-х гг, когда Бальбао спустился с Дариенских высот к морю. Только тогда Европа с изумлением узнала, что новооткрытая земля — не восточный берег Азии и что между прежней целью ее стремлений, Китаем и Сипанго, лежит водная пустыня, размеры которой выяснило только в 1530-х гг.

путешествие Магеллана. Прежде чем испанцы подошли к разрешению этого вопроса с востока, португальцы направились к нему с запада, предпринимая в продол-

96

жение целого столетия путешествия с целью найти морской путь в Индию через мыс Доброй Надежды; но не Индия или иная определенная область была целью их путешествий; как открытия испанцев связаны с поисками драгоценных металлов, так португальские — со стремлением найти родину драгоценных пряностей. С этой точки зрения португальские колонии в Индии и Индокитае и на восточном берегу Африки были не что иное, как ¹ станции на опасной дороге к архипелагу Пряностей.

И после португальцев это стремление на восток, за пределы Индийского океана не ослабло; преемники их, голландцы, англичане, французы и датчане, как мы уже видели, употребили два столетия, следовавшие за падением португальского колониального владычества, на то, чтобы удержать приобретенные ими колонии в Индийском океане, но при этом весь тогдашний культурный мир Европы был поглощен задачей, которая, начинаясь в Индийском океане, переходила к востоку; задача эта была отыскание неведомого южного материка — *terra australis incognita*. Эта химера не исчезла из пределов Атлантического и Индийского океанов и после открытия морского пути вокруг Африки; наоборот, прошло несколько десятилетий, и она возродилась вновь в Индийском океане, приблизительно в тех же широтах, где, по мнению древнего Гиппарха, лежала северная оконечность этой сказочной земли, на Цейлоне. Попытки узнать величину, положение и очертания этого южного материка, свойственные всем трем океанам, на Индийском выразились всего определеннее; они начинают путешествия Абеля Тасмана и оканчиваются знаменитым кругосветным путешествием Кука 1772—1775 гг.; первые помещали эту фантастическую землю в Индийском и Тихом океанах за 45° южной широты; второе покончило с ней навсегда, после того как в продолжение двух тысячелетий она искажала карту земли: теперь можно было говорить о законченной гидрографии земного шара, когда получилось приблизительно верное понятие о распределении суши и воды. Научная постановка этих понятий значительно повлияла и на течение всемирной истории; только с

этих пор

4 Зак. 2640

97

южная часть Индийского океана и Австралийские моря стали служить человечеству, а Новая Голландия пробудилась к исторической жизни. Австралия, открытая для колонизации, вступила на путь, который может доставить этой самой юной части света первенствующую политическую и экономическую роль во всем Южном полушарии.

От начала индо-британского владычества

до прорыва Суэцкого канала

1757—1858 гг.

Начало столетия, открывшегося победой при Плассей, было ознаменовано заключением Парижского мира 10 февраля 1763 г., причем Франция, перед которой Дюпль открыл такой блестящий горизонт в Индии, навсегда отказалась от этой страны, а вместе с тем и от господствующего положения на Индийском океане; в 1770 г. была уничтожена французская Ост-Индская компания. Этим устранялся единственный европейский соперник, и Англия могла подумать о достижении своей цели — сделать Индийский океан британским Средиземным морем, окруженным азиатскими, африканскими и австралийскими колониями Великобританской всемирной монархии. Как бы чудовищно ни казалось такое начало в XVIII в., но через 100 лет после отступления французов оно фактически осуществилось; перед самым открытием Суэцкого канала Англия еще не владела всеми побережьями Индийского океана, но не было никого, кто мог бы оспаривать у нее это право. Историческое значение Индийского океана в это столетие выражается главным образом в том, что к нему стремятся ради него самого; только с открытием доступа в Восточную Азию он все более падает до значения проезжей дороги; собственное его участие в истории отступает на задний план перед вторжениями извне, хотя оно не менее живо, чем в предшествовавшую эпоху, и, связанное с западной частью океана, закончилось основанием занзибарского султаната, этого последнего камня в здании политической и культурной деятельности арабов

98

на Индийском океане; едва достроенное, оно треснуло по всем швам. Океан, бывший прежде отдаленной бухтой с одним только входом у мыса Доброй Надежды, с прорывом Суэцкого канала значительно придвинулся к самым подвижным народам, и место усталых от столетней колонизационной работы романских народов заняли бодрые германцы, сознательно идущие к цели.

Перед натиском британцев и немцев падает оплот мусульманства, воздвигнутый трудами целого тысячелетия при восточном входе в Африку.

Влияние извне вовсе не было так ограничено, хотя имело только две исходные точки, причем одна из них затрагивала всю поверхность океана: это были Индия на севере и Австралия на юго-востоке океана. Если рассматривать взаимное положение обеих стран и положение их относительно Европы, то владение Австралией является непрочным без твердого оплота в Индии, тогда как для безопасности Индии совершенно не требовалось приобретения этой новой колонии. И действительно, приобретение и колонизация Австралии были вызваны причинами, не имеющими ничего общего с индийской политикой. Между прочим, берег Австралии, обращенный к Индийскому океану, только через 40 лет после высадки европейцев в Ботанибей увидел первые попытки колонизации; это объясняется только отчасти ничтожным значением австралийского запада; оно не мешало бы колонизации, если бы политическая необходимость требовала повернуться фронтом к Индийскому океану; тем не менее и с односторонним предпочтением востока Австралия значительно повлияла на индийскую политику Великобритании. Со дня своего пробуждения она представляет географически и исторически одно неразделенное целое, отношения которого к Старому Свету уже в силу внешней причины — расстояния — ближе, чем к культурному миру Америки и Океании. С 1788 г. Австралия принимает деятельное участие в индийской политике Ве-

ликобритании и, действуя всегда заодно с ней, она одним своим протяжением решительно содействует оживлению и энергичному проведению в жизнь английской мировой по-

99

литики в этой части земного шара. С утверждением Англии в Индии ей предначертан был определенный путь для упрочения за собой нового владения: она должна была стремиться заручиться свободным проездом на всем протяжении и овладеть всей поверхностью океана. Такие попытки были сделаны уже раньше португальцами, голландцами и даже французами. Португальцы наложили руку на многие пункты западного побережья Африки от Мадейры и Аргуина на север до Бенгуэлы на юге и имели точки опоры на восточном берегу от Софалы до Мобадишо и Сокотры; более дальновидные, голландцы поместили свои центры обороны на южной оконечности Африки, в Индии, Капландии (1602—1652 гг.) и на Цейлоне (1602—1796 гг.), не забыв при этом острова Маврикия (1598—1710 гг.) и залива Делагоа (1721 г.); Франция же искала прикрытия для своего морского пути в Индию на Мадагаскаре и на соседних островах. Англичане не пошли по этим следам, по крайней мере тотчас вслед за их утверждением в Индии, и остров Св. Елены десятки лет служил им единственной точкой опоры на дальнем пути вокруг Африки. Даже первое занятие Капландии (1795—1802 гг.) ради соперничества с французами не открыло Англии глаз на значение Южной Африки для Индийского океана, иначе она не уступила бы ее Батавской республике. Только агитация таких дальновидных политиков, как Ричард Уэльслей, определенно высказавшегося уже в 1798 г., что невозможно удержать Индию, не владея Капландией, а еще более задуманные и приведенные в исполнение нападения Наполеона на британские колонии навели Англию на эту мысль. Потому в 1806 г., предупреждая намерение Наполеона завладеть Капландией, Англия снова вступила в Южную Африку, и на этот раз окончательно. Этот шаг был решительным для всей дальнейшей судьбы Индийского океана, и с этих пор Англия господствует над верхушкой, основанием и краями океана. Она создала себе не только неприступную точку опоры, но и получила возможность предпочтительно перед всеми другими нациями направлять судьбы Индийского океана. Немало было попыток во все времена пошатнуть первенствующее значение Англии; они

100

начались с египетского похода Наполеона и его плана завоевания Капландии, нашли продолжение в Венском конгрессе 1815 года, когда Англия вынуждена была уступить большую часть французских и голландских колоний, которые она захватила в 1810—1814 гг., и в более слабой степени выразились в постоянном старании Франции сделать Мадагаскар исходной точкой новой индийской политики. Самым успешным из этих предприятий можно считать наполеоновский поход в Египет, который, наверно, достиг бы желанной цели, если бы Франция располагала равными с Англией морскими силами: его неожиданным результатом было то, что он ясно обнаружил англичанам их самую слабую точку на Индийском океане — вход в Красное море и заставил направить всю дальнейшую политику на ее укрепление. Великие события бросают вперед свою тень и в истории морей. Со времени нивелировки Суэцкого перешейка, во время французского похода, план прорытия канала между Средиземным морем и Индийским океаном, а также план полного переворота существующих условий не переставали занимать всех. 300 лет дремавшее в созерцательном покое Красное море проснулось под взорами Европы для новой, хотя и слабо быющей жизни, и результатом было то, что весь океан снова обратил свои взоры к северо-западу. В 1839 г. англичане заняли Аден, бывший уже в древности известным складочным местом при входе в Красное море. Когда помешать прорытию канала стало уже невозможно, Англия утвердилась у самого входа, на Пе-риме, и почти одновременно включила Персидский залив в сферу своего влияния.

Середина XIX — начало XX вв.

Прорытие Суэцкого канала и его последствия. Поход Наполеона доказал Англии как непрочно было ее положение в случае, если бы Франция или иная держава вступила в Египет. Главной целью индийской политики Англии, со времени сражения при пирамидах (21 июля 1798г.) было помешать политическому и промышленному росту Египта-

101

та. Легко было проводить эту политику, пока план Суэцкого канала был в зачатке и Англия одна господствовала над океаном, достигнув этого положения во время революции и Наполеоновских войн. Когда же план канала достаточно созрел и другие державы, тем временем окрепшие, снова обратились к океану, для Англии стало труднее, но, конечно, и важнее продолжать ту же политику. Отсюда справедливые слова лорда Элленборо, что если Англия желает господствовать над миром, она должна одной ногой стоять в Индии, а другой — в Египте.

Генри Джон Темпл, виконт Пальмерстон, с 1855 по 1858 г. английский премьер, поручил конфиденциально передать графу Фердинанду де Лессепсу, что если английским войскам предоставят занять Суэц и охранять движение по каналу, то он от лица правительства будет всячески содействовать этому предприятию.

14 июля 1882 г. синие мундиры Ее Величества Королевы Великобритании заняли разгромленную Александрию. Великая задача была решена: путь к Индийскому и Тихому океанам перешел в руки англичан, но одновременно с занятием древней столицы фараонов Англии представилась новая задача: поставить на страже Индийского океана Африку, которая от Капской земли до Нила была бы британским владением. Противодействие Англии прорытию канала становится понятным, если припомнить ее историческое положение в первые 50 или 60 лет XIX столетия и географические условия рассматриваемой области. Целью Англии, указанной Пальмерстоном Лессепсу, было удержать монополию мировой торговли и одной господствовать над всеми морями; основанием ее и исходной точкой был Индийский океан, который в то время был фактически английским морем. Хотя Англия сознавала, что

с прорытием Суэца сокращение морского пути в Индию принесет огромные выгоды, зато, с другой стороны, она не могла не видеть факта, что свободный доступ из Атлантического океана привлечет в громадных размерах и чужую конкуренцию. На дальнем пути вокруг Африки с ней не приходилось считаться, но на новой дороге, которая придвинула Даль-

1-02

ний Восток к порогу всей Европы, был повод сильно ее опасаться. Отсюда упорное, 10 лет продолжавшееся и прибегавшее ко всем Мерам¹ противодействие Англии осуществлению плана прорытия канала. Когда она наконец уступила, у нее было достаточно веры в свою политическую силу, чтобы считать свои интересы обеспеченными даже и при изменившихся обстоятельствах. Она не обманулась, но в расчеты ее вкралась ошибка: она упустила из виду то обстоятельство, что в новейшее время экономические и политические интересы являются тесно связанными между собой; в Индийском океане классическим примером этой связи может служить Германия и Италия, которые с 1884 г. от экономической деятельности перешли к политике основания колоний на западном побережье океана, до тех пор почти заброшенном. Открытие нового водного пути влечет за собой целый ряд новых явлений для человечества вообще, а для Индийского океана и Средиземного моря в особенности; это последнее не только обратилось в одну из самых оживленных дорог, но и медленно пробудилось к новой самостоятельной жизни, которая побудила даже итальянцев к колонизации. Еще грандиознее были последствия открытия движения по каналу для Индийского океана и для всемирной торговли. Немногие узлы и линии морских сношений, расходящиеся от Капштадта на север и северо-восток, сузились до отдельных линий парусных судов, но из этих немногих линий на новой дороге скоро выросла густая сеть путей, расходящихся в Адене и соединяющихся в Порт-Саиде. При этом как отдельные пароходные линии, так и целые ряды их, за исключением позднее открытых путей к Мадагаскару и Австралии, точно совпадают с путями кораблей в давно минувшие века, и Индийский океан в новейшее время снова стал преддверием своего великого соседа. Служа посредником громадного движения из Тихого океана в Европу, Индийский океан располагает вместе с тем и богатым историческим достоянием.

Конечно, издавна поселившиеся здесь народы не проявляют более исторической деятельности с тех пор, как занзибарский султан и царство Гова вычеркнуты из списка

ДРЗ

государств, но зато немцы, французы, англичане и итальянцы так твердо осели на берегах и на водах его, что можно говорить о натурализации здесь европейцев и считать их деятельность его историческим достоянием.

Обеспечение британского господства в Индийском океане при помощи Ннло'Капландской политики. Англия стремится вознаградить себя за понесенные потери и в 1866 г. приобретает колонии в Восточной Африке, как раз на полпути между Капландией и Египтом; мысль соединить эти три части является сама собой, тем более что на южном берегу Аденского залива, на Замбези, Ньяссе и Занзибарском архипелаге Англии представлялась возможность одновременно расширить свои владения. Грандиозная идея сделать все побережье Восточной Африки от Нила до Кап-ландии британским владением не кажется слишком смелой; она зародилась в Англии и близка к осуществлению; она одна побудила правителей Египта нанести окончательный удар по махдизму при Омдурмане 2 сентября 1898 г. Ради этой идеи англичане пожертвовали государством Ма-табеле и раздвинули свои границы далеко на север от Замбези; с этой же целью они строят в Африке целую сеть железных дорог, которая не только доказывает их экономическую дальновидность, но и своими северными разветвлениями по Нилу и в Уганде делает Англию независимой со стороны Красного моря и Аравийского залива в случае блокады их неприятельской державой. Она же, наряду с другими причинами, привела к подчинению буров; хотя буры были более африканцы, чем сами негры, так как не стремились никогда проникнуть к морю, и не могли мешать Англии как морской державе, тем не менее пока существовали обе бурские республики, Англия не могла царить беспрепятственно над Индийским океаном.

Северная и северо-восточная часть Индийского океана. Во

второй половине позапрошлого столетия Азия, насильно выведенная из долгой замкнутости, открылась для деятельности европейцев, и с тех пор значение северной и северо-

104

восточной части Индийского океана как пути на восток все растет. Англия и здесь одержала победу: уже на заре этой зарождающейся эпохи (1824 г.) она наложила руку на Ма-лакский пролив с Сингапуром, Малаккой и Пулопинан-гом. С тех пор Индийский океан в вопросах современной мировой торговли получил и здесь английский отпечаток, несмотря на обширные голландские владения.

В последнем акте его роли, скрытом пока в недрах будущего, мы столкнемся с народом, который часто встречали на Тихом океане, но вряд ли могли ожидать встретить здесь, с русскими. Тем не менее стремление русских к Индийскому океану тесно связано с появлением их у Тихого океана. Если Россия хочет удержать свои азиатские владения и не заглохнуть на их безграничном пространстве, она должна стремиться к ближайшему морю. Ее восточноази-атский берег во всех отношениях неудовлетворителен и слишком отдален. Отсюда ее стремление в продолжение десятилетий к югу, к Месопотамии и Персидскому заливу. В наше время оно приняло осязательную форму в вопросе о проведении железных дорог в Передней Азии и устройстве русского порта на Персидском заливе.

Этим создается для Англии положение более затруднительное, чем где бы то ни было на Индийском океане: в Индонезии власть голландцев раздроблена на тысячи островов и островков, в Восточной Африке английские колонии тесно сомкнулись вокруг португальских, немецких и итальянских владений; здесь же

она, с одной стороны, прижата к морю, а с другой — имеет противника, неповоротливая громада которого медленно, но с неодолимой силой пробивается к югу.

ПРОШЕДШЕЕ И БУДУЩЕЕ

Со времени появления первых мореплавателей на водах Индийского океана и до начала XX в. мы видим его в роли посредника в антропологической, торговой, религиозной и в особенности культурной области.

105

Наиболее ярким выражением этой роли является создание индс-африканского культурного мира, охватывавшего весь северо-запад океана и имеющего самого сильного носителя в лице ислама.

Именно теперь он мог бы завоевать первенствующее положение своему культурному миру, положение, утраченное при 400-летнем натиске белой расы. Во главе этой борьбы могли бы стать индусы в силу их численности, если бы они захотели променять бездеятельное прозябание на более живую религию.

Таковой могло бы быть и христианство, но ислам и теперь уже имеет над ним численный перевес: наряду с двумя миллионами христиан в одной Индии 57 миллионов магометан; вообще в пределах Индийского океана. Для христианства, по-видимому, нет будущего; ни на юге Азии, ни в Африке оно не имеет успеха, тогда как учение пророка быстро распространилось в обеих частях света. Пока Индия находится под властью англичан, она никогда самостоятельно не двинется к морю; для этого влияние европейцев на неподвижную массу индусов в их тропической родине слишком ничтожно.

Такого движения можно скорее ожидать от двух других английских колоний в Индийском океане.

Австралия в настоящее время образовала союз под главенством Англии, который теперь уже в самом начале обнаруживает живое стремление расшириться. Пока эти попытки ограничиваются исключительно Меланезией и Полинезией, но что может помешать впоследствии соединенным штатам Новой Зеландии обратить свои взоры на Голландский архипелаг? Для Южной Африки, которая стоит на том же Пути, является естественной необходимостью обратить фронт к Индийскому океану, так как ни в водах Антарктики, ни на Атлантическом океане для нее нет точек опоры. Положение Англии от этого только улучшится.

Со времени успешного начала ее африканской политики она стала сильнее и территория ее обширнее, чем когда-либо. Тем не менее вряд ли Индийский океан станет снова британским закрытым морем. Для этого в настоящее время

106

слишком много сильных морских держав и слишком много выходов в океан. Один из них, вход через Красное море, приобретает с каждым десятилетием все большее значение благодаря важности Юго-Восточной и Восточной Азии в глазах европейцев и североамериканцев, а также замене парусных судов пароходами.

Является ли этот переворот, совпадающий с прорытием Суэца, его прямым последствием, остается вопросом: достоверно то, что прорытие канала способствовало ему. Этим доказывается значение Индийского океана в такой области, которая в будущем окажется еще важнее для всемирной истории, чем она есть в настоящую эпоху.

Наоборот, в антропологической области будущее Индийского океана обещает немного: для смешения рас в таких значительных размерах, каких мы можем ожидать на Тихом океане, здесь нет места: обреченные на вымирание австралийцы исчезают, индусы же и африканцы от Сомали до Замбези живут слишком густой массой, чтобы проникновение чужой крови могло вызвать заметные изменения расы. Остается узкая полоса Экваториальной Африки на востоке и Южная Африка как области тесного смешения рас.

Первая не имеет будущего, так как при новых условиях арабская иммиграция уменьшается, суахили же безнадёжно обращаются в негров.

Будущее Южной Африки обещает больше для антропологии; в ней на узком пространстве теснятся целый ряд разнообразных составных частей: кафры и более светложкие готтентоты и бушмены, голландские буры и англосаксы, малайцы и индусы. Последует ли когда-нибудь смешение всех этих элементов — остается вопросом, но в метисах ему уже положено начало.

Индонезия

ЭТНОГРАФИЧЕСКИЙ ОБЗОР

ПОД ИМЕНЕМ Индонезии мы понимаем ту обширнейшую группу островов земного шара, которая лежит к юго-востоку от Азии и составляет переход, с одной стороны, к материке Новой Голландии, с другой — к архипелагам Меланезии и далее к островному миру Океании. Среди бесчисленного множества островов этой группы находятся величайшие острова — исполины земного шара — с высокими горами и судоходными реками, наряду с более мелкими и мельчайшими обломками суши, которые едва в состоянии давать пропитание скудному населению; рядом с областями высшего тропического изобилия и плодородия, по мере удаления на восток, мы встречаем уже первые следы австралийской сухости и пустынности. Об общем названии для всех этих островов и архипелагов долгое время и речи не было, и менее всего среди самих туземцев, которые часто имели очень слабое представление даже о более крупных островах как о самостоятельных территориях и не обозначали их особыми названиями; составить же себе понятие о резком различии между большими массивными материками и своими собственными островными местообитаниями, богато изрезанными морем, они, при своем узком кругозоре, совершенно не были в

состоянии и не могли поэтому давать им общих названий.

Только географам Европы, взорам которых открыта картина всего земного шара, было суждено выделить прежде всего две большие группы островов, Зондские

108

и Филиппинские, и удалось в конце концов, и то лишь в новейшее время, противопоставить их, не без споров, конечно, Японскому и Меланезийскому архипелагу под именем Индонезии (реже Островная Индия — Insulinde, название, введенное со времени появления «Max Havelaar» Эд. Деккерса, т. е. с 1860 г.).

Следует заметить, что при этом делении были приняты в соображение и данные народоведения. Индонезия населена той своеобразной, желто-бурой человеческой расой с прямыми волосами, которую мы называем малайской и которая уже давно признана особой разновидностью человеческого рода.

В нашем труде, посвященном истории человечества, мы должны тем более подчеркнуть этнографическую точку зрения и, в виду этого, присоединить к Индонезии область, которая в географическом отношении принадлежит совершенно другой части света, Мадагаскар, большой остров, который как бы случайно присоединился с востока к строго очерченному, неизрезанному матерiku Африки и всем своим строением мало соответствует характеру африканского ландшафта. Этот контраст проявляется не только в геологическом строении и в царствах растительном и животном; резче всего выступает контраст этнический: в этом отношении Мадагаскар с гораздо большим правом может считаться частью Индонезии, чем Африки.

Индийские острова всей своей массой расположены в области тропиков, а большая часть их, сверх того, в тропической сырой низменности. Плоскогорья, являющиеся для культуры тропических стран фактором величайшей важности, как это доказывает в особенности древняя история Америки, встречаются в более или менее значительном количестве лишь на Суматре; горные же кряжи и мощные вулканические конусы попадаются нередко и на других островах. Если вспомнить теорию Оскара Пешеля, по которой древнейшие культурные страны лежали ближе к тропикам, чем современные, что главные пояса культуры, таким образом, постепенно пе-

109

редвигались по направлению к более холодным странам, то можно, по крайней мере, предположить, что такая благоприятно расположенная область, как Индонезия, не всегда играла такую ничтожную роль в истории человечества, как в настоящее время. Не следует, однако, думать, что то была исконная, достигшая высокого развития культура; это была, напротив, культура, которая относительно рано развернулась, но потом остановилась в своем развитии и была далеко опережена другими культурами. Даяк внутреннего Борнео, например, конечно, не может быть признан стоящим на высокой ступени развития, но в сравнении с охотниками на северного оленя времен европейского ледникового периода он все же оказался бы гораздо выше. Что уже во времена отдаленные на Малайском архипелаге действительно развилась относительно довольно высокая культура, подтверждается всем этническим развитием этой области и тем влиянием, ко"торое она некогда оказывала на обширные пространства земного шара.

Несмотря на то что по своему географическому положению Индонезия является соединительным звеном между Азией и Австралией, в смысле этническом она занимает окраинное положение. Правда, отсюда культура могла рассылать свои лучи почти во все стороны, но новые толчки к развитию она получила почти исключительно с севера и запада, т. е. из Азии и позднее из Европы, но едва ли из Австралии и Полинезии, а тем менее из Африки. Эти отношения находят себе верное отражение в древних перемещениях народов на Малайском архипелаге.

Эти невыгодные условия географического положения Малайских островов почти уравнивались необычайно благоприятным их положением в смысле сообщения с другими народами, положением, не имеющим подобного себе на всем земном шаре. Обе величайшие культурные области земли, европейско-индийская, с одной стороны, и восточно-азиатская — с другой, могли вступать в оживленные взаимные сношения, лишь огибая юго-восточный угол Азии, так как пустыни Монголии пред-

110

ставляли трудно преодолимую преграду. Здесь, на юго-востоке, где архипелаги Индонезии своими гаванями и природными богатствами привлекали к себе измученных долгим путешествием мореплавателей, естественным образом должны были возникнуть торговые сношения и должно было быть положено основание цветущим торговым центрам. А раз возникнув, торговые сношения уже никогда не прекращались вполне: менялись только народы, которые их поддерживали. Нынешняя культура Индонезии и возникла под влиянием этих постоянных торговых сношений; древнейшие же формы, которые так важны для истории человечества, нигде не сохранились в чистоте. Было бы ошибочно думать, что дикие лесные племена Борнео или Минданао являются типичными преемниками древнейшей культуры Индонезии; наоборот, можно с уверенностью сказать, что смелые моряки, направлявшие свои корабли вплоть до островов Св. Троицы и Мадагаскара, были люди совсем другого типа, чем жалкие обитатели сырых первобытных лесов.

ИСТОРИЯ

Сделать краткий очерк истории Индонезии нелегко уже потому, что относительно самого способа ее изложения могут возникнуть вполне основательные сомнения: во-первых^мы имеем здесь дело с островной, крайне расчлененной областью; во-вторых, значительная, если не большая часть исторических событий вызывалась здесь и определялась внешними влияниями. Соответственно островной природе Индонезии и

история ее распадается на описание бесчисленных местных историй развития, из которых, по крайней мере, наиболее важные приходится исследовать отдельно; но, с другой стороны, весь этот островной мир постоянно подвергается новым вторжениям переселенцев и новым культурным влияниям, которые уничтожают действие естественной изолированности отдельных островных групп, внося единство во всю

111

эту область. Но все же это единство только кажущееся. Хотя на побережье более крупных островов водворяются новые пришельцы и в портовых городах насаждаются новые культуры, племена внутренности страны твердо выдерживают этот напор и упорно сохраняют свои особенности. Этому благоприятствует отчасти гористая природа их родины, отчасти лихорадки, свирепствующие в лесах их низменностей, где они находят себе убежище.

Доисторический период

С тех пор как выяснилось, что человек уаЪ начале делювия населял землю, и с тех пор как сталрЛвивать-ся решительные голоса даже в пользу того,; чЩ пфрвое появление человека относится к третичному шериоду, стало невозможным делать чисто детские МвюЧения о первобытном состоянии человечества на офмшнци современных условий его существования на земле искать древнейшие его местообитания в какой-нибудь ныне существующих областей. И менее всего можнЛрешить-ся на подобные поспешные заключения, коглд тчЪ идет о такой стране, как Индонезия, "которая, как извеЖно, подвергалась самым страшным переворотам и сотгшсениям и вся изрыта и растерзана вулканической дея^Едностью. Далее, большую сенсацию в ученом мире вызвали найденные Э. Дюбуа в 1891—1892 гг. на острове Яве, близ Триниля, несколько костных остатков, которые О. Ч. Марш приписывает промежуточному существу между человеком и антропоморфными обезьянами и которые послужили поводом к тому, чтобы усматривать в Индонезии ту именно область, где человек впервые из формы более низкой развился в ту своеобразную форму, какой он является ныне. Как бы ни решали этот вопрос, одно ясно, что исследование доисторического прошлого является в настоящее время преждевременным; во всяком случае приходится отказаться от того взгляда, по которому родину всех народов Индонезии, без дальних рассуждений, необходимо искать на Азиатском материке

112

и на этом базисе воздвигать произвольное здание истории Индонезии. Да и лингвистические данные говорят против этого взгляда: в Юго-Восточной Азии распространены моносиллабические языки, на островах, напротив, полисиллабические, — различие самого кардинального свойства.

Разделение пародов Индонезии¹

На Малайском архипелаге представлены две главных расы, которые весьма резко отличаются друг от друга как по численности, так и по своему распределению, и во взаимных отношениях которых безусловно выступает действие древних исторических событий: это желто-бурые прямоволосые малайцы (в более широком смысле) и темнокожие негритосы, обязанные своим названием сходству с неграми. Так как характер современного распределения негров на островах указывает на процесс отступления, то всегда есть основание думать, что они являются по отношению к малайцам более древними обитателями этого архипелага или, по крайней мере, некоторых его частей.

Негроиды Индонезии составляют звено той цепи экваториальных темноцветных народов, которые занимают большую часть Африки, Южную Индию, Меланезию и Новую Голландию и почти повсеместно отступают перед светлокжими народами. Этот процесс отступления, несомненно, начался не в новейшее время и дает право заключить, что территория этих темнокожих первобытных народов была некогда обширнее, чем ныне. Вопрос о том, вправе ли мы считать этих представителей негроидной расы состоящими в близком родстве между собой или же существует несколько в значительной степени самостоятельных ветвей темнокожей человеческой разновидности, остается открытым. Одно, во всяком случае, несомненно: негроиды Малайского архипелага как

¹ Начало XX в. — *Прим. ред.*

ИЗ

по своему географическому положению, так и по своему физическому сложению стоят ближе всего к папуасам, живущим на Новой Гвинее и на островах Меланезии, следовательно, некогда папуасы были распространены дальше на запад и были вынуждены отступить в борьбе с малайской расой. По мнению Альфреда Грандидье, даже темнокожие обитатели Мадагаскара находятся в близком родстве с меланезийцами.

Негритосы ни в коем случае не могут считаться чистыми папуасами; они не только часто до такой степени смешались с малайскими племенами, что потеряли почти все свои особенности, но многие признаки указывают также на то, что среди них произошло сильное смешение и с малорослыми племенами, отношение которых к папуасам приблизительно такое же, как отношение африканских карликовых народов к настоящим неграм. С другими темнокожими эти карликовые племена ни в коем случае не могут быть поставлены в одну линию. Племена, родственные этой малорослой расе, смешавшейся с неграми или образовавшей, быть может, их ядро, находятся на полуострове Малакке, в особенности в северной его части, далее на Андаманских островах и на Цейлоне; судя по этому, надо полагать, что представители этой карликовой расы жили некогда на всех более крупных островах Зондского архипелага, равно как и в Вос-

точной Азии.

Во всяком случае факт тот, что на некоторых восточных островах Малайского архипелага, в особенности на Филиппинских островах, и по настоящее время живут темнокожие племена, хотя вследствие многократных смешений и незначительной численности этих народцев их существование часто подвергалось сомнению. Карл Земпер описывает негроидов, или антов, с Филиппинских островов как породу малорослых людей с темным, медно-коричневым цветом кожи, приплюснутым носом и шерстистыми темно-бурыми волосами; следовательно, там, где они сохранились до известной степени в чистом виде, они представляют характерную разновидность людей, резко отличающихся

114

от представителей малайской расы. На собственно Зондских островах чистые негры, по-видимому, едва ли встречаются. Но на востоке — на Тиморе, Флоресе, на Молуккских островах и Сулавеси (Целебесе) — встречаются более или менее явные следы примеси темнокожей расы к малайскому населению, следы ее, по-видимому, находятся даже на Яве. Там, где негры резко отличаются от остального населения, на Филиппинских островах в особенности, они живут, по большей части, в малодоступных внутренних частях островов, далеко от более густо заселенных морских побережий и чуждые господствующей там культуре. Эти факты указывают на имевшее место отступление и оттеснение негроидов; но сказать что-нибудь более определенное по этому вопросу пока трудно.

Существование папуасского типа, который часто достаточно явственно наблюдается рядом с малорослой расой, объясняется, надо думать, переселениями из Меланезии, которые происходили еще и в новейшее время. Отважные мореплаватели и разбойники, папуасы западной части Новой Гвинеи проникли до побережья восточной части Зондских островов и основали там поселения, но возможно, что они очутились здесь также в качестве невольных колонистов, побежденных и привезенных малайцами во время их карательных набегов. Вообще отношение папуасской культуры к малайской в высшей степени интересно, исследование его весьма желательно и чрезвычайно ценно для истории обеих рас? Папуасы не всегда являлись по отношению к малайцам только стороной заимствующей и внесли в свою очередь в общее достояние кое-какие, хотя и очень скромные, самостоятельные культурные приобретения.

Переселения малайцев

Если папуасу и присуща известная страсть к переселениям, приведшая к довольно значительным передвижениям народов, то эти передвижения остаются совершенно в тени по сравнению с переселениями малайского племени, несомненно, самыми грандиозными, какие зна-

115

ла когда-либо древнейшая история человечества, вдвойне грандиозными потому, что они происходили не на суше, а морским путем, и таким образом связывали между собой четыре части света.

Так как название «малайцы» употреблялось то в более тесном, то в более широком смысле слова, то оно послужило поводом ко многим недоразумениям и бесполезным спорам. Началом этой путаницы послужило то обстоятельство, что по имени того народа, который в эпоху европейских морских открытий наиболее проявлял себя в военных и торговых делах, назвали всю группу народов, в которую он входил лишь как составная, хотя и характерная часть. Но эта группа народов, общепринятое название которой нелегко будет заменить другим, представляет вполне отличную от ее соседей ветвь человеческого рода, удивительно приспособленную к своему местообитанию и единство которой проявляется также в близком родстве языков. Все же мы должны допустить, что она первоначально образовалась из слияния различных первобытных рас. По-видимому, в Индонезии, как и в Северной Азии, первоначально была распространена раса длинноголовых, с которой впоследствии, но уже давно смешались переселившиеся сюда народы короткоголовые; первых предложили называть индонезийцами (протомалайцами), вторых собственно малайцами, так как и в настоящее время еще можно проследить остатки этих различий. Так, например, племя тенгтере на Яве, по мнению Кольбругге (J. H. F. Kohlbrugge), является чистым представителем индонезийской расы.

Где искать первоначальную родину обеих составных частей малайской расы — вопрос праздный, если принять во внимание тот бесспорный факт, что коренное ядро малайского племени сплошной своей массой в настоящее время, да и в древности, населяло островной мир Индонезии, между тем как на материке Азии попадались лишь незначительные сравнительно дробные части этого племени, да и то главным образом в виде смешанных народов из малайских и монгольских

116

элементов. В этом смысле Индонезия является колыбелью малайской расы как отдельной, своеобразной группы человечества. Из Индонезии исходили те удивительные потоки переселений, которые нам предстоит еще рассмотреть. Правда, внутри малайского островного мира отдельные более крупные острова в свою очередь оказывали на население свое обособляющее, одностороннее влияние и тем создали столь своеобразные племена, каковы баттаки на Суматре, даяки на Борнео и тагалы на Филиппинах, но это не должно затемнить в нас сознания того, что в общем и в целом то, что мы называем малайской расой, понятие достаточно определенное. Позднейшая примесь индийской и китайской крови, которая в настоящее время столь заметна, к древнейшему периоду не имеет никакого отношения.

Культура древнейшего периода переселений. С первого взгляда казалось бы нетрудным восстановить культуру тех этнических элементов, которые расселились из Индонезии во все стороны: в числе потомков

этих переселенцев встречается немало племен, в особенности в Океании, которые впоследствии почти не имели случая усвоить новые культурные приобретения и которые должны были, следовательно, так или иначе сохранить свое первобытное состояние. С другой стороны, путем простого сравнения и обозрения культурного достояния, общего различным разветвлениям первичного ядра малайцев, и теперь еще, казалось бы, возможно восстановить первоначальные черты, общие древнемалайской культуре.

Но в действительности это далеко не так просто. Уже не говоря о том, что даже в самых изолированных местностях возможны изменения и дальнейшее развитие, приходится считаться прежде всего с культурными потерями, которые почти неизбежны при далеких переселениях. Полинезия является именно такой областью, заселение которой едва ли мыслимо без подобных культурных по-

У7'

терь, так как здесь отсутствуют сырые продукты для многих отраслей материальной культуры. Если мы по мере передвижения к Океании переступаем через предел распространения целого ряда навыков и культурных приобретений, если на восточных островах Индонезии кончается культура железа, на низменных островах Микронезии — знание ткацкого искусства и распространение восточноазиатского или европейского бисера, на островах Фиджи — гончарное искусство, то причина этих явлений далеко не ясна. Возможно, конечно, что жители Полинезии выселились из своей старой родины еще в то время, когда кузнечное, ткацкое и гончарное искусства были еще там неизвестны; но почти еще вероятнее, что, по меньшей мере, часть культурного достояния мелких коралловых островов Тихого океана просто утерялась и была забыта или сохранила лишь следы своего существования в языке, как на островах Фиджи (по W. Pleyte), знакомство с железом. Но и в первом случае остается еще открытым вопрос, проникли ли те или другие отрасли техники вместе с переселявшимися племенами вплоть до нынешних пределов их распространения, или же мы должны допустить здесь постепенное просачивание культуры от племени к племени, что возможно и без переселений в крупном масштабе и что могло продолжаться вплоть до наших дней.

Самым ценным источником, могущим пролить свет на древнейшие времена, является язык; к сожалению, существует еще очень мало исследований, которые могли бы быть непосредственно применены к истории. Одно можно было бы считать твердо установленным, что следы индийских и китайских языков так же трудно проследить в полинезийских диалектах, как и в мадагаскарских. Из этого ясно, по крайней мере, то, что великие переселения произошли до начала нашего летосчисления.

Что Индонезия в древние времена обладала своеобразной, не очень зависимой от внешних влияний культурой, доказывается прежде всего богатством туземными культурными растениями, которыми обладало местное

118

население уже в период переселений. Если даже допустить, что идея возделывания растений и была заимствована извне, то в Индонезии она все же получила, несомненно, самостоятельное дальнейшее развитие. Рис, это важнейшее питательное растение Индии и Южного Китая, ни в коем случае не является древним достоянием индонезийской культуры, зато она знает таро (*Arum esculentum*), диоскорею (*Dioscorea*) и сезам. Из культивируемых деревьев нужно назвать хлебное дерево (*Artocarpus incisa*) и, быть может, кокосовую пальму, которая по крайней мере в малайско-полинезийской области пользуется наибольшим распространением. Из домашних животных знали, по-видимому, лишь собаку, возможно также свинью, но не знали ни рогатого скота, ни лошадей. И это обстоятельство не лишено значения. Выше было указано на то, что земледелие Старого Света должно было быть древнее скотоводства, которое уже в его развитой форме было перенесено впервые арийцами в Индию. Таким образом, в то время как земледелие должно было в древности проникнуть в Индонезию с материка, скотоводство не успело еще в начале периода переселений проникнуть этим же путем на острова. Это хотя и не может служить хронологическим показанием, но является лишь подтверждением того взгляда, что период переселений относится ко временам сравнительно весьма отдаленным.

Принимая во внимание, что и в Полинезии переселенцы сохранились отважными моряками и остались обитателями морских побережий, лишь очень слабо проникая во внутренние части островов, приходится заключить, что главная масса первоначальных потоков были типичными представителями приморских племен. Возможно, что остров Ява, который представлял благодаря своему плодородию благоприятные условия для размножения населения и который, судя по находимым на нем доисторическим полированным каменным орудиям, уже во времена очень ранние стал средоточием известной культуры, был важнейшим исходным пунктом переселенческих по-

Н9

ходов, которые опять-таки распадались на многие, теперь едва отличимые разветвления. В общем здесь речь идет не о дальних переселениях, но о передвижениях от острова к острову, причем переселенцы довольствовались, вероятно, тем, что занимали сначала часть морского побережья, а потом, на обычных началах — выжигание под поля первобытных лесов, рыболовство и разбойничьи набеги — создавали новые основы существования. Относительно высокого развития должно было достигнуть кораблестроение и судоходство, чему содействовало изобретение, двойной лодки с аутлигером: это давало судам возможность плавать при всякой погоде и пересекать далекие моря. И до сих пор еще лодки полинезийцев и примыкающих к ним в этом отношении меланезийцев считаются лучшими из всех, которые были

изобретены первобытными народами; на Малайском же архипелаге подражание чужим образцам изменило и вытеснило старые приемы судостроения. Парус, был, по-видимому, знаком древним обитателям Индонезии; более чем вероятно также то, что они умели направлять свой путь по звездам и по концентрическим волнениям моря, а также развили некоторые зачатки морской картографии. Общественный строй древних времен, несомненно, способствовал развитию духа предприимчивости: ни у какой другой группы народов земного шара мы не находим такого сильного развития союзов мужской молодежи в семейном и родовом быту, как среди малайско-полинезийцев, где они сохранились и до настоящего времени. Повсюду молодые люди, которые живут здесь сообща и спят в отдельном доме для молодежи, организованы в военные дружины, которым часто фактически принадлежит предводительство на войне и которые, во всяком случае, совершенно иначе относятся к рискованным предприятиям, нежели люди семейные, обремененные заботой о женах и детях. Благодаря этому в населении развился воинственный дух, который считает военные столкновения и хищнические набеги чем-то совершенно естественным и, самым характерным проявлением которого явля-

120

ется присущий всему малайско-полинезийскому племени обычай охоты на черепа. Развившись из обычая выставлять в мужских общественных домах черепа предков как святыни, он превратился в ужасающую страсть к собиранию черепов, которая служит поводом к постоянным войнам и держит население в вечной тревоге. Таким образом, в Индонезии сохранились до настоящего времени следы по крайней мере тех условий, которые объясняют нам в достаточной степени возникновение отважных разбойничьих и морских племен.

Древнейшие периоды переселений. Здесь мы имеем дело с такими отдаленными временами, что о каком-либо более или менее точном хронологическом определении различных периодов переселений и речи быть не может. Мы можем поэтому лишь вкратце обрисовать их, несколько не претендуя, конечно, на хронологическую последовательность нашей схемы этих периодов.

Один из первых потоков переселения направился из Индонезии на север. Очевидно, разумеется, что Филиппинские острова заселились малайскими племенами позже, нежели Большие Зондские острова, эта истинная родина настоящих малайцев; а от Филиппин для таких искусных в мореплавании племен один только шаг к Формозе, где и поныне еще живут племена несомненно малайского происхождения. Но вряд ли движение ограничилось этим.

На материке Южного Китая нет недостатка в следах, указывающих на иммиграцию малайцев.

Своеобразный тип японцев лучше всего объясняется также примесью малайской крови; не невероятно даже и то, что возникновением своего государственного строя, начавшегося на юге, Япония обязана малайцам, которые прежде всего утвердились на южных островах и смешались как с прежними обитателями, так и с переселенцами из Кореи. Так как образование государства в Японии совершилось в 660 г. до н. э., то это переселение должно было произойти еще раньше. Впрочем, за первым переселением

121

на север последовало второе, которое достигло по меньшей мере Филиппин, а быть может, пошло еще дальше.

Второй великий переселенческий поток направился на восток. На островах Меланезии, издавна занятых темнокожей расой, возникли многочисленные малайские колонии, которые оказали глубокое влияние на меланезийцев, но частью мало-помалу растворились среди них. И надо полагать, что и материк Австралии не остался чужд вторжению малайских элементов. Более свободный путь малайская страсть к переселениям нашла в бесконечных архипелагах Тихого океана; веские данные говорят за то, что отдельные переселенцы доходили даже вплоть до северо-западного побережья Америки. Как совершались эти путешествия и какой период времени они охватывали, нам неизвестно; только новозеландские предания передают нам в полусказочной форме, как первые переселенцы с островов Гавайи и Раротонга предприняли -со своими семьями и богами полное опасное путешествие на свою новую родину на огромных двойных лодках. Третья народная волна из Индонезии, этой страны вулканических переворотов и перемещений народов, пересекла Индийский океан и перенесла на запад, на Мадагаскар, первые ростки малайского племени. Возможно, что малайцы достигли при этом и африканского побережья, а быть может, и основали здесь прочные поселения.

Таким образом, по меньшей мере за тысячу лет до нашего времени малайцы распространились от берегов Америки до материка Африки на протяжении, равном почти двум третям земной окружности. От материков малайско-полинезиец держался далеко; океаны, изобилующие островами, являются достоянием его расы, не имеющей себе равной в господстве над морем, если не считать в наши дни арийскую группу народов в Европе.

Переселение малайцев. Если о древних переселениях мы знаем не больше того, что мы можем почерпнуть из сравнительного языкознания и народоведения, то ближе

к нам стоит другое движение народов, также принадлежащих к малайской расе; движение, которое хотя едва переступило границы Индонезии, все же служит хорошей иллюстрацией древнейших переселений.

Название малайцев первоначально принадлежало не всей расе, но лишь определенному племени Малайского архипелага. Этот-то народ своими переселениями в новейшее время повторил, в малых размерах древние передвижения и тем выказал себя достойным дать всей этой подвижной группе народов

свое имя. Вероятно, впрочем, что даже не все племя, о котором здесь идет речь, носило название малайцев, но лишь та часть его, которая играла наиболее выдающуюся роль.

Первоначальные местообитания этого народа лежали на острове Суматра в территории Менамба. Уже Птолемей обозначает Суматру названием Malayu, а в 1150 г. арабский географ Эдризид упоминает об острове Малай, который вел оживленную торговлю пряностями. По-видимому, индийская культура имела некоторое влияние на Менамбу: по преданиям самих малайцев, их государь Шри Тури Йумана, который перевел часть народа через море на полуостров Малакку и сделал в 1160 г. Сингапур центром своего владычества, был индийского или яванского происхождения (по преданию, он вел свой род от Александра Великого). Новое государство возбудило будто бы зависть одного могущественного яванского государства, как полагают, Мадиопата, а Сингапур был завоеван в 1252 г. яванцами, и после этого на материке была основана новая столица, Малакка. В 1276 г. тогдашний властитель принял будто бы вместе со всем своим народом ислам. Малайцы, заставшие на полуострове лишь малорослые робкие лесные племена, с течением времени настолько размножились, что поселение новых колоний стало необходимостью, и по всем побережьям Западной Индонезии появились малайские торговцы и поселенцы. К концу XIII в. государство Малакка стало гораздо могущественнее прежнего Менамбу: оно стало политическим и этническим центром малайцев; этим объясняется происхождение того мнения, что природные остро-

123

житыне, малайцы, будто бы расселились по островам с материка Азии. Малайские переселенцы выступили отчасти как основатели государств, и прежде всего на остров Борнео, где Бруней на севере было настоящим малайским государством; другие государства образовались на западном побережье. Везде малайцы смешались с туземцами и сделали свой язык общим для всех Зондских островов.

Буги острова Сулавеси (Целебеса) также распространились далеко за пределы своей родины. Как ни ничтожны эти новейшие события по сравнению с событиями древних времен, они все же учат нас понимать прошлое малайско-полинезийцев и объясняют возможность обширных переселений, совершенных этими народами.

Внешние вторжения

Еще сильнее, чем переселения, сказались внешние влияния, которым эти острова постоянно подвергались вследствие своего благоприятного положения на пути международных сношений. Азиатские народы уже издавна открыли Малайский архипелаг, основали на нем поселения и сумели оказывать также политическое влияние. Эти острова служили не только стоянками при сношениях между Восточной Азией и Западом, но и сами по себе являлись очень заманчивыми для чужеземцев благодаря своим природным богатствам, прежде всего своими пряностями, этой важнейшей статье индийской торговли, а также золотом и алмазами из рудников Борнео и многими другими ценными произведениями. Из Восточной Азии первыми утвердились на Малайском архипелаге китайцы; с Запада сюда явились посредниками между индонезийской и восточно-азиатской торговлей сначала индусы, потом арабы, а вслед за ними первые европейцы, нынешние повелители индонезийских островов.

Китайцы. Китайцы не могут считаться морским народом в настоящем смысле слова. Лишь после покорения Южного Китая, когда китайцам досталось богатое

124

гаванями морское побережье и когда они стали в то же время смешиваться с древнейшими обитателями, опытными в морском деле, началась морская торговля с богатыми тропическими областями Индонезии. Торговля эта была, быть может, лишь продолжением более древних торговых сношений, начавшихся с переселением на север малайской расы и находившихся в руках малайских племен. Так как Южный Китай стал китайским владением в 220 г. до н. э., то влияние китаизма на жителей Малайского архипелага могло начаться не раньше этого времени, а, вероятно, еще гораздо позже, ведь прочные сношения с Аннамом завязались лишь незадолго до нашей эры. Что мотивом к путешествиям китайцев служила не любовь к морю, а торговый дух, обнаруживалось каждый раз, как только другие народы захватывали в свои руки торговлю и отыскивали китайцев в их собственных гаванях. Китайский флот всегда быстро уменьшался в таких случаях, морские предприятия сокращались, и купцы Небесной империи находили безопаснее и удобнее торговать у себя дома с чужеземцами, чем доверять свою драгоценную жизнь ненадежным судам. Но независимо от этих обстоятельств выселение из перенаселенного Китая постоянно усиливалось и, безразлично, на своих ли или на чужих кораблях, направлялось преимущественно на Ост-индский архипелаг, где оно привело в некоторых областях к значительным этническим переменам.

Мнения о том, как далеко простиралась древнейшая китайская морская торговля, равно как и о менее интересующем нас здесь вопросе, как далеко на запад доходили китайские суда, весьма противоречивы. Из летописей Лянской династии, царствовавшей в первой половине VI в. нашего летосчисления, вытекает, что уже тогда китайцам были известны некоторые пункты у Малаккского пролива, служившие, очевидно, стоянками для восточно-азиатско-индийской торговли. Уже в V в. развились сношения с Явой, завязавшиеся, быть может, благодаря путешествиям буддийского посла Фа Сяня, который, будучи прибит бурей к Яве, привез в Китай более точные

1.25

сведения об этом острове; южная часть Суматры также имела уже тогда сношения с Китаем. Политический строй о. Явы дал возможность завязать относительно безопасные и выгодные торговые сношения; китайцы

вывозили отсюда благородные металлы, черепаха, слоновую кость, кокосовые орехи и сахарный тростник, а взамен ввозили главным образом бумажные и шелковые материи. Часто упоминается о подарках индонезийских князей, которых китайский двор награждал пышными титулами и официальными почестями, оказывая им иногда также дипломатическую поддержку; один из них получил в 1129 г. титул короля Явы. Столкновения между поселившимися здесь китайскими купцами, которые рано стали обнаруживать склонность к образованию государства в государстве, и яванскими князьями не раз приводили впоследствии к перерывам в сношениях; после покорения Китая монголами дело дошло до военного столкновения: в 1293 г. монгольско-китайское войско, создав себе предварительно стратегический опорный пункт на острове Биллитоне, напало на Яву, но должно было отступить, ничего не добившись. В эпоху Минской династии торговля, однако, опять стала процветать; можно доказать даже существование некоторого политического влияния Китая; в 1405—1407 гг. в водах Малайского архипелага находился китайский флот, предводители которого принудили некоторых мелких князей к подчинению, а властителя Палембанга привезли пленным в Китай.

Берега острова Борнео, у которых приходилось останавливаться при каждом переходе к острову Яве и обратно, вскоре стали привлекать китайских купцов, для которых золотые и бриллиантовые сокровища Борнео не были тайной. Государство Поло на севере острова, впервые упоминаемое в китайских летописях в VII в., в X в. уже регулярно посещалось китайцами; на западном побережье государство Пуни, князь которого в 997 г. отправил первое посольство в Китай, было часто посещаемым местом, между тем как Банджермассинг, в начале XX в. самый цветущий торговый пункт, упоминается впервые лишь в 1368 г.

Когда по мере распространения ислама с его последствиями торговля Китая с Зондскими островами стала все более и более падать, она направилась на острова Филиппинские, которые до того были в пренебрежении, хотя и лежали ближе к Китаю. Но и здесь еще до вторжения китайцев и до поселения их в различных пунктах морского побережья уже существовала оживленная торговля между малайскими племенами. Это совершилось, самое позднее, в XIV в. Но и за китайскими купцами последовали уже тогда многочисленные эмигранты, которые поселялись во вновь открытых областях, смешивались с туземцами и таким путем создавали, как и в Северном Борнео, новые китайско-малайские племена. Когда с вторжением испанцев китайские купцы удалились или должны были ограничиться определенными территориями, эти смешанные племена остались в стране.

В общем можно сказать, что китайцы Индонезии во многих местах оказывали свое политическое влияние и вызывали некоторые этнические изменения, продолжая в этом смысле и теперь еще оказывать свое воздействие; зато духовное влияние китайцев было невелико и далеко не может сравниться с влиянием индийцев и арабов. Китайцы, очевидно, трудно сходятся с малайцами. В начале XX в. значительная часть торговли малайского архипелага была опять в руках китайцев, иммиграция их достигала огромных размеров, и нигде «желтая опасность» не была так заметна, как там; но все же Индонезию ни в коем случае нельзя назвать колонией китайской культуры. Ту же участь ничтожного влияния на духовную жизнь малайцев разделяет китаец с европейцем. В обоих случаях причина кроется в том, что они являются сюда прежде всего в качестве торговцев и повелителей, но не возбуждают никаких религиозных движений; китаец потому, что он равнодушен к религиозным вопросам, а европейец потому, что ислам, обладающий большей силой прозелитизма по сравнению с христианством, приобрел огромное преимущество перед последним уже одним тем, что он появился задолго до него.

127

Возможно, что в прежние времена китайцы способствовали торжеству буддизма в Индонезии, но доказать этого в настоящее время нельзя.

Индийцы. Совсем иного рода, по сравнению с китайцами, было влияние жителей Передней Индии на их островных соседей: они принесли последним вместе с высшей культурой и новую религию, вернее, две религии, которые параллельно должны были пустить корни на Малайском архипелаге, — брахманизм и буддизм.

Индусы и прочие обитатели Индии, перенявшие их культуру, столь же мало питают наклонности к мореплаванию, как и китайцы: берега Индостана сравнительно бедны удобными гаванями. Нужно полагать, что первыми мореплавателями, отважившимися пересечь Бенгальское море, были искусные в морском деле жители Зондских островов. Эти отважные морские разбойники, которых подобно норвежским викингам, предпринимали свои набеги для обложения жителей морских побережий данью, вместе с тем прокладывали и первые пути для мирных торговых сношений.

В свою очередь прибрежные жители Индостана, которые до того вели оживленные сношения с Аравией и Персидским заливом, заинтересовались и щедро одаренной Индонезией. Сначала, конечно, лишь отдельные предприимчивые купцы пускались в далекие путешествия к богатым пряностями островам, а с течением времени завязались и выгодные торговые сношения. Однако потребовалось много столетий, пока духовное влияние индийской культуры оказало, наконец, свое воздействие.

Так как индус столь же мало обнаруживает склонности к ведению летописей, как и малаец, то начало сношений между обеими группами народов можно восстановить лишь косвенным образом. Джон Крауферд (John Crawford, 1783—1868 гг.) в этом вопросе исходит из следующего факта. Два предмета торговли, свойственные Индонезии, гвоздика и мускатный орех, в древности нигде в другом месте не

культивировались. Первое появле-

128

ние их на западных рынках поэтому должно служить нам указанием на то, когда именно сношения с Малайским архипелагом получили правильное развитие. Действительно, обе эти пряности, в числе других товаров ввозимых в Александрию, впервые упоминаются во времена императора Марка Аврелия, следовательно, около 180 г., между тем как столетием раньше о них ничего не говорится в «Перипле Эрифрейского моря». Если же принять во внимание, что должно было пройти немало времени, пока эти пряности получили право гражданства в Индии, а еще больше времени, пока возникла мысль о вывозе их в дальние страны, что во время первых торговых экспедиций, которые по необходимости направлялись к Малаккскому проливу, прежде всего, естественно, первыми предметами обмена должны были служить произведения Малакки и лишь позднее пряности, произрастающие в более отдаленных частях Малайского архипелага, то начало индийско-малайской торговли должно было быть отнесено к I в. нашего летосчисления. За это мнение говорит также и то, что в «Перипле» речь идет о путешествиях индийцев в «Золотой Херсонес», который, более чем вероятно, означает полуостров Малакку; судя по китайским источникам, в это время индийские купцы доходили даже до берегов Южного Китая. Впоследствии в греко-римском мире появляются уже более точные сведения об Индонезии. Еще раньше чем гвоздика и мускатный орех появились в товарных списках Александрии, географ Птолемей нанес уже на своей карте земного шара названия «Малайу» и «Ява». Разные другие данные указывают на то, что уже тогда остров Ява был культурным и торговым центром Индонезии. Еще несколько столетий, и к его гостеприимным берегам потянулись караваны тяжеловесных джонок китайцев.

Следуя по стопам купцов, а быть может, не пренебрегая и сами выгодами торговли, на острова Индонезии стали появляться мало-помалу и индийские священники, которым удалось добиться здесь влияния и положения. Но Индия сама к началу нашей эры не представляла един-

5 Зак. 2640

129

ства в религиозном отношении. С силой внезапно прорвавшегося потока буддизм ниспроверг древнюю религию брахманов, разбил кастовый строй общества и затем с блестящим успехом разослал своих апостолов почти во все окрестные страны. Но он оказался не в состоянии уничтожить прежней религии страны: с несокрушимой жизненной силой брахманизм снова воспрял. И в настоящее время буддизм на своей первоначальной родине почти исчез, в то время как старая вера снова достигла почти исключительного господства. В переходный период, когда обе религиозные системы продолжали сохранять свои позиции, началось влияние индусов на Индонезию, и, конечно, религиозные распри Передней Индии не могли не отразиться на этой колонии индийской культуры. Буддисты и брахманы ведут здесь свою деятельность рядом, часто открыто соперничая друг с другом, хотя, впрочем, остается под сомнением, доходила ли религиозная борьба до насильственных столкновений. Но в судьбах приверженцев обеих религий замечается удивительная аналогия с их единоверцами в Индии: и на Малайском архипелаге буддизм одержал на некоторое время победу и наложил свою печать на самый блестящий период истории Явы; но брахманизм обнаружил большую жизненную силу и до сих пор еще не исчез окончательно, между тем как о буддийской религии нам говорят лишь мощные руины храмов.

Есть основание думать, что брахманисты пришли из другой части полуострова, нежели буддисты. Джеймс Фергюссон полагает, что родиной буддийских переселенцев был Гуджарат и устья Инда, а родиной брахманов — Телингана и устья Кистны: за это мнение говорит архитектура индийских храмов о. Явы и язык санскритских надписей. В последнее время Г. Керн и Г. Гронеман, глубокие знатоки буддизма, высказались за то, что знаменитые храмы Боробудура были воздвигнуты приверженцами южных буддистов (Нр пауйпа: изображения Будды с обнаженным правым плечом), одна секта которых господствовала, например, на Южной Суматре в государстве

130

Шри Боджа. Брахманисты и буддисты не появились, конечно, одновременно на Яве: древнейшие храмы, без сомнения, были воздвигнуты не буддистами, но поклонниками Вишну в V в. К этому же столетию относятся некоторые из надписей, найденных в западной части Явы и также приписываемых приверженцам Вишну. Китайский буддист Фа Сянь, посетивший около этого времени остров, упоминает об индусах, но, по-видимому, он не нашел среди них своих единоверцев. Согласно с этим, первыми вступили в сношения с Индонезией индийцы Коромандельского берега; лишь позднее за ними последовали жители северо-западного побережья Индии, которые находились тогда в сношениях с западными культурными странами и дали могучий толчок торговле, став во главе индийской колонии на Яве. Отсюда объясняется также позднейший перевес буддизма на Малайском архипелаге.

В VIII в. переселение на Яву индусов, в том числе многочисленных буддистов, необычайно усилилось; сооружение буддийского храма в Калазане в 779 г. доказано надписями. Тогда решилась победа индийской культуры: властители с восторгом восприняли формы и тратили накопленные богатства на сооружение величественных храмов, образцом для которых служила архитектура Передней Индии. С Явы, этого фокуса политического могущества, индусская культура и религия распространилась на соседние острова, на Суматру, юг Борнео и прочие части архипелага; самыми крайними восточными пунктами успехов буддизма

были остров Тернате и маленький островок Тоби к северо-востоку от Галмагеры, составляющие уже переход к Микронезии. Тогда пали (pali) стал языком образованных классов; индийские системы письма вызвали появление туземных письмен даже у таких племен, которых, как, например, батта-ков внутренней Суматры, культурное течение затронуло весьма слабо. Впоследствии индийское влияние ослабло. В XV в. оно снова стало процветать, что связано, вероятно, с политическими условиями на Яве.

131

Так как к этому времени буддизм в Индии почти совершенно исчез, то этот второй расцвет означает вместе с тем усиление брахманского учения, которое пережило падение индийской культуры, изображающие брѣх-маиское сказание).

Арабы. Тем временем на арену выступили уже побе* доносные преемники индусов, исламисты арабы. Арабская торговля с Египтом и Индией процветала уже до Магомета и благодаря этому вырвала из рук индусов продукты Индонезии и снабжала ими западные культурные народы. Возможно, что отдельные арабские купцы уже давно стали проникать на Яву, не приобретая, впрочем, там влияния. Лишь ислам придал поступательному движению арабов его своеобразный характер: из мирных купцов они превратились в апостолов нового учения, простота которого представляла выгодный контраст с искусственными системами божеств индусов или с выродившимся буддизмом, который на Малайском архипелаге в очень малой степени мог сохранить свою первоначальную чистоту. Новые задачи, которые отныне ставила арабским купцам их новая религия, наполнили их бодрим духом предприимчивости и отвагой, которые уже не останавливались перед опасностью пересечь Индийский океан. Возникновение халифата, привлекавшего к себе все богатства Востока, обеспечивало за смелыми мореплавателями и купцами сбыт их товаров и высокую прибыль. Тогда начала прѣтцветать Басра, ставшая исходным пунктом тех отважных путешествий, отзвук которых мы находим в робинзонадах мореплавателя Синдбада в «Тысяче и одной ночи». Оман также стал важным торговым пунктом в Персидском заливе, но и древние приморские гавани в Южной Аравии состязались со своими новыми соперниками и все еще твердо держали в своих руках торговлю с Египтом. Арабские морские путешествия во времена халифата образуют первую ступень в сношениях между

Индонезии-

132

ей и мусульманским миром, сношениях, которые на первых порах носили чисто деловой характер. Но раз первые шаги были сделаны, дух предприимчивости привел вскоре арабских купцов через Малайский архипелаг к берегам Китая, которые уже в 850 г. находились в оживленных морских сношениях с Оманом у Персидского залива. Но в самой Индонезии должны были возникать при этом стоянки экспедиционной торговли, в которых арабские купцы останавливались на более или менее продолжительное время и, само собой разумеется, старались отныне приобретать приверженцев ислама. Возможно, что уже тогда обращение в ислам совершалось бы в больших размерах, если бы падение халифата не ослабило постепенно арабскую торговлю, а с ней в весьма сильной степени и влияние арабов в Индонезии.

Новое сильное развитие сношений между мусульманскими государствами и Малайским архипелагом произошло в эпоху крестовых походов, в 1200 г., когда магометанский мир снова окреп и государство сарацинов находилось в расцвете. Впрочем, и тогда, по-видимому, ислам имел лишь незначительный успех в Индонезии, несмотря на то что царствовавший в Малакке малайский князь Мухаммед-шах был обращен в ислам (согласно одному не вполне, впрочем, достоверному источнику, это произошло в 1276 г.) — событие, которое имело впоследствии большое значение, так как малайцы в более тесном смысле слов%-етали самыми ревностными магометанами Малайского архипелага. Лишь третий крупный расцвет торговли, произошедший в эпоху процветания Турецкого и Египетского государств в XIV в., проложил путь победе новой веры, победе, которая с приобретением Явы была решена надолго. Первая неудавшаяся попытка магометанского движения на Яве была сделана в 1328 г., вторая, еще более неудачная, в 1391 г. Но мало-помалу, благодаря непрерывным усилиям арабских купцов, которые нашли в среде туземцев услужливых помощников, а в малайцах Малакки — единомышленников, была подготовлена почва для окончательной

133

победы магометанского учения, несмотря на сопротивление брахманов, религия которых, как оказалось, не пустила глубоких корней в народе. Падение государства Модии-опагит, которое было оплотом индийской религиозной партии, уничтожило в 1478 г. брахманизм на острове Яве.

Европейцы. Победа ислама была одержана как раз вовремя. Несколько десятилетий спустя появились первые европейцы на Малайском архипелаге. Им хотя и удалось захватить политическое главенство, но в духовном отношении господство осталось за исламом.

Португальцы. Португальский адмирал Диого Лопес де Секвейра и его экипаж при появлении в 1509 г. на берегах Суматры, без сомнения, не были первыми моряками европейского происхождения, вступившими на берега Малайского архипелага. Вероятно, не один отважный купец появился там уже в более древние времена; но первым путешественником, который пришел сюда во всеоружии европейского духа исследования и умственной силы, был великий венецианец Марко Поло, посетивший эти острова в 1295 г. и счастливо возвратившийся потом на свою родину. Впрочем, оживленные сношения с Европой стали возможны лишь после того, как в 1497—1498 гг. удалось обогнуть южную оконечность Африки и тем найти непосредственный морской путь в Ост-Индию. Дальнейшее развитие не заставило себя долго ждать. Первая экспедиция под начальством Секвейры с трудом спаслась от истребления, когда она бросила якорь в

гавани Малакки и подверглась нападению по приказанию местного князя. Во всяком случае штатгальтер Афонсо д'Альбукерке, отправляясь в 1511 г. на Малакку, уже имел отличный повод начать решительные действия и по пути захватывать малайские торговые суда. Так как от султана Малакки нельзя было получить достаточного удовлетворения, то ему была объявлена война; город после жаркого сражения был взят и обращен в твердый оплот португальского владычества. Альбукерке напра-

134

вил затем свои усилия на восстановление сношений с Явой и стал делать шаги к более тесному сближению с островами Пряностей или Молуккскими на востоке. После его отъезда не раз были сделаны попытки отобрать Малакку у португальцев, но крепость держалась твердо.

Когда португальцы, следуя по следам арабов, достигли до Малакки, этого перекрестного пункта индийской и восточно-азиатской торговли, у них, естественно, появилось желание проникнуть далее до Китая и тем захватить в свои руки сношения с этой страной. Флот под начальством Фернао Переза д'Андреа отплыл в 1516 г. из Малакки и после первой неудавшейся попытки прибыл в 1517 г. в Кантон. Уже в 1512 г. благодаря Франциско Серрао португальцы завязали сношения с Молуккскими островами; путем вмешательства в междоусобия между туземцами начальнику их эскадры Антонио де Брито удалось вскоре приобрести здесь влияние и основать в 1522 г. на острове Тернате крепость. Но их планам помешала маленькая испанская эскадра погибшего на Матане 27 апреля 1521 г. Магальхаэса, которая пересекла Тихий океан и 8 ноября того же года появилась у Тидора, чтобы утвердить притязания испанского короля на Молуккские острова.

В общем, тогда уже было ясно, что португальцы ни в коем случае не могли бы использовать вновь открытую огромную область-или даже колонизировать ее. О действительном подчинении даже побережий более крупных островов никогда и речи не было. Значительную часть имеющихся сил пришлось употребить на удержание Малакки и на подчинение мелких малайских разбойничьих государств; прочие силы тратились на войны с Китаем. Так, малайский князь Бинтана постоянно угрожал своим многочисленным флотом португальским владениям у Малаккского пролива и с 1523 г. привел колонию в крайне затруднительное положение, пока в 1527 г. не была разрушена его столица. Положение португальцев на Молуккских островах также было довольно шаткое, так как государство Тидор, дружественное испанцам,

135

выказало себя решительно враждебным португальцам. В 1522 г. они завязали торговые сношения с государством Зунда в Западной Яве, но не получили позволения основать в самой стране поселение. На острове Суматре, где в 1514 г. португальцы посетили Менанкабо, некоторые мелкие государства признали верховную власть Португалии; Ачин, напротив, решительно сумел сохранить свою самостоятельность, а сношения с Борнео впервые пытались завязать лишь в 1530 г.

В том же году начались новые смуты на Молуккских островах, так как вероломство португальских начальников, заключивших в тюрьму короля о. Тернате, озлобили против них народ этого союзника. Когда новый главнокомандующий Гонзало Перейра к тому же объявил торговлю гвоздикой монополией португальского правительства, то возмущение настолько возросло, что королева приказала его убить, а жизнь остальных португальцев была в> величайшей опасности. Мир тогда был восстановлен с большим трудом. Новые волнения возникли по вине низкой банды искателей приключений, которые, распоряжаясь на острове племенем короля Португалии, позволяли себе самые необузданные беспутства и взаимными ссорами подрывали всякое уважение к себе. Штатгальтер Тристао де Таиде довел дело до того, что против него соединились все князья Молуккских островов (1533 г.); лишь его преемник Антонио Гальвао окончил войну более или менее успешно и снова восстановил значение Португалии на Пряных островах. Время его управления было безусловно эпохой расцвета португальского владычества. Впоследствии снова началась борьба, приведшая в 1550 г. к отступлению португальцев из Тернате и к переселению их на Тидор. Таким образом, влияние португальцев простиралось лишь на часть Молуккских островов и на некоторые области, лежавшие при Малаккском проливе. Индонезия служила главным образом транзитной областью для китайско-японской торговли, которая в начале своего развития обещала столь же много, как и восточноазиатская

136

католическая миссия. Главной станцией для этой торговли была и осталась Малакка, несмотря на ее опасное положение между малайскими разбойничьими приморскими государствами и могущественным государством Ачин на острове Суматре.

История испанской колонизации на Малайском архипелаге почти вполне совпадает с историей Филиппинских островов.

Нидерланды. Господство португальцев столь же мало могло быть прочным в Индонезии, как и в Индии. В конце XVI в. оба народа, которые должны были, вступить во владение богатым наследством, нидерландцы и англичане, сделали первые попытки к торговым сношениям и к колонизации в индийских морях.

Особенную потребность в отыскании новых стран для приложения своей деятельности испытывали голландцы из-за войны с Испанией, которая парализовала процветающую до того торговлю с американскими колониями. Взоры голландцев направились на Индию, где Португалия, скорее ослабленная, чем усиленная после соединения с Испанией (1580 г.), тщетно пыталась утвердить свое влияние в этой огромной области.

Не вступая даже тотчас во враждебное соперничество с португальской торговлей, голландские купцы могли

надеяться отыскать еще не открытые области, эксплуатация которых обещала большие выгоды. Первый голландский флот выступил из Текселя 2 апреля 1593 г. под предводительством грубого искателя приключений Корнели де Гутмана, а 2 июня 1596 г. он бросил якорь у Бантама, важнейшего торгового города Явы. Несмотря на то что вследствие дурных качеств ее начальника эта первая экспедиция имела мало успеха в сношениях с туземцами, она все же проложила путь для дальнейших предприятий. В ближайшие годы возникло множество мелких торговых обществ, но они как будто задались целью друг другу мешать и взаимно губить, пока в конце концов при содействии Ольденбарневельда и принца Морица 20 марта 1602 г. все эти мелкие обще-

137

ства не соединились в одно крупное под названием «Всеобщей нидерландской соединенной Ост-Индской компании». Эта компания, а не Нидерландское государство, приобрела скоро владения на Малайском архипелаге и с 1632 г. пользовалась над ними полным суверенитетом.

Компания эта основала прочную колонию в Бантаме, князь которого выказал дружескую предупредительность, и переняла уже существовавшие торговые предприятия на Тернате, Амбоине и Банде, уже одно существование которых доказывает, что и голландцы первым делом старались получить свою долю в торговле пряностями. Вследствие этого уже в 1603 г. дело дошло до столкновений на Молуккских островах, причем туземцы, доведенные до ожесточения гнетом испанцев и португальцев, перешли на сторону голландцев. Планомерность в действиях компании появилась, впрочем, лишь тогда, когда в 1609 г. был учрежден пост генерал-губернатора и при нем индийский совет, и таким образом было установлено на Малайском архипелаге нечто вроде самостоятельного правительства. Испанцы потерпели теперь основательное поражение. А когда на их место появились англичане и вступили в серьезное соперничество с компанией, они в лице генерал-губернатора Сан Питерсона Козна столкнулись с человеком, который благодаря своему мужеству и энергии окончательно утвердил господство нидерландцев. Напрасно британцы старались при помощи султана бантамского приобрести влияние на остров Яву. Козн разбил своих противников, перенес голландскую колонию в Джакарту, основал там в 1619 г. нынешний центр нидерландского владычества Батавию и таким образом вынудил Бантам, торговля которого сильно пострадала, пойти на уступки. «Мы стали твердой ногой в стране и укрепили свою власть над Явой, — писал Козн директорам компании. — Смотрите и оцените, что значит мужество!» К его огорчению, голландское правительство из соображений своей европейской политики согласилось вновь допустить англичан на Малайский архипелаг,

138

что привело ко всевозможным осложнениям и в конце концов к казни многих англичан, которые были заподозрены в намерении овладеть нидерландскими фортами на Амбоине. Нужна была вся энергия Козна, чтобы удержать Батавию, осажденную в 1628 г. японцами. Смерть его, последовавшая в том же году, была тяжелым ударом для голландского владычества.

Но влияние компании было уже достаточно сильно, чтобы выдержать некоторые потрясения. Португальцы были мало-помалу совершенно оттеснены и должны были почти совсем отказаться от восточноазиатской торговли; англичане нашли в Передней Индии поле для своей деятельности, а испанцы хотя и удержали за собой Филиппины, но в конце концов должны были в 1663 г. отказаться от Молуккских островов. Ява и острова Пряное-¹ той были опорными пунктами голландского владычества, достигшего при генерал-губернаторе А. ван Димене (1636—1645 гг.) своего высшего расцвета; тогда была завоевана Малакка, с властителями Явы установилось дружественное согласие, а Батавия была во всех отношениях расширена и укреплена. Несколько спустя морской путь в Ост-Индию был обеспечен благодаря основанию одной станции у мыса Доброй Надежды, а другой — на остров Маврикия. Но наряду с этим торгашеский дух коммерческого общества проявил себя отвратительным образом в мероприятиях, которые, будучи предприняты с целью сохранения* монополии торговли пряностями на Молуккских островах, имели самые печальные последствия для туземного населения.

Мало-помалу стали обращать больше внимания на те острова Малайского архипелага, которым до сих пор придавалось меньшее значение, особенно же с 1662 г., когда Формоза отошла к китайцам. Попытки утвердиться на Борнео имели сначала мало успеха; зато в различных прибрежных пунктах Суматры были основаны фактории, а в 1667 г. макаassarский властитель на Сулавеси был покорен и вынужден согласиться на условия, выгодные для компании. И на Яве влияние голландцев посто-

139

янно усиливалось; в 1684 г. Бантам был усмирен, последствием чего явилось окончательное удаление англичан с острова Явы. Но и после этого не было недостатка в тяжелых столкновениях.

Как и у всех крупных суверенных торговых обществ эпохи открытий, процветание нидерландской Ост-Индской компании продолжалось недолго. Прежний дух предприимчивости ослаб; все сильнее и сильнее стала проявляться скандальная мелочность, действовавшая деморализующим образом на служащих компании, которых опасности, связанные с их службой, наряду с влиянием тропического климата и без того толкали на различные эксцессы. В 1731 г. генерал-губернатора Дидерика Дурве-на, не успевшего прослужить и двух лет, вынуждены были отозвать вследствие совершенных им неслыханных по бесстыдству деяний, но и после его удаления положение дел мало изменилось к лучшему. Дурное управление, от которого больше всего терпели жившие в городах китайские купцы и рабочие, привели в конце концов этот ненадежный сам

по себе и добившийся к тому же политического влияния элемент населения Явы к открытому восстанию. В то время как китайцы угрожали окрестностям Батавии, граждане взяли за оружие и по приказанию генерал-губернатора Адриана Валькенира и перебили всех живших в этом городе китайцев (в октябре 1740 г.). Лишь после продолжительной борьбы мятежники, хотя и действовавшие в союзе с яванскими князьями, были окончательно усмирены, чем компания воспользовалась для дальнейшего расширения своей территории.

Сила компании основывалась, в сущности, лишь на ее ревниво оберегаемой торговой монополии, поэтому удар, нанесенный ей в этом отношении, должен был быть особенно ощутимым для нее. С вполне законным беспокойством следили поэтому в Голландии за тем, как Англия, занявшая как морская держава первое место на земном шаре, опять направила свою деятельность в Ост-Индию и вступила не только на материке, но и на Суматре и на Молуккских островах в соперничество с компа-

140

нией, отвечая на все протесты плохо скрываемыми угрозами. С этой новой, свежей силой испорченный бюрократизм нидерландской компании ни в коем случае не был в состоянии выдержать соперничество. В то время как отдельные лица обогащались, доходы компании падали, и все излишки должны были тратиться на беспрестанную борьбу с малайскими морскими разбойниками и тому подобные дорогостоящие предприятия. Около конца XVIII в. Генеральные Штаты вынуждены были выслать маленький военный флот для поддержания беспомощной суверенной компании. Когда же Нидерланды после свое-го превращения в Батавскую республику (26 января 1795 г.) были втянуты в войну с Англией, то судьба компании была решена: она пала косвенной жертвой французской революции. Сначала она потеряла Капскую землю, потом Цейлон со всеми владениями на полуострове Индостан; в 1795 г. отпала также Малакка, а год спустя были отняты Амбоин и Банда. Только Тернате оказывал сопротивление. Ява, на которую англичане не посягали, осталась вскоре почти единственным достоянием прежде столь обширных владений компании, которая, будучи обременена долгами и совершенно ослаблена политическим состоянием родины, могла продержаться еще несколько лет лишь отчаянными мерами. В 1798 г. компания прекратила свое существование, и Батавская республика в 1800 г. переняла ее владения.

Превращение республики в королевство милостью Наполеона (26 мая 1806 г.) и занятие Голландии (9 июля 1810 г.) имели дальнейшие роковые последствия для во-сточноазиатских владений: англичане воспользовались благоприятным случаем совершенно овладеть колониями, ставшими теперь французскими, и, чтобы нанести последний удар, снарядили в 1811 г. экспедицию на Яву, которая увенчалась полным успехом. Батавия пала без сопротивления, и маленькое нидерландское войско, которое продержалось еще некоторое время близ столицы, вынуждено было сдаться 18 сентября. Англия овладела голландскими колониями, уничтожила монополию

141

и открыла^ свободную торговлю, оставаясь верной тем великим принципам, которые возвысили ее до господствующей морской и коммерческой державы. Между тем внезапное введение реформ и другие неподходящие меры привели вскоре к разного рода распрям и столкновениям, которые не давали английскому правительству возможности использовать свои новые владения. После падения Наполеона, по лондонскому договору 13 августа 1814 г., Нидерланды получили обратно отнятые^ у них колонии, за исключением Капской земли и Цейлона; 24 июня 1816 г. нидерландские комиссары в Батавии переняли управление из рук английского губернатора. Но, несмотря на это, англичане вскоре нанесли косвенным образом тяжелый удар нидерландской колонии, присоединив в 1819 г. путем покупки к своим владениям на Ма-лакке, приобретенным в 1786 г., остров Сингапур, который в короткое время обращен был ими в мировой коммерческий пункт. Особенно пострадала от этого Батавия, население которой уменьшилось вскоре наполовину.

Уничтожение компании и английские реформы пробили сильную брешь в бездушной системе монополии, и нидерландское правительство волей-неволей должно было считаться с изменившимися условиями. Но маленькая Голландия уже по соображениям экономическим была не в состоянии присоединиться к английской системе свободной торговли, отказаться отчасти от непосредственных государственных доходов и ждать косвенных успехов от этой системы. Колонии должны были не только содержать себя вместе с на вербованной колониальной армией, но и приносить доходы. Таким образом, отмененная монополия на пряности снова была введена на Молуккских островах, хотя и в несколько смягченной форме и с меньшим успехом, чем прежде, так как тем временем культура пряных растений была введена и в других местах тропического мира. Главные же доходы должно было доставлять терпеливое население Явы, которое, по проекту (Cultuurstelsel) генерал-губернатора Яна ван ден Боша, в 1830 г. было привлечено в обшир-

142

ных размерах к барщинной работе на правительственных плантациях и, кроме того, было обложено тяжелыми налогами. Отныне внешние враги более не угрожали нидерландским владениям, но колониальной армии пришлось еще подавить не одно восстание или заниматься завоеваниями для Голландии новых земель.

Действительное господство над Индонезийским архипелагом досталось Нидерландам лишь постепенно и притом весьма различными путями. На главных островах, Суматре и Борнео, их влияние было долгое время более или менее значительно лишь на морских побережьях, между тем как внутренние части этих островов отчасти и по настоящее время отказывают им в повиновении. Но даже побережья причинили им немало

хлопот, что доказывается отчаянной борьбой с Ачином. Вначале почти повсюду за туземными князьями были оставлены их привилегии, но во многих случаях, и не всегда против своего желания, нидерландцам приходилось принимать отдельные области под свое непосредственное управление. Отличное воспитание колониальных чиновников особенно обеспечивало успех за голландцами.

Крупный внутренний поворот в положении дел начался в 1868 г. Ставшее невыносимым положение туземцев на Яве, а еще более, быть может, сознание, что, несмотря на все принудительные работы, доходы правительственных плантаций не соответствовали ожиданиям, привело к отмене барщины и губительного хищнического способа хозяйства; несомненно, этому содействовала борьба, которую с 1859 г. вел нидерландский поэт и бывший колониальный чиновник Э. Д. Деккер (Multatuli) против злоупотребления в управлении, хотя долгое время его нападки не приводили ни к каким непосредственным результатам. Впрочем, монополия на кофе, хотя и несколько измененная, осталась; далее, в интересах равновесия индонезийских финансов до сих пор еще сохранился в силе закон, по которому туземцы хотя и освобождены от барщины, тем не менее обязаны продавать свои продукты правительству по очень умеренной цене.

143

Что яванскую систему барщины вообще можно было отменить без колебаний, доказывается уже тем, что развитие табаководства на Суматре (с 1864 г.) и разведение кофе на Сулавеси открыли новые источники доходов. Поэтому в 1873 г. отменена была, наконец, устаревшая монополия на пряности на Молуккских островах, причем без особенного ущерба для финансов государства.

Очень основательно поставлено научное исследование голландских владений. В настоящее время эти колонии являются во многих отношениях образцовыми, и даже в прошлом, несмотря на все сделанные ошибки, голландцы показали, как маленький европейский народ сумел покорить себе бесконечно превосходивших его численностью податливых азиатов и использовать их в своих интересах.

Отдельные части Индонезии в их самостоятельном историческом развитии

Ява. Ява (Джава) — далеко не самый обширный остров архипелага, но зато самый плодородный, способный давать пропитание огромной массе населения и вместе с тем наиболее доступный, благодаря чему он стал самым ранним и излюбленным торговым центром. Культура, конечно, могла с легкостью пустить корни лишь на сравнительно равнинном, богатом гаванями северном побережье, между тем как крутой южный берег, обращенный к морю, которое в древности почти не было посещаемо; никогда не играл роли. Этот растянутый в длину остров рядом мощных вулканических гор разделяется на несколько естественных областей, в которых могли возникнуть независимые политические единицы.

Если не считать незначительных следов негроидного населения, то остров Ява, можно сказать, искони был заселен чистыми малайцами. Достоверной древнейшей истории острова не существует, так как единственные исторические документы, да и то мало достоверные, летописи, относятся ко временам мусульманским. Таким

144

образом, приходится прежде всего довольствоваться сообщениями других народов да остатками архитектуры и надписей, которые в изобилии сохранились еще на острове. Во всяком случае Ява была уже издавна культурным центром, а в известном смысле и центром политическим Малайского архипелага, сохранив за собой это положение и до настоящего времени.

Древнейшие сведения о Яве исходят от индийских купцов, которые находились в сношениях с островом приблизительно с начала нашей эры. Причина, почему индийцы направились именно на Яву, который ни в коем случае не был для них ближайшим, кроется, быть может, в том, что там уже существовали зачатки более прочных политических образований, властители которых оказывали покровительство купцам и жители которых переступили уже ступень самой первобытной ограниченности потребностей. Насаждая культуру на Яве и давая местным князьям возможность усиливать свою власть и свои богатства при помощи торговли, индийцы значительно содействовали укреплению государственного строя. Легендарным олицетворением этих влияний можно считать фигурирующего в самых ранних туземных преданиях Адьи Шака, прибывшего будто бы на Яву в 78 г., вследствие чего с этого же года начинается яванское летосчисление. Он принес с собой культуру и религию, упорядочил государственные дела, издал законы и ввел письменность. В мифической истории Явы упоминаются также названия некоторых государств, находившихся под влиянием индусской культуры: Менданг Камулан будто бы играл роль в конце VI или начале VII в.; в 896 г. вступила будто бы в царствование династия Джангала, а в 1158 г. — династия Паджаджарам (Паджадзиран).

Первыми переселенцами на Яву были поклонники Вишну, за которыми лишь позднее последовали буддисты; это доказывается надписями и развалинами и подтверждается свидетельством китайца Фа Сянь. На Западной Яве, недалеко от нынешней Батавии, открыты древнейшие следы индуизма; здесь между IV и V вв., по-видимому, существо-

145

вало государство, властители которого проявляли уже склонность к новой культуре и религии. Быть может, тогда уже появились и приобрели влияние первые буддисты на острове. Важные надписи начала VII в. говорят нам о каком-то князе Западной Явы, по имени Адитья дхарма, вдохновенном буддисте и властителе государства, которое охватывало также часть соседней Суматры; он победил одного яванского властителя,

Шиварага, самое имя которого служит уже указанием на то, что он был приверженцем брахманского учения; он же воздвиг великолепный дворец на Яве, местонахождение которого, впрочем, теперь уже нельзя установить. По-видимому, упомянутое столкновение произошло не на религиозной, а на чисто политической почве. Из китайских источников мы узнаем, что тогда существовало государство Ява, которому были подчинены 28 мелких князей, и что в 674 г. престол занимала женщина по имени Сима (Sima); по всей вероятности, это государство, столица которого находилась первоначально далее к востоку, охватывало средние части острова; следовательно, оно не было тождественно с государством владыки Западной Явы.

Во всяком случае буддизм благодаря оживленным переселениям из Индии быстро усилился в это время именно в средних частях Явы, между тем как на востоке и, быть может, также на западе удержался брахманизм. В VIII и IX вв. процветали буддийские государства, о могуществе которых можно судить по величественным остаткам зданий, в особенности по развалинам храмов в средних частях острова и по многочисленным надписям. Тот факт, что в 813 г. негры-рабы из Занзибара были посланы с Явы в дар китайскому двору, доказывает широкое распространение тогдашней яванской торговли. Если судить о значении государств по остаткам храмов, то государство Боробудур должно было превосходить все другие государства, пока оно не пало, вероятно, в конце X в. Уже после первой четверти этого столетия храмы с надписями на Средней Яве едва ли продолжали воздвигаться, что служит указанием на коренной упадок

146
государственных сил. Вместе с этим кончился и золотой век буддизма.

В то же время центр тяжести политического могущества передвинулся в восточную часть острова. Надписи XI в. повествуют о государстве Эр-ланга, наследственные владения которого находились, вероятно, в области нынешней Сурабайи; благодаря удачным войнам он подчинил своей власти значительную часть Явы и в 1035 г. находился, по-видимому, на высоте своего могущества. Его чисто малайское имя доказывает, что владетельный дом, к которому он принадлежал, был туземного происхождения, но он был решительным поклонником индийской культуры, что явствует из возрастания числа санскритских надписей на Восточной Яве начиная с начала XI в. Согласно одному китайскому сообщению, приблизительно в это же время на Западной Яве также существовало государство, которое находилось во враждебных отношениях с государством на юге Суматры.

Следующие столетия остаются сравнительно во мраке, что, быть может, находится в связи с некоторым упадком индийской торговли, а с ней и культурных влияний, но главная же причина лежит в расчленении Явы на многочисленные мелкие государства. Несмотря, однако, на это расчленение, попытка монгольского хана Кублая в 1293 г. овладеть Явой потерпела неудачу; только часть восточной половины острова подверглась разграблению. Там существовали государства Пазуруан, Кадири и Су-рабайя, из которых первое мало-помалу потеряло значение. Государства Средней Явы, в противоположность государствам восточным, по-видимому, отступали на задний план, это изменилось лишь тогда, когда сношения с Индией около 1400 г. снова оживились, и государства Соло и Семаманга стали благодаря этому процветать.

Этот новый индусский период, когда брахманизм снова стал играть роль, подействовал между тем оживляющим образом и на восток; здесь государство Модиапагит (Мад-жапагит, Маджапут) достигло огромного могущества; на западе главной державой было тогда упомянутое выше

147
государство Паджаджарам. Согласно яванским преданиям, годом основания Модиапагита, или, вернее, предшествовавшего ему Тумапеля, был 1221-й (от эры SSka: 1144 г.), а первым властителем был Кен Ангрок, принявший при вступлении на престол имя Райяза и умерший предположительно в 1247 г. (по SSka, в 1169 г.). Государство Модиапагит в более тесном смысле слова возникло лишь в 1278 г.; первым государем его был Кер-тарайяза.

Модиапагит — самое известное из более древних яванских государств, так как оно продержалось почти вплоть до появления европейцев, а некоторой частью пережило разрушительный натиск ислама.

Поучительно поэтому бросить взгляд на государство Модиапагит, так как оно является типичным для своеобразных условий Малайского архипелага и для всех морских побережных и островных государств. Модиапагит никогда не делал попытки вполне подчинить себе остров Яву и преобразовать его в одно целое государство, но он распространял свое господство по побережьям соседних островов, совершенно подобно тому, как Швеция подчинила одно время берега Балтийского моря, не присоединив к себе Норвегии, или как Англия уже издавна изъявляла притязания на французские берега еще раньше, чем Шотландия была присоединена к британскому государству; вспомним мимоходом и о древнегреческих колониях, о Карфагене и Омане. На западе Явы все еще оставалось сильное государство, временами весьма теснившее Модиапагит. Поступательное движение Модиапагита было, естественно, возможно лишь при условии обладания значительным флотом; этот последний разрушил вероятно, в 1252 г. малайскую столицу Сингапур. Наибольших размеров это государство достигло при воинственном государе Анкавиджайя, вступившем на престол в 1390 г. и подчинившем себе будто бы 35 меньших государств. Несомненно, что это государство имело владения на Суматре и выселяло туда яванских колонистов; южное побережье о. Борнео также находилось отчасти под его

148

влиянием; по всей вероятности, и яванцы, поселившиеся, как это доказано, на Молуккских островах, также

приобрели и там политическое влияние. Большая часть острова Бали к востоку от Явы составляла непосредственную составную часть Модиапагита. В общем это не было настоящим единым государством, но оно скорее пользовалось суверенитетом над многочисленными мелкими государствами, которые пользовались всяким удобным случаем, чтобы опять вернуть себе самостоятельность. В 1403 г. между Восточной и Западной Явой вспыхнула серьезная война, которая не имела никаких решительных последствий и привела к вмешательству китайских войск.

Но несмотря на весь свой блеск, уже с самого начала цвет «индуизированных» государств подтачивался губительным червем. По мере роста арабской культуры в течение уже нескольких столетий арабские купцы стали появляться в этой стране и, подобно индийским купцам прежнего периода, прочно оседали здесь, вербуя приверженцев ислама в разных местах Малайского архипелага, в особенности среди малайцев Малакки и даже среди китайских торговцев. «Восточный купец, — говорит К. Ле-еманс, — человек совсем другой породы, чем европейский. В то время как этот последний всегда стремится вернуться на свою родину, житель Востока готов задержаться надолго на чужбине, охотно поселяется там окончательно, женится на туземке и легко примиряется с мыслью никогда не увидеть своей родины. Он сливается с туземным населением и передает ему отчасти свой язык, свою религию, свои нравы и обычаи». В самом характере героического периода ислама лежала причина того, что арабские купцы стремились к чему-то более высокому, нежели богатые барыши: путем религиозного проз*Ии-тизма они стремились к достижению господства. По-видимому, государство Модиапагит, эта передовая индонезийская держава, рано стала в глазах арабов главной целью их деятельности.

Относительно слабое сопротивление буддийского и брахманского учений объясняется отчасти тем, что нстинное понимание то и другое учение нашли себе только в высших классах, между тем как народ едва придерживался внешних обрядов. Один китайский писатель начала XV в. называет туземцев Явы просто поклонниками дьявола, следовательно, ни в коем случае не ставит их рядом с хорошо ему известными китайскими или индокитайскими буддистами. Согласно преданию, раньше всего исламу удалось одержать победу во владениях государства Модиапагита на Суматре и этим путем приобрести влияние на высших сановников государства, между которыми нужно назвать прежде всего Арья Дамара, губернатора Суматры, в особенности же его сына Радена Ратаха. Невероятное яванское повествование о падении Модиапагита дает только право догадываться, что восстание подданных, обращенных в ислам, а также женские интриги стоили (в 1478 г.) тогдашнему властителю, Бромиджой, трона. Оставшиеся верными брахманизму удалились на остров Бали, долгое время удерживали еще за собой отсюда часть восточного побережья Явы и, после того как это оказалось невозможным, они, по крайней мере, препятствовали проникновению ислама на Бали.

За победой ислама в Модиапагите довольно скоро последовала победа его и в других частях острова. Властитель Бантама еще в 1522 г. искал покровительства португальцев против магометан, но было поздно; когда два года спустя появился португальский флот, это важное торговое место было в руках магометан. Так как в отдельных областях Явы введение ислама произошло в разное время и по большей части сопровождалось восстаниями, то на первых порах возникло множество мелких государств, между которыми Паджанг и Дамак были самыми могущественными; на одном только острове Мадуре, судьба которого теснее всего связаны с Явой, было три самостоятельных государства.

Спустя лет 100 после победы ислама это положение дел изменилось. Мало-помалу правители Матарам достигли все большей и большей власти, между тем как первоначально эта страна составляла лишь провинцию Пад-

150

жанга; под конец они подчинили себе большую часть Восточной и Средней Явы. На западе же, напротив, магометанский Бантам был все еще самым сильным государством. С 1596 г. голландцы старались завязать с ним сношения, которые с течением времени должны были кончиться не в его пользу. Основание Батавии и вмешательство англичан немедленно повлекли за собой военные замешательства, но прогнать голландцев с острова не удалось. Нидерландская торговая компания, естественно, была втянута в столкновения с все усиливавшимся государством Матарам. Султан («susuhunan») Матарам-ский Агонг задумал также подчинить себе и западную часть Явы и предложил голландцам заключить союз, но не встретил сочувствия у этого осторожного коммерческого народа, и поэтому два раза сделал попытку (1628 и 1629 гг.) овладеть Батавией. После смерти его сын Инго-лого (1645—1670 гг.) заключил с компанией мирный и дружественный договор (1646 г.); и так как голландцы пока не стремились к расширению своих владений, то мир долгое время соблюдался. Преемник Инголого «susuhunan» Аманг Курат впервые призвал на помощь голландцев против бугинезского пирата, поселившегося в Сурабае: он был изгнан; точно так же один мятежный принц, Труна Джайа, не устоял против нападения голландского флота. По Джапарасскому договору (1677 г.) компания за оказанную ею помощь заставила дорого вознаградить себя территориальными уступками и облегчением торговых сношений.

Но этим смуты не кончились. Труна Джайа снова взялся за оружие против Аманг Курата, прогнал его из столицы и избрал Кадири резиденцией того государства, которое он намеревался основать. Но решение это зависело от согласия голландцев, а те предпочли оставить на престоле прежнюю династию, потому что прогнанный султан вынужден был бы согласиться на совершенно другие условия, чем его победоносный соперник. Они разбили узурпатора и возвели на престол сына умершего тем временем Аманг Курата; для

тавлен маленький нидерландский гарнизон. В 1703 г. смерть правителя послужила поводом к сильным спорам из-за престолонаследия: претендент на престол Паку Бувано, одержавший победу при помощи компании, должен был (ср. английскую политику в Индии) выразить свою благодарность всевозможными уступками и концессиями (1705 г.); впрочем, борьба продолжалась еще некоторое время. Но и впредь «susuhunan» Матарамы могли удержаться на престоле и предотвратить распадение своего феодального государства лишь благодаря постоянной поддержке голландцев. Смуты дошли до крайних пределов, когда вследствие восстания китайцев в 1740 г. могущество самой компании было сильно поколеблено. Тогдашний «susuhunan», как и властители Бантама и Че-рибопа, поддержали восстание, хотя они наружно изъявляли свою преданность компании; следствием этого было то, что «susuhunan» после поражения китайцев должен был согласиться на новые уступки, в особенности на отказ от острова Мадур. После потери морского побережья Матарам все более и более превращался в сухопутное государство и поэтому все более и более слабел по сравнению с сильными на море голландцами. Резиденция была тогда перенесена в Соло (Суракарту).

Но чем сильнее становилось влияние компании на государство Матарам, тем более она вовлекалась в беспрестанные междоусобицы и раздоры из-за престолонаследия, которые стали там обычным явлением. В 1749—1755 гг. свирепствовала война, которая окончилась лишь с разделом государства: «susuhunan» Паку Бувано III досталась восточная часть с главным городом Суракарта; его сопернику Манку Буми — западная часть с резиденцией Джокджокарта, третий же претендент удовольствовался ничтожными концессиями (договоры 1755—1758 гг.). Наряду с этими двумя государствами, образовавшимися из прежнего Матарам, на западе существовали еще государства Бантам и Черибон, оба в полной зависимости от компании, которая фактически владела уже большей частью Явы.

152

При установившемся отныне новом порядке вещей более крупные столкновения прекратились. Но дурное управление компании с ее притеснениями туземцев привело к тому, что беспорядки стали обычным явлением, грабежи и хищения процветали. Окончательное распадение компании и переменчивая судьба Нидерландов в 1800 г. еще больше усилили неурядицы на Яве; реформы же, введенные генералом Х. В. Дэйндесом в 1808 г., явились уже слишком поздно: в 1811 г. (до 1816 г.) Англия овладела островом. К этому же времени были отобраны остатки Бантама и Черибона, и обоим султанам оставлена была лишь пенсия и голый титул. Таким образом, только «susuhunan» суракартский и султан джокджокартский сохранили наполовину свою самостоятельность, но оба в наказание за свое сопротивление англичанам были вновь ограничены в своих владениях, а для наблюдения за ними в их столицах были поставлены гарнизоны. Вторичное занятие голландцами Явы послужило началом нового, но, в общем, едва ли более счастливого периода в жизни этого острова. Правда, монополии и торговые ограничения, установленные прежней компанией, не были возобновлены или воскресли лишь в очень умеренной форме; усиленные заботы правительства были направлены на расширение культуры полезных растений, чем оно не только увеличило свои доходы, но и способствовало росту населения и его всеобщего благосостояния; но тем тягостнее был отныне для туземцев гнет барщинных повинностей. Восстания стали повторяться еще чаще, а одно из них кончилось изгнанием недовольного экс-султана из Бантама (1832 г.). Опаснее было более раннее восстание, вспыхнувшее в 1825 г. в Джокджокар-те под предводительством незаконного принца Дигу Не-горо против генерал-губернатора Годара ван дер Капел-лена; подавлению этого восстания (1830 г.) способствовали, как и в прежних восстаниях, войска владетелей Мадур, преданных голландцам. Хотя это восстание и раскрыло некоторые слабые стороны нидерландско-индийского правительства, тем не менее более радикаль-

153

ные реформы были предприняты лишь с 1868 г.; барщинные работы туземцев были, наконец, почти отменены, и введена более справедливая система управления. Но с тех пор как нидерландское правительство с успехом направило свое внимание и на другие острова Малайского архипелага, остров Ява не мог уже сохранить своего привилегированного положения в индонезийском колониальном царстве. Суматра. Суматра гораздо больше Явы, но, подобно этой последней, вытянута в длину; внутренность ее представляет обширные плоскогорья с относительно прохладным климатом; восточный берег низменный и доступнее западного, впереди которого расположен целый ряд мелких островов. Историческое значение Суматры определяется ее положением при Малаккском проливе и индийском материке, с одной стороны, и соседством с Явой — с другой. В этнографическом смысле это настоящая малайская страна, которая служила, вероятно, исходным пунктом древних переселений на западе. Внутри этого острова в лице батта (баттаков) сохранилось племя, которое хотя и подверглось в некоторых отношениях влиянию культуры, все же сохранило в значительной степени свой первобытный своеобразный характер и совершенно отвергло проникшие извне религиозные учения.

Благодаря своему положению Суматра должна была еще раньше Явы вступить в сношения с Индией и ее культурой; этому, вероятно, способствовали богатые перцем побережья Малаккского пролива, где завязались первые торговые сношения. В полном соответствии с этим находится тот факт, что северная оконечность острова (нынешний Ачин) носит наиболее ранние следы индусского влияния, а с ними и зачатков государственности; отсюда это влияние распространилось внутрь страны, где оно может быть еще

явственно прослежено среди баттаков. Древнейшими государствами северной оконечности называют Поли (по китайскому правописанию) и Суматру (по Ибн Баттута правильное — Саматра или Самутра);

154

столица последнего, лежавшая к востоку от нынешнего Ачина, дала название своему острову. Если на Яве сильнее привилась культура и религия индусов, между тем как политическая власть сохранилась преимущественно в руках туземцев, то на Северной Суматре переселившиеся индусы, по-видимому, всецело стали во главе правления и основали здесь ленное государство в индийском духе. Государство это, столицей которого долгое время был Пазир, имело одно время очень большое протяжение и включало значительную часть морского побережья Суматры.

Индийская культура, пустив корни в северной части острова, где внутреннее государство Менанкабо (Menang kabau) ей же обязано было своей политической организацией, стало влиять посредственно и на южную часть острова, где, по китайским источникам, уже в V в. существовало государство. Южная часть Суматры благодаря своему географическому положению всегда зависела от густонаселенной могущественной Явы. Уже в первый индусский период Явы мы встретились с одним князем, владения которого лежали по обе стороны Зондского пролива. Впоследствии жители Южной Суматры пользовались, вероятно, большей самостоятельностью, так как нет точных указаний на существование каких-либо отношений между обоими островами, если не считать китайских записей о войне между Западной Явой и Южной Суматрой в X в.* В 1377 г. Южная Суматра, власти которой обратились даже за помощью к Китаю, была покорена яванцами; одно время она принадлежала Модиио-пагиту. Тогда был основан яванскими колонистами Па-лебанг. Каким образом ислам приобрел здесь своих первых приверженцев и стал роковым для государства Модииопагит, было изложено выше.

Но и на севере ислам привел индуизм к упадку. В начале XIII в. появились первые проповедники нового учения на побережье Малаккского пролива и впервые оказали свое влияние на собственно малайцев, происходивших из Суматры и овладевших полуостровом Малаккой

и прилегающими к нему островами. В самом же Ачине им удалось одержать победу лишь в начале XVI столетия, следовательно, позднее, чем на Восточной Яве. Но политическое господство индусов пало, во всяком случае, еще раньше, уступив место туземным династиям. Али Могайят-шах, судя по достоверным преданиям, был первым магометанским султаном Ачина. Полное преобразование государства совершено было, возможно, Алаэдди-ном аль-Кахаром (1530—1552 гг.), покорившим также батакко-индусское государство, которое на севере еще оказывало сопротивление новой вере.

В следующий период Ачин достиг большого могущества и вскоре был вовлечен в войны, которые почти непрерывно велись на берегах Малаккского пролива между португальцами и малайцами; ачинский флот и войска не раз появлялись близ Малакки и делали безуспешные попытки отнять этот город у португальцев.

Нидерландцы, переняв наследие португальцев, переняли вместе с тем и враждебное отношение к Ачину. Вначале, конечно, все, казалось, шло хорошо: голландцы обратили свое внимание главным образом на Яву и Молуккские острова, а по отношению к Ачину они ограничились заключением в 1602 г. торгового договора и уступкой ачинцами полосы зияли в 1669 г. для основания факторий; тем временем, вследствие внутренних волнений, могущество Ачина сильно ослабло. Но чем более возрастал интерес к Суматре, тем яснее становилось, что Ачин, которому первоначально придавали ничтожное значение, является опасным, трудноодолимым соперником. Начиная с середины XIX в. он стал самым большим камнем преткновения голландской колониальной политики. Династия арабского происхождения, первый представитель которой Махмуд-шах начал свое царствование в 1760 г., вступила в решительную борьбу с голландцами.

Лондонским договором от 17 марта 1824 г. Ачин был, правда, признан суверенным государством; но мало-помалу выяснилось, что существование свободного малайского государства с его неизбежным покровитель-

156

ством или снисходительным отношением к морским разбойникам не может быть терпимо в таком опасном месте, как Малаккский пролив. Поэтому в 1870 г. Голландия получила полномочие поступать с Ачином по своему усмотрению, но при условии территориальных уступок в Западной Африке. Переговоры с султаном ни к чему не привели. Война, начавшаяся 25 марта 1873 г., неожиданно оказалась чрезвычайно тяжелой и убыточной, не только вследствие упорного сопротивления населения (24 января 1874 г. нидерландцы взяли штурмом дворец султана под предводительством генерал-лейтенанта ван Свитена), но, главным образом, вследствие неблагоприятного расположения театра войны и вследствие нездорового климата. Лишь в 1879 г. страна могла считаться покоренной, но все еще требовала необычайно большого гарнизона, и не далее как" в 1896 г. она доказала новым восстанием, как непрочно здесь господство голландцев.

На юге Суматры голландцы давно уже еще с Явы пользовались влиянием, как, например, в Лампонге, который платил дань яванскому государству Бантаму. Самое важное государство, Палембанг, после разрушения Модииопагита, по-видимому, пользовалось короткое время самостоятельностью, но в 1554 г. было завоевано неким Гединг Суро, происходившим из Демака на Яве. Таким образом, в Палембанге утвердилась яванская династия, правившая-до 1649 г.; ее сменила новая линия, царствовавшая до 1824 г. Уже в 1618 г. голландцами была основана близ Палембанга фактория. Отныне события приняли дурной оборот. После того как туземцы в 1662 г. напали на эту факторию и перебили почти весь гарнизон, нидерландский флот разрушил в 1664 г. город Палембанг и у запуганного султана вынудили выгодный торговый договор, сохранивший свою силу до 1811 г. Новый интерес для голландцев, которые вынуждены

были тем временем подавить гражданскую войну, вспыхнувшую вследствие их вторжения в страну, получил Палембанг, когда в 1710 г. на острове Банке, принадлежавшем этому госу-

157

дарству, были открыты неизмеримо богатые залежи олова. Компания выговорила себе тотчас же особым договором право на часть добычи. Мирным в общем отношениям между голландцами и Палембангом был нанесен непоправимый удар, когда после занятия англичанами Явы в 1811 г. по приказанию султана весь гарнизон голландской фактории в Палембанге был перебит самым гнусным образом. Англичане предприняли карательную экспедицию, но им не удалось водворить полный порядок. Не более удачливы были в этом отношении голландцы, которым были возвращены в 1816 г. ост-индские владения, пока, наконец, в 1823 г. Палембанг не был превращен в провинцию голландских колониальных владений. Про мелкие государства на западном берегу упоминает уже Марко Поло. Из новейших государств следует упомянуть Бенкулен (Банкагулу), который с 1865 г. находился под английским влиянием и был уступлен Голландии, лишь 13 августа 1814 г. Часть населения островов, лежащих у западного берега, в особенности острова Ниасы, очень мало поддавалась влиянию европейских культур и по своим нравам переносит нас к древнейшим временам истории малайцев с их страстью к переселениям.

Борнео. Самый большой петров Малайского архипелага, Борнео, до настоящего времени далеко не достиг еще того значения, какое ему подобает по его размерам. Достаточно беглого взгляда на географические условия этого неуклюже очерченного острова, окаймленного по-чти со всех сторон сырыми нездоровыми низменностями, чтобы вполне понятной стала его судьба. Единственное, что привлекало к нему внимание морских народов, это его богатые золотые и алмазные россыпи, которые оказывают такую неотразимую притягательную силу. И если естественные условия этого исполинского острова представляют мало привлекательного для чужеземцев, то столь же мало они располагают туземное население к морским путешествиям, переселениям и торговым сношениям. Коренное население Борнео, даяки, представ-

158

ляет в своей основе типичных жителей внутренних стран, проявивших в течение своего исторического существования мало подвижности и упорно сохранивших свои старые обычаи и нравы.

Внутри острова о существовании государственного строя в более широком смысле слова и речи быть не может; только морские побережья, омываемые волнами чужих народов, обнаруживают зачатки государственности, но и это, опять-таки, обуславливается скорее положением Борнео среди других островов Малайского архипелага на главных путях морских сношений, нежели общим строем самого острова. Для жителя северного побережья в прежние времена требовалось, быть может, гораздо меньше отваги для того, чтобы посетить китайские гавани, чем для того, чтобы проникнуть на десяток миль внутрь родного острова, а тем менее, чтобы пробраться до южного побережья. Поэтому древнее предание, что остров распадался прежде на три больших государства (Борнео или Бруней, Суккадана и Банджермас-синг), кажется нам в этой форме мало вероятным.

Для южного побережья острова близость Явы. имела решающее значение: ее индуистские государства покоряли или подчиняли своему влиянию близлежащие области Борнео, о чем свидетельствуют кроме непосредственных исторических данных некоторые остатки архитектуры и статуй богов. В частности Модиапагит получал дань от государства Банджермассинг и от других государств южного побережья. Даже после распада этого брахманского государства исламистские властители Явы поддерживали еще некоторое время эти отношения. На то же самое указывает местное предание, согласно которому Банджермассинг основан индусом Лембонг Манг-куратором, переселившимся сюда с острова Явы. Ко времени падения Модиапагита Банджермассинг был самым могущественным государством Борнео. Этим он был обязан, без сомнения, высшей культуре, возникшей благодаря сильной иммиграции с Явы и, естественно, приведшей к перенесению сюда индусских верова-

159

ний. Согласно преданию, в XIV в. один из сыновей властителя Модиапагита основал здесь индусскую династию, которая насчитывала до первого магометанского властителя Пангерана Саматры тринадцать представителей; дочь Пангерана Саматры вышла замуж за даяка, который стал родоначальником новой династии. То обстоятельство, что Банджермассинг должен был платить дань магометанскому государству Демак на Яве, в то время как Суккадана и Ландак, другие два важных государства южного побережья, также подпали под зависимость магометанского же государства Бантама, благоприятствовало введению магометанской веры, которая впервые утвердилась в 1600 г. Но все же воспоминание о Модиапагите не исчезло: большинство династий южного побережья ведет свое происхождение от владетельного дома этого государства.

На севере же, напротив, китайское влияние в древности вряд ли было очень слабо: даяки внутренности острова и теперь еще очень ценят китайские фарфоровые сосуды, проникшие сюда, очевидно, благодаря прежним торговым сношениям с Китаем. Торговля с Китаем, вероятно, способствовала также усилению упомянутых выше древнейших государств Борнео, Поло на севере и Пуни на западном побережье; в XIV в. Пуни, во всяком случае, находилось также под влиянием Явы. Наряду с яванцами сильным влиянием на Борнео пользовались собственно малайцы, для которых побережья этого острова уже давно стали излюбленной целью их путешествий и поселений. Им же обязано своим возникновением важнейшее государство северного побережья Бруней, начала которого, конечно, нельзя установить с точностью; быть

может, оно было просто продолжением древнего государства Поло. По всей вероятности, еще до введения ислама, последовавшего в середине ХГП в., малайские выходцы переселялись в Бруней. Одно время и Модиио-пагит имел влияние на Бруней; когда первые европейцы посетили страну, она представляла собой могущественное, вполне самостоятельное государство, временно про-

160

стиравшее свою власть на острова Суду и дальше, вплоть до Филиппин. В 1577 г. вспыхнула первая война с испанцами; позже последовали дальнейшие столкновения. Из других малайских государств на западном побережье назовем Понтианак (вероятно, прежнее Пуни), Матан, Мангама и т. д. Банджермассинг, Суккадана и Ландак первоначально были основаны малайцами и лишь впоследствии подпали под власть Явы. С востока буги острова Сулавеси искали на побережьях Борнео новую родину и также основали здесь ряд мелких государств, существование которых первоначально основывалось на торговле и морских разбоях. Следствием всех этих переселений было, естественно, то, что приморское население Борнео представляет смешение самых разнообразных этнических элементов: туземцы даяки смешались с малайцами, яванцами, китайцами, буги и т. д., образуя самые сложные формы метисизации. Господство того или иного элемента зависело порой от случайных обстоятельств. В горных округах, например, государства Самбас на Западном Борнео со второй половины XVIII в. китайцы поселились в таком большом количестве, что совершенно вышли из повиновения малайскому султану и лишь в 1854 г. были подчинены голландскому правительству. Первыми европейцами, старавшимися завязать сношения с Борнео, были португальцы (с 1521 г.); но они достигли незначительных результатов, хотя еще в 1690-м сделали новую попытку к этому. Тем временем голландская Ост-Индская компания открыла в 1606 г. факторию в Банджермассинге, которая занималась вывозом перца и золотого песка, но вследствие переменчивого, а часто и враждебного отношения султана также недостаточно преуспевала и в конце концов была совсем оставлена, после того как в 1638 и 1669 гг. голландские чиновники и купцы были убиты в Банджермассинге. Резиденция султана была, впрочем, перенесена в Мартапуру после разрушения Банджермассинга в 1612 г. голландцами, где и продолжала оставаться, несмотря на то что Банджермас-

6 Зак. 2640

161

синг вскоре опять расцвел. С 1698 г. на сцену выступили англичане, с большим успехом вначале, пока их не отпугнуло от дальнейших предприятий разрушение их факторий в 1707 г. Султан Банджермассингский, несмотря на свое вероломное поведение, отнюдь не был расположен отказаться от выгод, которые доставляла европейская торговля, и вторично обратился к голландской компании. Лишь в 1773 г. эта последняя отважилась на новую попытку. С тех пор отношения, несмотря на многократные столкновения, никогда уже не прерывались надолго. Решительное вмешательство компании в войну из-за престолонаследия доставило ей в 1787 г. суверенитет над Банджермассингом, а с ним и владение большей частью южного побережья Борнео, равно как и желанную монополию торговли перцем. Во время занятия Явы англичанами султан согласился на новые концессии, которыми голландцы и воспользовались с 1 января 1817 г. К этому же периоду относится отважная попытка англичанина Уильяма Гара (William Hare) основать на Южном Борнео самостоятельное государство. Благодаря новым договорам, а также новым войнам, которые голландцы вели в 1850—1854 гг. на западном побережье, а в 1859—1862 гг. — на юго-восточном, им удалось значительно расширить и укрепить свою власть. Даже Банджермассинг, после того как вмешательство голландцев в 1852 г. в вопрос о престолонаследии вызвало восстание, был в 1857 г. лишен своей династии, а в 1864 г. окончательно присоединен к голландским владениям. Новое восстание 1882 г. не привело ни к каким переменам в его положении.

В XIX в. султан Бруней очень много потерял в своем могуществе; в 1839 г., когда в провинции Саравак вспыхнуло восстание, местный штатгальтер с радостью принял предложение англичанина Брука прийти ему на помощь. Джеймс Брук, родившийся 29 апреля 1803 г. в Бан-деле, в Бенгалии, составил тогда план основать на Борнео на частные средства колонию; в июне 1839 г. он высадился со своим отрядом и действительно победил противника султана, который из благодарности назначил его штат-

162

гальтером Саравака, а в 1842 г. отдал ему эту провинцию в вассальное владение. Так как Брук не был обыкновенным авантюристом, а благородной и сильной натурой, то его управление было истинным благословением для разоренной страны. Когда султан стал выражать ему недоверие, раджа начал опираться на Англию, принудил султана в 1846 г. уступить остров Лабуан англичанам и после подавления различных восстаний малайцев и китайцев стал совершенно самостоятелен. Он умер 11 июня 1868 г. в Барратоне, в Англии; на престол Саравака, находящегося с 14 июня 1888 г. под покровительством британского правительства, вступил вторым раджей его племянник, сэр Джонсон Брук.

Северо-восточная часть Борнео (Сандакан) с 1878 г., со времени основания торгового общества «British North Borneo Company» (королевское утверждение общества состоялось лишь 1 ноября 1881 г.), занята Великобританией, между тем как соседний султанат Бруней с 1888 г. подчинен губернатору Straits settlements (последний на побережьях проливов).

Сулавеси (Целебес). Четвертый крупный остров Малайского архипелага, Сулавеси, носит совершенно другой характер, чем Борнео. Вместо неуклюжих очертаний этого последнего мы находим здесь сильно изрезанную линию, вместо обширных низменностей — гористые полуострова и глубоко врезающиеся заливы. Если же, несмотря на это, берега его не привлекали к себе в такой степени мореплавателей и купцов, как этого можно было ожидать, судя по его благоприятным естественным условиям, то это объясняется,

вероятно, тем, что внимание всегда отвлекалось близлежащими богатыми пряностями Молуккскими островами. Сулавеси хотя и плодороден и не беден рудой и благородными металлами, представляя собой благодаря этому ценное владение, но лишен тех притягательных качеств, которые обещают торговле быстрые и блестящие выгоды. Но если доступность острова мало принесла ему пользы в смысле тор-

163

говых сношений с культурными странами, зато это оказало свое влияние на туземное его население, часть которого нашла широкий выход своей энергии в морских предприятиях, превратившись в подвижных морских разбойников, торговцев и основателей государств. Этим Сулавеси приобрел для восточной части Малайского архипелага такое же значение, как и Малакка для западной части.

Древние обитатели Малайского архипелага на считали Сулавеси однородной в этническом отношении областью. Северный полуостров с его первобытными обитателями, альфурами, не имеет ничего общего с южными "частями острова, населенными макассарами и буги; применительно к этому приурочено даже новейшее административное деление Сулавеси нидерландцами (Мена-до—Макассар). Вообще же Сулавеси представляет настоящую малайскую страну, хотя в альфурах есть кое-какие признаки, указывающие на то, что в их крови имеется примесь крови темнокожих; но были ли эти последние малорослыми, негроидными первобытными обитателями или это были переселившиеся сюда папуасы, вопрос, который в настоящее время решить невозможно. Буги и ма-касары — чистые малайцы, которые и по всему своему складу больше всего похожи на тех отважных моряков малайской расы, которые заселили Полинезию и Мадагаскар.

Если принять во внимание тот факт, что главная масса населения еще и теперь распадается на многочисленные мелкие племена, обнаруживающие мало склонности к взаимному слиянию, то возникновение более крупных государств на Сулавеси нельзя отнести к очень далекому прошлому. На юге сохранились еще предания о том, как святыни отдельных местностей, откуда вышли переселенцы в различные пункты острова, впервые способствовали некоторому объединению мелких племен или, по крайней мере, на первых порах препятствовали распадению тех племен, численность и территория которых все возрастала; начальники отдельных местностей признавали своим

164

верховным главой того, кто являлся обладателем древнейшего и могущественнейшего волшебного средства, время от времени собирались для совещаний в его селении и таким образом дали первый толчок к возникновению более крупных государств. Именно на Сулавеси этот процесс мог совершаться сравнительно наиболее беспрепятственно и без помощи чужестранцев; даже индусское влияние могло проникнуть на остров лишь в слабой степени, что доказывается прочим отсутствием санскритских слов в первоначальных диалектах буги. Если до образования государств мелкие племена находились постоянно во взаимной вражде, то впоследствии борьба между ними продолжалась в ещё большем масштабе, чередуясь с кровавыми распрями внутри еще не вполне сложившихся государств; так, например, летописи Макассара упоминают как о редком явлении, что однажды один из властителей этого государства умер естественной смертью. Передовым оплотом макасаров было Гоа, позднее Макассар, а у племени буги, напротив, Бонн. Из Бонн буги распространились все дальше и дальше по побережью восточно-малайских островов и частью основали новые государства.

Португальцы явились на Сулавеси в первый раз в 1512 г. Едва ли существовавшие тогда на острове государства имели за собой продолжительное прошлое. Правда, летописи Макассара насчитывают 39 властителей, последовательно сменявших друг друга на престоле вплоть до 1809 г., но нет сомнения, что в суровые, кровавые времена далекого прошлого средняя продолжительность царствования не могла быть значительна. Сообразно с этим, если даже допустить, что летописное предание имеет за собой некоторую достоверность, государство Макассар должно было возникнуть лишь после 1400 г. Португальцы сделали впервые попытку утвердиться на острове в 1540 г., учредив факторию в Менадо, а позже и на юге, но их попытки были так же малоуспешны, как и последующие попытки англичан и датчан. Лишь голландцы, обратившие свое внимание на остров Сулавеси с 1607 г., добились здесь, наконец, успеха.

165

Тем временем на остров проник ислам: в 1603 г. князь макассарский вместе со своим народом перешел в новую веру. Великие идеи этой мировой религии, по обыкновению, очень способствовали росту страны, так что влияние государства Макассар вскоре значительно возросло, пока оно не стало господствующим на Южном Сулавеси. Особенно часто приходилось вести войны с государством племени буги, Бонн, так как население этого демократически организованного государства отказывалось принять ислам и сначала во главе со своим князем, а потом, когда этот последний перешел в магометанство, вопреки ему продолжало вести борьбу с новым учением. Султану Макассара, вмешавшемуся в эти распри, удалось в 1640 г. подчинить себе бони, судьбу которого разделяли многие мелкие государства. Могущественное морское государство Макассар подчинило себе также отчасти побережья Сумбавы и Бутунга (Бутон), но вскоре ему пришлось убедиться, что эпоха больших туземных государств на Малайском архипелаге прошла. Разрушение голландской фактории в Бутунге вынудило Ост-Индскую компанию к наступательным действиям; при этом она опиралась на покоренное, но все еще беспокойное государство Бони, владетельный дом которого, спасшийся бегством, нашел дружеский прием у голландцев. Вскоре султан макассарский должен был отказаться от своих завоеваний и передать престол Бони протеже голландцев радже Палаке

который с 1672 г. возвысил Бони до господствующей державы Южного Сулавеси. После его смерти (1696 г.) часть его государства досталась компании в непосредственное ее владение. Голландцы постоянно извлекали выгоду из закоренелой ненависти между Макассаром и Бони, но их попытки расширить свое господство приводили к частым и тяжким войнам, пока временное занятие острова англичанами в 1814—1816 гг. и возникшие из-за этого осложнения не привели и здесь к новому порядку вещей. Война с князьями Южного Сулавеси кончилась в 1825 г. победой голландцев. Уже тогда са-

166

мостоятельности туземных государств был бы положен конец, если бы восстание на Яве не отвлекло внимание в совершенно другую сторону, и лишь после новой борьбы 1856 и 1859 гг. было достигнуто их присоединение к Нидерландско-Ост-индскому колониальному государству.

История Северного Сулавеси совпадает скорее с историей Молуккского архипелага. Более значительную политическую единицу представляет государство Мена-до. После того как северный полуостров и в особенности горная страна Минагасса стали известны как области, весьма богатые кофе, европейское влияние стало господствующим, не встречая больших препятствий, тем более что ислам не успел еще утвердиться здесь. Часть населения Минагассы приняла христианство — факт, редкий в нидерландской Ост-Индии. Восточный, самый маленький полуостров Сулавеси, во внешних отношениях также находился под молуккским влиянием.

Молуккские острова. Подобно тому как в западной части Малайского архипелага Ява, так и в восточной части его Молуккские острова были фокусом, в котором сосредотачивалась средняя и новейшая его история. В более раннюю эпоху, когда торговля мускатными орехами и гвоздикой не привлекала еще к берегам чужеземных кораблей, группа Молуккских островов играла меньшую роль; мелкие племена и сельские общины, вероятно, вели взаимную борьбу, их военные и хищнические походы простирались на Сулавеси и Новую Гвинею, которые, со своей стороны, отвечали тем же. Развитие торговли пряностями настолько увеличило впоследствии богатство и могущество некоторых областей, что они подчинили себе значительные части, архипелага. Древнейшим государством считается Джилоло на северном полуострове Галь-магера; в 1540 г. оно вошло в состав Тернате. Интересно, что китайское влияние на Молуккских островах было, по-видимому, весьма слабо, так как в китайских летописях до XV в. они едва упоминаются.

167

Португальцы ко времени своего прибытия на эти острова застали на них два государства, Тернате и Тидор; оба они образовались первоначально из мелких островов, тесно примыкали друг к другу своими главными поселениями и взаимно соперничали, стараясь затмить друг друга. Население этих государств, вероятно, было уже тогда очень смешанное: к вероятным древнейшим обитателям, альфу рам, сохранившим свою независимость, в особенности на Гальмагере и Сераме (Цераме), присоединялись на побережьях малайцы, буги и потомки других народов, принимавших участие в торговле пряностями: яванцев, которые в прежнее время, по-видимому, были исключительно хозяевами транспорта пряностей на свой остров, далее арабов, вероятно, также китайцев и индусов. О Тернате мы знаем, что в 1322 г. на престол вступил седьмой властитель, и в его правление произошла особенно иммиграция яванцев и арабов. Тернате и Тидор были настоящими приморскими островными государствами с могущественными флотами, но их владения на Гальмагере и Сераме были невелики. Так как их могущество основывалось исключительно на торговле пряностями, то властители обоих государств добивались покровительства португальцев, явившихся сюда первоначально в качестве купцов; когда же победу одержало Тернате, то властитель Тидора бросился за помощью к испанцам, которые выступили тогда со своими притязаниями на Молуккские острова. Насилия португальцев повлекли за собою многочисленные восстания и кровавые столкновения.

В 1599 г. впервые выступили на сцену голландцы, устроившие маленькое поселение на острове Банда; но прошло еще около полугода, пока они почувствовали себя настолько безопасными, чтобы вполне захватить в свои руки монополию культуры и торговли пряностями. Султанства Тернате и Тидор, которые отчасти сами владели прибрежными областями на Сулавеси и Новой Гвинее, они оставили неприкосновенными, но взяли под свое управление собственно острова Пряностей, и прежде всего Амбоин (с 1605 г.) и Банда. Так как наблюдение за всеми островами

168

казалось невозможным, то компания решила допускать культуру гвоздики и мускатных орехов лишь на определенных местах, в прочих же местностях беспощадно истреблять пряные деревья. Этот план мог быть приведен в исполнение лишь путем войны, которая почти истребила (1621 г.) население островов Банда, так что компании приходилось отныне ввозить рабов, что дало ей возможность ввести более строгий надзор. Но так как птицы постоянно переносили на другие острова семена пряных растений, то ежегодно предпринимались экспедиции, чтобы в случае необходимости силой оружия уничтожить молодые ростки на заповедной территории, чем они причинили страшные бедствия островам. Этот печальный порядок, творцом которого считается штабгальтер Арнольд де Фла-минг, продолжался до занятия островов англичанами (1810г.) и впоследствии был вновь введен, хотя и в смягченной форме. В 1824 г. истребительные экспедиции были отменены, но лишь в 1873 г. были уничтожены последние остатки монополии на пряности, и плантации были проданы частным предпринимателям.

В то время как мелкие острова из труппы Молуккских имели такую богатую историю, главные острова ее долгое время не привлекали к себе внимания. Но мало-помалу нидерландцам удалось приобрести влияние и

на низко стоявших в культурном отношении альфуров, которые на Сераме организованы в своеобразные тайные союзы, выработавшиеся из обычных сообществ мужской молодежи.

Малые Зондские острова. Из всех групп островов Малайского архипелага меньше всего фигурируют в истории Малые Зондские: не будучи объединены в государства, они мирно существовали, пока к ним не проникли извне семена государственности, породившие тут и там на побережье мелкие государства, которые не могли, однако, подчинить себе внутренние области.

Исключение составляет остров Бали, который всецело попал под древнеяванское влияние, хотя часто в полити-

169

ческом отношении занимал самостоятельное положение. Когда к концу I в. нашей эры брахманские государства Восточной Явы окрепли, то Бали также представлял государство с индусской культурой (см. с. 174—175; Сцены из индийской мифологии. Из храма Кузамба в Келунг-кунге на Юго-Восточном Бали). В 923 г. там царствовал Угразена; в 1103 г. упоминается еще князь Джайяпангу. Впоследствии Бали стал составной частью государства Модиапагит. Исламу было не по силам вытеснить брахманство и привлечь к себе бали, которые, с своей стороны, в эпоху своего объединения притесняли даже магометанских сассаков, живших временно на покоренном ими острове Ломбоке, и угрожали Сумбаве; брахманство удержалось здесь вплоть до начала XX в. В политическом отношении вследствие господствовавшей здесь феодальной системы мало-помалу наступило полное раздробление: в XIX в., когда нидерландцы предприняли в 1846, 1848—1849 и 1868 гг. походы против князей Бали, на последнем насчитывалось восемь мелких государств. Несмотря на это, голландцам пришлось пустить в ход сравнительно сильное ополчение, чтобы сломить сопротивление одного из князей.

Яванское влияние коснулось временно и Сумбавы, хотя в общем своим развитием это государство обязано отважным морякам — обитателям Южного Сулавеси, макассарам и буги. Прежде Сумбава распадалась на шесть независимых мелких государств: Бима, Сумбава, Дом-по, Тамбора, Сангар и Папекат. От опустошительного натиска государства Тамбора (10 апреля 1815 г.) страшно пострадало население королевств Тамбора и Папекат, несколько слабее — население Сангара, Домпо и города Сумбавы. В восточной части Флореса (Флорис; главный город Ларантука) господствовали малайские и бугийские переселенцы; западная часть, Мангерай, была в зависимости от государства Бима на Сумбаве и была связана с ним общностью языка. Тимор должен был находиться преимущественно под влиянием Молуккских островов; на его побережье уже сравнительно рано воз-

170

никли мелкие государства; в 1600 г. вследствие поступательного движения тиморийцев, населявших восточную часть острова и происшедших, вероятно, первоначально из Серама, государства эти по большей части распались. Северо-восточная часть Тимора (Дели, или Дилли) представляет, впрочем, последний остаток португальских владений в Индонезии; на юго-западе (Купанг) с 1688 г. (за исключением периода английского владычества в 1811—1816 гг.) утвердились голландцы.

Филиппинские острова. Северо-восточную часть Малайского архипелага образует мощная группа Филиппинских островов, представляющая в геологическом и этнологическом отношении соединительное звено, связывающее Индонезию с Восточной Азией. Все же малайцы всецело преобладают на Филиппинах; в древнейшие времена они владели, по-видимому, и Формозой и оттуда совершали дальнейшие завоевания. Но не всегда, конечно, Филиппины были во владении малайцев. Древнейшая история этих островов указывает на негритосов как на первобытных обитателей, которые лишь мало-помалу были оттеснены переселившейся сюда желто-бурой расой в горы внутри страны; лишь на северо-восточном побережье Лусона они утвердились прочно. Вероятно, что здесь имели место два малайских вторжения; племена, переселившиеся в первый раз, весьма заметно смешались с неграми и при вторичном вторжении малайцев разделили их участь, т. е. также должны были отступить в гористые местности внутри островов, между тем как новые пришельцы заняли морские побережья. Как при первом, так и при втором вторжении переселенческая волна залила и изменила этнически южную часть архипелага, между тем как негры прибрежной, северо-восточной части Лусона и на этот раз избежали истребления. Малайцы второго переселения принесли на Филиппины высшую культуру, на которой видно уже некоторое влияние Индии: следовательно, это второе переселение должно было произойти спустя несколько

171

столетий после нашей эры. Некоторые, правда, не вполне убедительные доводы говорят за то, что вторые переселенцы пришли с Суматры, этой колыбели народов малайского племени; есть также некоторые признаки сходства с даяка-ми острова Борнео. Носителями туземной полукультуры на полуострове Лусоне были тагалы.

Третье переселение, не вполне, правда, довершенное, было связано с проникновением ислама на малайские острова. Малайцы Брунея на Борнео, предпринимавшие с 1500 г. походы на Филиппины как с завоевательной целью, так и для распространения ислама, подчинили себе Палаван и утвердились на Лусоне. Почти одновременно переселенцы с Молуккских островов поселились в Минданао и овладели островами Супу (Цжоло); здесь возникло магометанское государство морских разбойников, между тем как раньше, по свидетельству китайских источников 1417 г., эта группа островов распадалась на три государства.

46 марта, 1521 г. с восточной стороны Филиппин достиг португалец Магеллан, находившийся на испанской службе; он назвал их островами Св. Лазара; впоследствии их назвали Islas de Poniente, и лишь с 1565 г. им дали название Филиппинских. Вначале эти острова привлекали мало внимания, между тем как из-за обладания Молуккскими островами мелЗду испанцами и португальцами завязалась упорная борьба; когда Карл V 22 апреля 1529 г. отказался от Молуккских островов, то и Филиппины, вероятно, достались бы португальцам в придачу, если бы там не удалось уже фактически утвердиться испанцам и если бы вообще Португалия была очень заинтересована в этом.

Лишь в 1543 г. снова появился в этом архипелаге испанский флот с приказом основать здесь испанскую колонию; но в конце концов он попал в руки португальцев, которые в принципе все еще поддерживали свои притязания на Филиппины. Новая попытка 1565 г. наконец удалась: испанцы сначала поселились на Себу, а потом на Панае; в 1570 г. они направились к Лусону и основали в следующем году город Манилу.

172

Испанцы после соединения в 1580 г. Португалии с Испанией встретили здесь двух других соперников, которые причинили им много беспокойства: проникших сюда магометан и особенно многочисленных на Лусоне китайцев, которые издавна вели торговые сношения с Филиппинами и одно время, по-видимому, даже пользовались там политическим влиянием. Они представляли постоянную опасность для испанского владычества, но, несмотря на это, с ними приходилось обращаться осторожно, так как доходы колонии почти всецело зависели от китайской торговли. В 1603 г. вспыхнуло страшное восстание китайцев; при содействии туземцев и японцев, также преследовавших на Лусоне торговые цели, восстание было потоплено в крови мятежников. Но спустя несколько лет численность китайских поселенцев на Маниле опять достигла значительных размеров. Новое восстание 1639 г. было опять подавлено, а когда в 1662 г. китайский пират Чжэн Кэшуан (Койсун), отец которого Чен Ченкун (Коксинга), овладев Формозой, стал угрожать Филиппинам, то произведена была новая резня, но совершенно истребить этих нежеланных гостей не удалось. Более повезло испанцам в их борьбе с исламом. На Лусоне христианство благодаря ревностной деятельности испанских монахов вполне взяло верх над магометанством, а на Минданао и других южных островах был, по крайней мере, положен предел дальнейшему распространению этвй'религии. Подчинение туземцев было тем легче, что до покорения Филиппин на них, по-видимому, не существовало более или менее крупных государств. Особенно усиленные старания прилагало испанское правительство к тому, чтобы вполне монополизировать торговлю на Филиппинах. Последние имели право сношений лишь с американскими колониями Испании, куда произведения Филиппинских островов вывозились раз в год; обратные корабли приносили взамен главным образом серебряные доллары. Количество товаров и золота не должно было при этом превышать определенного предела. Непосредственные торговые

173

*Сцены из индийской мифологии. Из храма Кузамба
в Келунгкунге на Юго-Восточном Бали*

сношения с Европой, несмотря на многократные попытки купцов из Севильи, не позволялись. Понятно, что богато нагруженные торговые суда, отправлявшиеся в Америку, были предметом домогательств всех пиратов и неприятельских адмиралов и нередко делались их добычей, как, например, в 1743 г., когда они были захвачены Георгием Ансоном (1697—1762 гг.) у берегов острова Самара. С 1785 г. торговля находилась в руках Real Compania de Filipinas; лишь в 1803 г. гавань Манилы была открыта для всех морских народов, в 1814 г. была объявлена свобода торговли, а в 1834 г. компания прекратила свое существование. Но и тогда еще иностранной конкуренции ставились всевозможные препятствия в виде всевозможных таможенных стеснений; губительная табачная монополия была отменена лишь в 1882 г. Хотя эти, порой доведенные до смешного торговые стеснения и форменное господство духовенства коренным образом препятствовали развитию Филиппин, эти острова в эпоху соединения Португалии с Испанией (1580—1640 гг.) все же были центром блестящего колониального государства. Вследствие соперничества Нидерландов колониальные владения испанцев снова были ограничены одними Филиппинами, которые отныне долгое время вели довольно жалкое существование. Несмотря на это, распространение христианства среди туземцев этой колонии пустило довольно прочные корни. Когда в 1762 г. перед Манилой появился английский флот и китайцы с индийцами восстали против испанцев, то в конце концов удалось при помощи туземного христианского населения отеснить англичан и подавить восстание. В общем, туземцы долгое время не были опасными противниками, хотя недовольство тираническим правлением монашеских орденов постепенно возрастало даже среди принявших христианство тагалов; гораздо опаснее были, наоборот, испанско-малайские метисы, перенявшие отчасти европейскую культуру: они чувствовали себя отесненными на задний план и стремились к руководящей роли. Уже в 1823 г. они стали

176

причинять беспокойство. Военное восстание 1872 г. могло бы стать очень опасным, если бы оно не было в самом начале подавлено самым решительным образом. В общем политическая власть Испании в течение XIX в., по-видимому, там укрепилась; мало-помалу удалось, хотя и в слабой степени, подчинить власти испанцев и независимые до того части Филиппин, южную часть Минданао и острова Сулу.

Но неискоренимая привычка смотреть на колонии как на источники доходов для искателей мест и духовных орденов коренным образом препятствовала их правильному развитию; точно так же нельзя было долго держаться по отношению к тагалам той же системы, которая применялась к индейцам Парагвая в эпоху господства иезуитов. Мало-помалу свободные идеи проложили себе дорогу; тайные общества, близкие к франкмасонству, составляли ядро недовольных филиппинцев, ненависть которых была направлена главным образом против духовенства (восстания 1876 и 1882 гг.). Сильное восстание 1896 г. обнаружило всю силу этих тайных течений. Успехи Японии в Восточной Азии, по-видимому, сильно подняли самосознание более

чутких туземцев, так как они считают себя, и не без основания, родственными японцам. Еще один раз удалось испанцам, возбудившим к себе ненависть и презрение за расстрел, поэта-патриота доктора Жозе Рикаля (29 декабря 1896 г.), ценой больших жертв умиротворить тагалов, восставших под предводительством Эмилио Агвинальдо (мир заключен 14 декабря 1897 г.). Но как только началась война с Соединенными Штатами Америки, восстание снова вспыхнуло. Но так как одержавшие победу Соединенные Штаты не были склонны признать независимость Филиппинской республики, учрежденной 23 июня 1898 г., то с начала 1899 г. (5 и 7 февраля произошли тщетные нападения филиппинцев на Манилу) американцы, в свою очередь, должны были вступить в борьбу с туземцами, причем американские генералы Эльзаль Стефан Отис (до 5 мая 1900 г.)

177

и Артур Мак-Артур потерпели неудачи. Даже после того как Агвинальдо был взят в плен (в конце марта 1901 г.), свободолюбивые тагалы, отныне под предводительством своего диктатора Сан Дико, продолжали оказывать сопротивление, в особенности на Самаре.

МАДАГАСКАР

Далеко от островного мира Индонезии лежит другая область малайской расы, Мадагаскар. Остров этот не имеет такой блестящей истории, как важнейшие области Индонезии, что в значительной степени объясняется его окраинным положением, меньшей привлекательностью для торговой предприимчивости. До первых морских путешествий португальцев вокруг Африки Мадагаскар лежал в стороне от великого торгового пути, связывающего Западную Азию с Восточной, и только суда, транспортировавшие го Софалы добываемое там золото на север, обратили внимание арабов на побережья этого огромного острова и косвенно сделали его известным азиатским и европейским культурным странам. Вероятно, под островом Менутиос, о котором упоминает Птолемей, должно подразумевать Мадагаскар. Но все исторические, в более тесном смысле слова, сведения об этом острове, вплоть до новейшего периода, настолько недостоверны, что о древнейшей истории мадагаскарских племен можно было бы сказать очень мало, если бы народоведение, опираясь на сравнительное языкознание и антропологию, не давало возможности заглянуть в отдаленное прошлое этого острова.

Древнейшая история

Растительный и животный мир Мадагаскара интересен тем, что его ближайшие представители живут не на близлежащем материке Африки, а на Малакке и в Индонезии; это объясняется, быть может, тем, что остров этот представляет остаток древнего материка (Лемурии), Индийском океа-

178

не. Далее, значительная часть, если не все древнейшее население Мадагаскара, носит явные следы малайского происхождения, о чем с несомненностью свидетельствуют язык, нравы и физический тип. Отсюда, в связи с гипотезой о погребенной па дне океана Лемурии, невольно напрашивается заключение, что переселение меланезийских и малайо-подобных племен на Мадагаскар должно быть отнесено к отдаленнейшим временам доисторического периода. Ввиду установленной высокой древности человечества, в этом предположении нет ничего неправдоподобного; если же, несмотря на это, многие относятся отрицательно к этому предположению и рассматривают родство мадагаскарцев с индонезийцами скорее как случайное совпадение с зоо-и ботанико-географическими условиями, то это объясняется мнением, что малайские переселенцы принесли с собой на Мадагаскар уже относительно развитую культуру в том виде, в каком она выработалась у малайцев Индонезии уже в исторический период их существования. В начале XX в. Альфред Грандидье вескими доводами отстаивал тот взгляд, что темнокожее население Мадагаскара происходит из Меланезии или, по крайней мере, гораздо ближе к меланезийцам, чем к неграм, и что уже во времена очень ранние малайцы открыли путь к Мадагакару. Грандидье опирается при этом на тот факт, что все жители Мадагаскара, как светлокожие, так и негроподобные, принадлежат по языку к малайской группе народов.

Находясь-^лй остатки малорослого населения, найденного внутри острова, в родстве с ведда Цейлона или с лесными племенами Малакки и живут ли они здесь с древнейших времен, сказать трудно, но это не невероятно; в таком случае в их лице мы имеем, быть может, потомков древнейшего населения Лемурии или же, ввиду существования карликовых племен и на материке Африки, остатки некогда весьма распространенной первобытной расы. Такими остатками считают полусказочных вазимба (вацимба) на внутреннем плоскогорье и кимо на юге Мадагаскара, которых посетили многие французские путешественники.

179

Занятие Мадагаскара малайцами произошло, по-видимому, путем целого ряда переселений, которые имели огромное значение для истории Индонезии и Океании. Некоторые черты сходства говорят за то, что Суматра была исходным пунктом мадагаскарской колонизации. Определить хронологически с большей или меньшей точностью время важнейших переселений трудно; во всяком случае они должны были совершиться до начала индусского влияния в Индонезии, так как в мадагаскарских языках почти совершенно отсутствуют санскритские слова; с другой стороны, если принять во внимание сравнительно высокий уровень культуры, то нельзя отодвигать начало переселений к слишком отдаленному прошлому. Переселенцы принесли с собой искусство обработки железа, но зато, по-видимому, не были знакомы с разведением рогатого скота, так как слова «рогатый скот» заимствованы племенем гова из восточноафриканского языка суахили. Они знали также употребление ткацкого станка, но, по-видимому, изготавливали на нем ткани не из хлопчатой бумаги, а из пальмовых волокон. Общество распалось на

благородных (андрианы), свободных людей и рабов.

Так как ко времени прибытия европейцев Маскаренские острова, лежащие к востоку от Мадагаскара, оказались необитаемыми, то переселенческие потоки, вероятно, направлялись не через эти привлекательные плодородные острова, а достигли Мадагаскара каким-нибудь иным путем. Быть может, малайские мореплаватели, которые в качестве разбойников и купцов господствовали на побережье Индийского океана еще до начала нашего летоисчисления вплоть до того времени, когда начались торговые путешествия индусов на Малакку и Яву, проникли этим путем с северо-востока к берегам Мадагаскара, где с течением времени возникли их поселения. В то время как другие малайские поселения, которых было немало на побережье Индийского океана, впоследствии снова исчезли, причем их обитатели либо были истреблены, либо слились с туземцами, на Мадагаскаре, при его редком населении, малайские народности нашли возможность распространяться

180

беспрепятственно и постепенно заселить большую часть острова. Связь с индонезийской родиной впоследствии порвалась, и поселенцы Мадагаскара продолжали развиваться самостоятельно, причем, однако, подвергались влиянию соседней Африки. Среди гоа, которых нужно считать позднейшими переселенцами, существует предание, что их предки пришли на Мадагаскар с отдаленного острова по чудесному пути из листьев лотоса и впоследствии переселились внутрь страны, на плоскогорье, чтобы спастись от господствовавшей в прибрежных местностях болотной лихорадки. Предание это ничего не говорит о жившем там уже до них населении.

Самыми чистокровными малайцами являются гоа, живущие в средней провинции Имерина и насчитывавшие в начале XX в. до миллиона человек; по-видимому, более смешались с неграми бетсileo, живущие на плоскогорье, к югу от Имерины, и насчитывавшие до 1 млн 200 тыс. человек Бетсимисарака на восточном побережье гораздо ближе к неграм, чем к малайцам. Рядом со светлокожими племенами Мадагаскара и остатками малорослого первобытного населения находятся также, в особенности на побережьях и на юге острова, темные негроидные обитатели. В хозяйственном отношении на Мадагаскаре нет уже никаких крайних форм, которые служили бы указанием на более древние культурные условия. Всюду, где только позволяют обстоятельства, культура риса доставляет главный источник пропитания; здесь также развито разведение рогатого скота; Маскаренские острова снабжаются мясом почти исключительно с Мадагаскара. Свиньи разводятся, во всяком случае, одними только гоа, между тем как племена, населяющие побережье, благодаря влиянию арабов презирают это толстокожее животное. Говаская свинья, по-видимому, происходит из Индонезии.

Интересно, что вопрос о том, откуда произошли чернокожие обитатели и каким путем совершилось их переселение, вызвал еще более оживленные споры, чем вопрос о происхождении малайских племен, хотя непосредственная близость Африки по крайней мере на первый

.181

вопрос должна бы, казалось, дать вполне удовлетворительный ответ. Но несмотря на это, такие основательные знатоки Мадагаскара, как Джеймс Сибри (Sibree) и Гранди-дье, видят в темнокожих обитателях острова скорее родственников папуасов, чем настоящих негров. Если и отвергнуть это мнение, если даже признать в темнокожих мадагаскарцах потомков негров, то вопрос о том, явились ли негры на остров до или после малайцев, все же не так легко решить. Темнокожая часть мадагаскарского населения говорит на малайских наречиях; следовательно, она долгое время должна была находиться под сильным влиянием малайцев; главная масса темного населения, важнейшую часть которого составляют сакалавы, занимает западное побережье острова, обращенного к Африке; обитатели ли африканского материка — плохие моряки, и в XIX в., не были бы в состоянии самостоятельно достигнуть Мадагаскара. Эти факты говорят, возможно, за то, что негры прибыли на остров лишь после переселения малайцев и именно с помощью или по побуждению самих малайцев. Возможно, что племя темнокожих мадагаскарцев явилось результатом похищения невольников на восточноазиатском побережье; возможно и то, что во время своих междоусобных распрей малайцы вербовали себе вспомогательные отряды из чернокожих; а может быть, и то и другое действовало одновременно. Возможно также, что обитатели восточноафриканского побережья под влиянием малайцев или под предводительством малайских авантюристов могли стать более искусными моряками и в конце концов самостоятельно переселиться на Мадагаскар. Сакалавы долгое время славилась как отважные морские разбойники. Благодаря ввозу африканских рабов темнокожее население усиленно возрастало вплоть до XX в.

Достоверная история

Арабский период. Влияние арабского народа, который произвел такие крупные перевероты на Ост-Индском архипелаге, установилось довольно рано и на побережье Мада-

182

гаскара и, быть может, еще задолго до появления ислама, чему, очевидно, способствовала близость золотых россыпей Софалы. Достоверные сведения о существовании острова из всех арабских географов мы находим впервые у Эд-ризи (1153 г.), который упоминает о нем под именем Chezbezat; другие арабские писатели называют его Серен-дах'или Эль-Комр. Название Мадагаскара впервые встречается у Марко Поло, который получил более точные сведения об этом острове у арабских мореплавателей и слышал от них и о гигантской птице рух (Rukh). Рассказы об этой птице, украшенные вымыслами, относятся, вероятно, к тем исполинским страусам, которые жили, по-видимому, на Мадагаскаре вплоть до исторических времен (*Aepyornis maximus* и *ingens*). Древнейшие поселения арабов, о которых мы имеем сведения, находились на острове Носси Бо-хара (Св. Марии), у северо-восточного берега Мадагаскара и на его восточном побережье; вероятно, и в северо-западной части острова колонии также возникли сравнительно рано. Очень любопытно, в связи с Соломоновым преданием, что различные, вполне заслуживающие внимания указания говорят о раннем

переселении на остров и евреев. Религиозные распри после Магомета повлекли за собой дальнейшие переселения арабов, главным образом сектантов, каковы сейидиты, ветвь алидов, которые в конце VIII в. переселились, по-видимому, частью на Мадагаскар, и некоторое количество измаилитов, также переселившихся туда около того же Времени. О суннитских и шиитских персах мы знаем, по крайней мере, что они переселились в Восточную Африку. Грандидье утверждает, что потомков всех этих переселенцев можно обнаружить на Мадагаскаре и в настоящее время. Арабы, конечно, оказывали влияние на племена, жившие по соседству с их колониями; не раз предводители арабской крови становились во главе туземных племен, хотя это, по-видимому, не влекло за собой заметных успехов ислама.

После того как был открыт морской путь вокруг Южной Африки, португальцы также проникли на Мадагаскар, и первым из них достиг острова Фернандо Соарес

183

(1 февраля 1506 г.) в день св. Лаврентия, вследствие чего остров получил название Сан-Лоренцо (Св. Лаврентия). После этого его многократно посещали португальцы, но прочных колоний они здесь не основывали; голландцы также отказались вскоре от своих колонизационных попыток, которые приходится на 1595—1598 гг.

Основание национальных государств. К тому времени, от которого до нас дошли первые сколько-нибудь достоверные сведения о Мадагаскаре, темнокожие сакалавы, жившие на западном побережье, были самым могущественным племенем острова, большая же часть острова была заселена независимыми племенами. В конце XVI столетия возникло, несомненно, под влиянием арабов, большое государство сакалавов, Менабе, от которого в течение XVII и XVIII вв. образовались многие ответвления, из которых следует назвать в особенности Ибоину; истинным основателем могущества Менабе был Андриандахифоч, умерший в 1680 г. Лишь с появлением на сцене, в самом сердце острова настоящего малайского племени гова (говасы) это положение дел изменилось. Гова, поселения которых в исторический период их существования находились на внутреннем плоскогорье, в особенности в провинции Имерина, согласно их собственному преданию, издавна переселились сюда с восточного побережья; историческое сочинение, появившееся в 1873 г., дает список 36 государей, занимавших с того времени престол; согласно этому списку Сибри (Sibree) относит переселение гова на плоскогорье ко второй половине XI столетия. Впрочем, список государей, возможно, относится лишь к части этого народа, так как гова сначала распадалась на множество мелких, независимых друг от друга племен, из которых некоторые были даже данниками сакалавов. В противоположность Сибри, Грандидье полагает, что гова, или, вернее, андрианы (феодалы-владельцы), Имерины переселились сюда очень поздно. Гова в тесном смысле, свободное крестьянское население Имерины, по его мнению, являются потомками древних

184

индо-меланезийских колонистов, между тем как андрианы, выходцы с Явы или, во всяком случае, настоящие малайцы, появились на Мадагаскар лишь около середины XVI столетия, следовательно, после морских открытий португальцев. Толчку, данному этими относительно культурными пришельцами, гова обязаны своим возвышением. Еще в 1780 г. в Имерине было несколько самостоятельных государств, из которых самое могущественное было Тананариве.

В течение XVIII в. совершилось государственное объединение гова, которые мало-помалу начали сознавать свою силу и стали опасными для соседних племен. Первые завоевательные походы против живущих к югу бет-силео были предприняты королем Андрианампоина. Еще с большим успехом его дело продолжал сын его Радама I (1810—1828 гг.); он овладел большей частью северного плоскогорья и проник вплоть до восточного побережья, где завязал сношения с англичанами. Последние снабдили его огнестрельным оружием, после чего он предпринял борьбу с сакалавами, принудив их признать его верховенство, по крайней мере номинально, и выступил с притязанием на господство над всем островом, что, конечно, совершенно не соответствовало еще фактическому положению дел. На юге и юго-западе господство гова никогда не имело реального значения.

При восшествии на престол нового государя народ давал присягу на верность; законы и распоряжения объявлялись публично на больших народных собраниях, которые, однако, не имели никакого ни совещательного, ни решающего голоса. Большое значение имел первый министр; если на престол вступала принцесса или вдовствующая королева, то, по утвердившемуся обычаю, он должен был жениться на ней и тогда вступал, по большей части, в фактическое управление страной.

Радама вступил в борьбу с Францией, которая издавна бросала взоры на Мадагаскар. Самая ранняя французская колония, форт Дофин, была основана в 1642 г. на юго-восточном побережье острова. Торговая компания, учрежденная морским капитаном Гико из Диепа и под-

185

держанная кардиналом Ришелье (ум. 4 декабря 1642 г.), начала было свою деятельность, но спустя несколько десятков лет она обанкротилась. Характерен для печальной истории этой колонизации тот факт, что штатгалтер Этьен де Флаккур (первый историограф острова; ум. 10 июня 1660 г.) после шестилетней бесплодной борьбы предпочел вернуться во Францию (12 февраля 1655 г.). Компания передала свои права французскому правительству, которое уже тогда смотрело на Мадагаскар как на свою собственность, хотя эти владения доставляли ей, конечно, очень мало радости. Попытка Кольбера основать большое колониальное государство из Мадагаскара и прилегающих к нему островов и собрать необходимые для

этого средства путем основания «Ост-Индской компании» (1664 г.) сначала обещала успех, но вследствие вызывающего поведения губернатора Ла Гея попытка эта закончилась истреблением всех французских поселенцев и уничтожением форта Дофина в 1672 г. Этим был временно положен конец всем планам; отдельные европейцы, которые до поры до времени продолжали оказывать влияние на мадагаскарцев, были искатели приключений или пираты различного происхождения.

Но острова Маскаренские, на которых благодаря предприятиям на Мадагаскаре развились цветущие французские поселения, лежали слишком близко к Мадагаскару, чтобы этот многообещающий исполинский остров не продолжал привлекать к себе внимания. В 1750 г. французы приобрели остров Св. Марии, а в 1768 г. они снова заняли разрушенный форт Дофин. Вскоре после того французским управителем мадагаскарских поселений явился граф Мориц Август Беньовский, человек предприимчивый, но сумбурный; он вынудил нескольких прибрежных начальников уступить ему весь остров, основал здесь новые поселения и после оставления службы стал смотреть на себя как на собственника Мадагаскара, который он неоднократно, но тщетно предлагал французскому правительству. 4 июня 1786 г. окончилась его полная приключений жизнь, а с ней и его мечта о мадагаскарском царстве.

186

После этих безуспешных усилий французы попытались завязать непосредственные сношения с усилившимися тем временем гоа, но здесь уже давало себя чувствовать соперничество с англичанами, занявшими в 1810 г. Таматаве на восточном берегу. Притязания французов пережили смуты наполеоновской эпохи; Англия вернула Франции вместе с о. Реинион и мадагаскарские владения, как скоро можно было еще говорить о таковых, и, казалось, действительно, что на Мадагаскаре эта страна вознаградит себя за другие свои колониальные потери. Желание овладеть островом, естественно, должно было прежде всего столкнуться с проявившимися притязаниями гоа на верховное владычество. Когда в 1821 г. снова было основано поселение на острове Св. Марии, то гоаский король Рада-Ма (ум. 27 июля 1828 г.) принял угрожающее положение: французский губернатор ответил вооруженным протестом на принятие Радамой титула короля Мадагаскара. Благодаря энергии английского губернатора острова Св. Маврикия сэра Р. Фаргуара английское влияние на Мадагаскаре вполне одержало верх: гоа, войско которых было организовано по европейскому образцу, отняли у французов форт Дофин, между тем, как англичанам они предоставили многочисленные торговые привилегии (1825 г.).

В царствование королевы Ранавалоны дело опять дошло до открытой вражды, которая кончилась поражением французов. К счастью для Франции, королева, подчинившая себе юго-восточную часть острова, своей страстной ненавистью к иностранцам и изгнанием английских миссионеров (1835 г.) восстановила против себя и Великобританию. В 1838—1841 гг. французы, призванные принцессой Тсиумейк из Буэни (1839 г.) и принцами Тсимиар из Анкара (1840 г.), заняли еще несколько пунктов на северо-западном берегу, а именно, остров Носси Бе, и этим путем укрепили свое влияние на сакалавов; но тем не менее о решительной и последовательной политике пока и речи не было.

В конце концов дурное управление королевы Ранавалоны стало невыносимым даже для самих гоа и заставило их искать помощи извне; снова начались французо-английские козни, которые вызвали было опасные осложнения, но внезапная смерть в 1861 г. королевы и вступление на престол дружественного французам Радамы II произвели полный переворот. Тогда началась эпоха реформ, которая представляет собой некоторую аналогию с происходившими почти одновременно событиями в Японии. После убийства 12 мая Радамы партией, враждебной реформам и поддерживаемой англичанами, политика реформ была продолжена его вдовой и преемницей Разоагериной. Фактическая же власть находилась в руках ее супруга Райнитайаривоя, первого министра из гоаской фамилии Райнигаро, основавшего при содействии англичан нечто вроде мажордомства. Реформы также приняли постепенно такой оборот, который стал весьма опасным для французов (дружественный и торговый договор с Англией 27 июня 1865 г.). После смерти Разоагерины (1 апреля 1868 г.), на престол вступила Ранавалона II Майонка; 21 февраля 1869 г. она вместе со своим супругом, который опять-таки был первым министром, перешла в христианство, в англиканскую церковь, которая получила постепенно право гражданства среди гоа и с того времени стала сильно распространяться. Известие о поражении французов в войне 1870—1871 гг., естественно, еще более ослабило французское влияние.

Французский период

Вызывающий образ действий гоа и пронырство англичан вынудили в конце концов французское правительство после долгих безуспешных переговоров добиться силой своих притязаний на Мадагаскар, все более и более склонявшийся на сторону Великобритании. 13 июня 1883 г. они заняли на восточном побережье Таматаве, а тем временем на престол вступила после смерти прежней королевы Мадагаскара (13 июля) Ранавалона III Маниуака. Хотя поход французов внутрь острова не удался, все же 17 декабря 1885 г. был заключен выгодный для Франции договор, по которому Мадагаскар попал под протекторат Франции; генеральный резидент как представитель иностранных дел

188

должен был иметь свою резиденцию в главном городе Антананариву. Но гоа не придавали этому договору серьезного значения, пока в 1895 г. новая экспедиция с северо-западного побережья под начальством генерал-лейтенанта Дю-шена (Y. Ch. R. A. Duchesne) не овладела 30 сентября столицей после крайне слабого сопротивления со стороны гоа и отныне утвердила силой оружия протекторат Франции (договор 18 января 1896 г.). 6 августа 1896 г. Мадагаскар был объявлен французской колонией. Райнилайрив-ни, супруг королевы, был сослан в Алжир, за королевой же было оставлено на время ее королевское достоинство; в 1897 г. она также была

свергнута с престола и отправлена на остров Соединения. Этим, разумеется, лишь государство гова подпало под французское государство, но отнюдь не весь остров.

С утверждением господства Франции сильно поднялась торговля, причем удалось при посредстве дифференциального тарифа вытеснить в значительной степени английский ввоз в пользу французского; вывоз, важнейшие статьи которого составляют золото, рафия и каучук, также направляется теперь главным образом во Францию. Началась постройка шоссейных и железных дорог, а в гаванях, из которых самой главной все еще является Таматаве, развивается кипучая деятельность. Для удобства управления остров разделен на две военных территории, две гражданских провинции и одну смешанную территорию. В распоряжении генерал-губернатора (с 1896 г. — генерал Ж. С. Галлиени) находится небольшая французская армия, состоящая частью из сенегальских войск, и туземная гвардия. Иммиграция из Европы идет слабо, китайцы же и индийцы живут в значительном числе в прибрежных поселениях. В последнее время возник план поселить на мадагаскарском плоскогорье южноафриканских буров, которые не пожелали остаться на своей родине, покоренной англичанами. С 1841 г. остров Майотта из группы Коморских состоял под верховенством Франции, а в 1886 г. к нему была присоединена и остальная часть группы.

189

Маскаренские острова*

История французских притязаний на Мадагаскар тесно связана с тем фактом, что на островах Маврикия и Реюньоне из группы Маскаренских рано возникли французские колонии, которые имели здесь цветущие плантации. Когда эти острова были открыты в 1505 г. португальцем П. Маскаренхасом, они были совершенно необитаемы. Остров Маврикия был долгое время во владении голландцев (1640—1712 гг.), а с 1715 г. колонизирован французами (Иль-де-Франс — до 1810 г.), которые уже с 1646 г. имели свои поселения на острове Реюньон (Мае-карейн — до 1640 г.; Иль-де-Бурбон — до французской революции и снова с 1814 по 1848г.; Иль Бонапарт — 1809—1814 гг.). С 1734 до 1746г. французским губернатором здесь был Бертран-Франсуа-Маге де ла Бурдонне. Введение доходной культуры кофе увеличило в течение XVIII в. благосостояние и численность населения Маскаренских островов; впоследствии культура сахарного тростника также получила широкое развитие.

Во время Наполеоновских войн Англия, несмотря на сопротивление креолов, овладела обоими островами и по заключении мира удержала за собою остров Маврикия вместе с Сейшельскими островами (по имени француза Моро де Сейшеля) и островом Родригес. Необходимость иметь свободные рабочие руки для плантаций на острове Реюньон постоянно направляла внимание французов на Мадагаскар и много способствовала тому, что этот остров-великан в конце концов попал под их влияние. Уничтожение рабства на острове Реюньон в 1846 и 1848 гг. не повлекло за собой никаких серьезных последствий. Французские креолы и теперь еще господствуют на английском острове Св. Маврикия. Наряду с этим значительно усилилась иммиграция индусов.

* Маскаренские острова (Maskarene Isladns) группа островов вулканического происхождения в Индийском океане, состоит из островов Реюньон, Маврикий и Родригес. — *Прим. ред.*

Содержание

Историческое значение Тихого океана (Э. Вильчек).....	3
Историческая сцена.....	3
Период до Магеллана.....	8
Запад.....	12
Океания.....	23
Америка.....	28
Заключение.....	30
Новое время.....	32
Исследование Тихого океана романскими народами.....	32
Исследование Тихого океана германцами.....	37
Новые пути.....	39
Исследование Австралии.....	43
Раздел области Тихого океана.....	45
Судьба океанцев и задачи, поставленные переселенцам.....	46
Участие Америки.....	50
Участие восточноазиатских культурных народов.....	52
Заключение.....	54
Историческое значение Индийского океана (К. Вейле).....	57
Положение и очертание Индийского океана.....	57
Из древней истории.....	63
Эпоха до появления ислама.....	67
До появления китайцев.....	69
От появления китайцев до Магомета.....	75
От Магомета до Васко да Гамы.....	79
Восток.....	81
Запад.....	84

Новое время.....	89
191	
От Васко да Гамы до начала британского владычества в Индии (1498—1757гг.).....	89
От начала индо-британского владычества до прорытия Суэцкого канала 1757—1858гг.....	98
Середина XIX — начало XX вв.....	101
Прошедшее и будущее.....	105
Индонезия (Г. Шури).....	108
Этнографический обзор.....	108
История.....	111
Доисторический период.....	112
Разделение народов Индонезии.....	113
Переселения малайцев.....	115
Внешние вторжения.....	124
Отдельные части Индонезии в их самостоятельном историческом развитии.....	144
Мадагаскар.....	178
Древнейшая история.....	178
Достоверная история.....	182
Французский период.....	188
Маскаренские острова.....	190

Книга представляет собой обзор исторического значения Тихого и Индийского океанов и истории Индонезии до начала XX века. Методология автора строится на базисе антропогеографии и этнографии, что представляет особенный интерес.

Издание предназначено студентам гуманитарных факультетов и всем интересующимся историей.

